Серия "Жизнь с избытком,
Книга 1-я

Изабель Кун
Ищущие Меня

Перевод Л. Шнайдер

Содержание

Предисловие...
По мглистым равнинам ....
Скользкими путями во тьме ....
Чему не следует подражать ....
Мой год в "Аравии" ....
Пара туфель ....
Погасшие "свечи" ....
Миссионер из страны, где живёт племя лису
Библейский институт им. Муди ....
Духовное предзнаменование..........................
Многократно и многообразно ....
Экзамен и кандидатура на курс китайской миссии..
Ванкуверский "Угловой клуб" девушек ....
Мужественно вперёд!......................................

Предисловие

Что привлекало меня в Изабель? Её природная мило-видность, весёлая натура, не лишённая чувства юмора, блестящее образование в университете, пылкий темперамент? - Всё это и ещё многое другое.
Она симпатизировала мне тем, что рано научилась страдать. Не случайно на прощальном вечере в институте им. Муди она для своей речи выбрала тему "Раны Господа". Всей своей жизнью Изабель отобразила это направление. Ещё в молодости она с готовностью ре-шилась следовать за Господом, который "страданиями навык послушанию".
Жизнь предоставляла ей много случаев испытания на выдержку. И каждое такое испытание означало новый шаг на пути страданий. Было ли это ответственное поручение - оно требовало больших затрат духовных и физических сил. Была ли это подготовка к работе в неизведанных, не достигнутых Евангелием районах - она требовала выдержки. Труд в горных районах среди местных племён-аборигенов также требовал полной отдачи сил и означал одиночество. И, наконец, последний удар - неизлечимая болезнь - тоже принесла с собой не-мало страданий.
Всем этим невзгодам Изабель смело шла навстречу, потому что когда-то решилась идти тернистым путём. Весь её жизненный путь заключался в служении ближ-ним. Высшим счастьем для неё была отдача себя тем, кого попирали ногами, бедным и неграмотным, этим людям племени лису в юго-западном Китае, среди которых она потрудилась многие годы. Никогда она не воспринимала труд среди людей низшего сословия ниже своего достоинства. Большую радость ей доставляло осу-ществление в
жизни слов Писания: "Так-что смерть дей-ствует в нас, а жизнь в вас"(2 Кор. 4, 12), чтобы увидеть
исполнение высказываний Псалмопевца: "Из праха поднимает бедного... чтобы посадить его с князьями" (Пс. 112, 7-8).
Однажды, когда мы говорили о нашем служении, я спросил её: "Неужели наш труд всегда связан будет с людьми бедными и необразованными?" Она мягко, но уверенно ответила мне: "Да, дорогой. Почему бы и нет?"
Таковой была её жизнь. Она научилась страдать и свидетельствовала об этом своими

делами.
Читатели книги увидят, что фундамент для такой жизни был заложен Самим
Господом.
Джон Кун

По мглистым равнинам

"Перед каждым человеком открывается несколько дорог. Сильная душа устремляется к
дороге, ведущей ввысь. Слабая душа выбирает дорогу, уводящую на самый низ, а между этими путями по мглистым равнинам бредут все остальные. Путь ввысь, как и дорога, ведущая ко дну, лежит перед каждым; и каждый ступает на тот путь, которым желает идти его душа ".
Джон Оксенгэм
- В наш просвещённый век, конечно же, никто не верит мифам книги Бытия и... - Тут доктор Седжевик неожиданно прервал свою лекцию, как будто какая-то иная мысль внезапно пришла ему в голову. Шутливо под-мигнув, он предложил: - Но прежде я, наверное, опрошу вас, чтобы не быть голословным.
- Окинув взглядом большую группу первокурсников, слушавших его с большим интересом, он спросил с напускной строгостью: - Есть ли среди вас те, кто верит в рай и ад? Поднимите, пожалуйста, руки, кто верит, что описанные в книге Бытия истории правдоподобны. - Он ждал.
Я смело подняла руку и посмотрела вокруг, ожидая увидеть сокурсников, придерживающихся того же мне-ния. Но из группы, может быть, в сто студентов всего ещё одна рука тянулась 'вверх. Доктор Седжевик заулыбался и, видя наше смущение, сказал: - О, вы верите только потому, что этому учили вас родители. - И он продолжал лекцию, исходя из того, будто бы сегодня ни один думающий человек
не верит Библии.
В семье искренне верующих пресвитерианцев, в которой я выросла (дед мой был поесвитепмамсиим I

специального образования), меня основательно проин-формировали о сущности модернизма, прежде чем дать своё согласие на поступление в университет. Если бы в этой лекции речь шла просто о разных позициях модер-низма и фундаментального богословия, то это едва ли поколебало бы мою веру.
Но здесь вообще не приводилось никаких дока-зательств. Вместо этого было сделано
сочувственно-насмешливое заключение: "О, вы верите только потому, что этому учили вас родители", а к этому ещё добавилось высокомерное заявление, будто бы ни один мыслящий человек сегодня не верит древним повествованиям Библии.
Возвращаясь домой, я со всей серьёзностью задавала себе вопрос: "Почему я верю Библии и описанной в ней истории сотворения мира? Почему я верю в рай и в ад?"
Я верила, потому что, начиная с самого раннего детс-тва, была так наставлена родителями и церковью. Но достаточно ли этой основы, чтобы верить? Нет, и в этом
я была полностью согласна с доктором Седжевиком. Прав-да, в нашей семье мы замечательным образом получали ответы на совместные молитвы. Разве это не доказывает существование Бога? Но, с другой стороны, в лекциях по психологии меня учили, что разум способен влиять на материю. Не будь я столь легковерной, возможно, я нашла бы научное объяснение полученным ответам на молитвы. Ведь в наш двадцатый век верят только тому, что можно исследовать и проверить. Мы хотим, чтобы на-ши изыскания были научно обоснованными, а веру предков не желаем
принимать только потому, что они передают нам её в воспитании.
Доктор Седжевик, профессор английского отделения нашего университета, был убеждённым материалистом. Но по отношению к нам, студентам, которые, по его родителей, он был настолько терпеливым и дружелюб-ным, что вскоре завоевал нашу симпатию и уважение.

Его мнение стало для меня авторитетным. Так пошат-нулась моя вера.

По дороге домой я приняла решение не основывать своей жизни на теориях, не подвергнув их проверке. Ещё не зная, куда заведёт меня занятая мной позиция, я уже сошла с пути, ведущего ввысь, и затерялась в сумрачных равнинах. Так я ступила на промежуточный путь, где жизнь, растраченная на мелочи, лишена цели и смысла, где, увлечённый толпой, ты живёшь, как все. Поэтому между людьми, идущими дорогами сумрачной равнины, существует своего рода мирное соглашение, связующее звено, называемое терпимостью.

Ещё не осознавая того, что со мною случилось, я вдруг оказалась во власти "приятного" чувства освобож-дения от прежних обязанностей. Если нет Бога, к чему тогда каждое воскресенье эти сборы в церковь? Почему бы не использовать воскресенье для того, чтобы отоспаться после танцев ночи напролёт среди недели? Зачем читать Библию каждое утро, если она является ничем иным, как собранием мифов и старомодных идей? Это только отнимает время. Куда проще спать до последнего момента, вставая с расчётом, чтобы успеть к первой лек-ции. Молитва тоже становится излишней. Зачем разговаривать с тем, кто, возможно, и не существует?

Я не хотела причислять себя к атеистам, так как всё ещё ценила полученные ответы на мои детские молитвы. Я называла себя агностиком - я просто не знала, есть Бог или нет.

На том пути, где я оказалась, мне не было одиноко: там у меня было предостаточно компаний. Меня считали про-грессивно мыслящим человеком, который достаточно образован, чтобы усомниться

ичма">"""- -

-

Итак, некоторое время моя жизнь была довольно лёгкой. Однако родительское воспитание всё ещё оказывало на меня большое влияние. Хотя моё новое окружение считало Иисуса Христа всего лишь исторической личностью, я не могла с этим согласиться. Для меня Его имя было подобно нежной мелодии, которую я знала, которая не переставала пленять моё сердце, хотя в то же время я перестала искать Его. Его чистота и святость побуждали меня ненавидеть все грязные дела.

И это всё оттого, что так учили меня родители. Поэ-тому, даже обратившись лицом к миру, я всё ещё была осторожна во всём, что делала. Я не курила. Отравленное дыхание и жёлтые пальцы или зубы курящих отталкивали меня. Я внушала себе, что для подобных дел была слишком утончённой. Не прикасалась я и к спиртному. Мой отец, глубоко несчастный моим отречением от всего, чему меня учили дома, будучи медиком, всё предостерегал меня от употребления алкоголя, имеющего тяжёлые последствия для девушек:

"Алкоголь оказывает расслабляющее действие как на мужчин, так и на женщин, и под его влиянием легко соблазнить девушку ко греху, на что бы она никогда не поддалась в трезвом состоянии. Мы с доктором Хэллом постоянно имеем дело с подобными случаями. Не прикасайся к алкоголю, тогда ты, может быть,, оста-нешься чистой!"

Поэтому я не пила. К тому же двенадцатилетней девоч-кой я дала обет, и удивительная верность ему хранила меня от нарушения данного обещания. Поэтому и кругу весёлых студенческих компаний университета я слыла хорошей девушкой и даже христианкой. Но я-то пре-красно знала, что ею не была.

Помимо общих лекций и семинаров я посещала пре-стижный курс английского языка и литературы, - и в результате ещё больше попала под влияние доктора Седжевика. Но более всего меня интересовал "Клуб актёра". Это был действовавший при университете любительский театральный кружок. По-видимому, я обладала даром исполнения комических ролей. Уже в первый год я завоевала приз, дающий право

быть посто-янным членом "Клуба актёра", приз, который редко доставался новичкам.
Руководитель клуба-театра был преподавателем английского факультета. Он верил в Бога и в Христа, то есть не был атеистом, как доктор Седжевик. Благодаря дружбе с ним я не впала в крайности. Но театр был его страстью, что вскоре передалось и мне.
Моя мать настойчиво просила меня вступить в общество девушек-христианок. Желая сделать ей приятное, я несколько раз ходила туда, но мне было до того скучно там, что вскоре я прекратила эти посещения.
Я слишком любила театр и танцы и посвящала им всё своё свободное время. И даже в нашем университетском ежегоднике за 1922 год рядом с моей фотографией стояла такая подпись: "Уж этот стук её каблучков в танце!" Здесь не было и малейшего намёка на будущую миссионерку.
На втором курсе я была избрана секретарём сту-денческого совета. В то время это было самой высокой должностью, которую могла занять студентка.
Я познакомилась с молодыми людьми, входящими в студенческий совет университета, и тайно обручилась с Бэном, лучшим футболистом и баскетболистом.
Бэн - вернувшийся с первой мировой войны солдат, несколькими годами старше меня, был некрасив, зато двух метров ростом. Он был из добропорядочной бап-тистской семьи, из-за чего моя мать и одобрила нашу дружбу. По воскресным вечерам он иногда брал меня с собой в церковь. Благодаря этому мы приятно и без особых затрат проводили наши совместные часы, так как больших денег у Бэна не было.
Делая мне предложение, он сказал, что наша помолвка должна оставаться в тайне до получения им учёной степени, чтобы его отец не воспротивился нашим отношениям. Но я настояла, чтобы сказать об этом, по крайней мере, моим родителям. Его же родители об этом так никогда и не узнали. Почти два года мы были вместе, и моя жизнь за это время заметно шла под уклон.

Скользкими путями во тьме

"За то путь их будет для них, как скользкие места в темноте; их толкнут - и они упадут там; ибо Я наведу на них бедствие, год посещения их, говорит Господь" (Иеремия 23, 12).
Вначале сумрачные равнины давали ощущение твёрдой почвы под ногами, радовали глаз и отвечали требованиям современного вкуса.
Первое время не замечаешь, как манящий сумрак постепенно переходит во тьму. И ни один из весело бол-тающей большой компании не посоветует остерегаться скользких мест, где неизбежна боль падения.
В этой хвалёной свободе, где позволено делать всё, что заблагорассудится, на первый взгляд, ничто не пред-вещает опасности, поскользнувшись, упасть, как это с такой ясностью предсказал пророк Иеремия. Но прежде всего, ничто не указывает на то, что хождение сумрач-ными равнинами кончится встречей с Господом и судом над грехом. И это абсолютная истина.
Однажды, в последний год моего обучения в универ-ситете, моя однокурсница Кора одной фразой поразила меня в самое сердце. -
- Изабель, - сказала она, - я должна тебе кое-что сказать, хотя знаю, что тебя это больно ранит. Всё, кроме тебя, знают, что Бэн не верен тебе. За твоей спиной он ходит развлекаться с Ребой.
Я испуганно посмотрела на неё, и её глаза наполнились слезами сочувствия. Но она продолжала, как нас-тоящий друг:
- Помнишь, когда ты болела и не могла принять учас-тие в танцах?
- Да, - ответила я. - Вместо меня он пригласил Ребу, спросив меня, не обижусь ли я. Я ответила, что нет.

- Ну, как я предполагаю, с того раза всё и началось. С тех пор их часто видели вдвоём. Люди уже говорят об этом, и я не могла вынести, что ты одна об этом нчего не знаешь. Но думаю, что он не стоит твоих слёз, - закон-чила она.
Но я очень переживала. Поверить в это было так труд-но, хотя я знала, что в последнее время он не уделял мне должного внимания.
Об этом говорил со мной мой отец.
- Ты его слишком балуешь, малышка, - сказал он, называя меня тем ласковым именем, которым он обращался ко мне, самой младшей в семье. - Всю любовь к мужчине можно открывать после того, как выйдешь за него замуж; будь сдержанной, пока ты с ним обручена. Мужчина стремится завоевать свою спутницу жизни. К чему бежать за трамваем, когда он уже настигнут?
Поэтому вина была не только на стороне Бэна. Но мне не было и двадцати лет, и я была ещё такой неопытной. Пообещав стать женой Бэна, я совсем потеряла голову от
любви к нему.
Как следствие этого, я мучила себя сомнениями: "Вот если бы я..." и "Может, мне всё-таки..." Но и этой последней надежды лишил меня сам Бэн.
Однажды утром я встретила его у входа в уни-верситет. Мы были одни, ни единой души кругом. Я упрекнула его за то, что он за моей спиной встречается с Ребой. Я
хотела из его уст услышать правду, так как любовь противилась верить слухам. И мне не забыть, как он, криво усмехнувшись, сказал:
- Ты слишком наивна, Изабель. Неужели ты думаешь, что после нашей женитьбы я не буду встречаться с другими женщинами?
- Тогда мы расстанемся, - беззвучно произнесла я. Я была оглушена, как от удара.
Тупая боль того возвращения домой навсегда вре-залась в мою память. Я знала, что
никогда не смогу выйти замуж за человека с подобными взглядами на жизнь. В этом и была вся беда.
Вот они, жизненные устои сумрачных равнин. Но я знала о Христе, поэтому не могла
довольствоваться меньшим, чем те идеалы, на которые Он мне указал. Так я попала
на скользкие тропы во тьме. Гордость моя была уязвлена, любовь изранена. Сон не шёл, а отдых был мне так нужен. Ведь к тому времени я записалась на курс английского языка и литературы, на который уходило больше времени, чем на обычный университетский пред-мет. Я много работала, поэтому мне был очень необходим здоровый сон; но как раз его у меня не было.
Моя мать была очень огорчена моим решением порвать все отношения с Бэном; она вновь и вновь повторяла: "Если бы ты послушалась моего совета!"
Я же ни с кем не хотела говорить на эту тему. Лучше всех мог меня утешить отец. Но он был настолько так-тичным, что, любя меня, не заводил разговор об этом. О том, что я не могла спать, он наверняка знал.
Однажды ночью, когда все домашние уже давно спали, я, как всегда, страдала бессонницей и слышала, как отец вошёл в мою спальню. Склонившись перед моей кроватью, он просил Господа помочь мне. Однако этим он ещё больше расстроил мои чувства.
- Спасибо тебе, папа, - устало произнесла я. - Знаю, что ты желаешь мне добра. Но твоя молитва не пошла дальше потолка.
Я никогда не забуду того вздоха, с которым он, отвер-нувшись от меня, медленно вышел из комнаты.
Моё состояние всё ухудшалось и достигло кри-тической черты в канун Рождества. 17 декабря должен был отмечаться день моего двадцатилетия. Не помню, случилось ли
это до того или после.
Почтовые часы на центральной улице пробили два часа ночи, а я всё ещё не могла уснуть. Я знала, что больше не выдержу без сна, и боялась потерять все силы к утру. И тут подступил искуситель.
"Чего, собственно, стоит жизнь? - нашёптывал он. -Бэн всего лишь обыкновенный, посредственный человек. Все мужчины такие. Ты никогда на найдёшь такого, который любил бы тебя так, как ты этого желаешь. Твои идеалы слишком высоки, и

ты никогда не будешь счастлива с человеком, не соответствующим этим иде-алам. К чему жить? Такая жизнь не принесёт ничего, кроме страданий; в ней нет смысла! В ванной стоит склянка с ядом. Несколько глотков - и все трудности окажутся позади!" Неплохая идея! Это единственно разумное решение. Я соскочила с кровати,
чтобы тут же пойти в ванную. (Вот они, скользкие пути во тьме, на которых мы, поскользнувшись, падаем.)
Я уже взялась за ручку двери, как вдруг тяжёлый вздох нарушил тишину ночи. Это в
соседней комнате стонал во сне мой отец. Я не боялась, так как на слух определила, что он спит; но при мысли о нём я содрогнулась...
Я всё ещё стояла перед дверью, держась за ручку. Внутри меня шла борьба: "Покончи я жизнь само-убийством, отец непременно будет думать, что я в аду. Конечно же, никакого ада нет, но мой отец верит в это, и как ужасна должна быть для него эта мысль обо мне. Он так любит меня Г'
Вернувшись в комнату в сильном смятении, я присела на край кровати. Это было самое тёмное мгновение моей жизни. Жить дальше я не хотела, но и умереть не смогла. О, это чёрное отчаяние сумрачных равнин!
Если бы я могла тогда увидеть солнце, освещающее путь горний! Сколько сердечной боли не пришлось бы мне испытать, если бы кто-нибудь смог мне сказать, что Бог уже возложил Свою руку на человека, которому однажды суждено было стать моим
супругом. Но как я могла тогда узнать об этом? Я должна была до дна испить чашу разочарования в обещаниях сумрачных равнин. Только так я могла избавиться от их соблазнов.
И тут случилось нечто странное. В тот день я прочла труд Мэтью Арнольда "Изучение поэтческих творчеств". Я уже упоминала, что как раз Седжевик, последователь Арнольда, был первым, кто совратил меня с пути вышнего. В этой работе автор приводит цитаты классиков о совершенной поэзии.
Одна из цитат принадлежала Данте: "Ин ла суа волонтаде е ностра паце". Насколько
я знала латынь, то это должно было означать: "В Его воле наш мир". И эти слова были подобны яркой молнии во мраке моей ком-наты. Данте верил в Бога! А что, если Бог действительно существует? Если Он есть, то я определённо не жила согласно Его воле. Может быть, из-за этого я не могла найти мир?
Эта мысль завладела мною. Рядом не было никого, кто мог бы видеть меня.
Всё ещё сидя на краю кровати, медленно подняв руки, я прошептала: "Боже, если Ты
есть, если Ты дашь мне знать, что Ты существуешь, и если Ты желаешь дать мне мир, я вверю свою жизнь Тебе. Тогда я буду делать всё, чего Ты потребуешь, пойду, куда Ты пошлёшь, и буду послушна Тебе всегда".
Я легла и натянула на себя одеяло.

Чему не следует подражать

Первое, что дошло до моего сознания, были приметы начинающегося дня: золотистый луч солнца падал в мою комнату в это декабрьское утро. Я ещё лежала в полусне, как вдруг одна мысль заставила меня окончательно прос-нуться. Я спала сном ребёнка! Как только такое было возможно? Таким глубоким, сладким сном я давно не
спала. Что же это значило?
В мыслях я вернулась к событиям прошлой ночи. Я
заключила договор с Богом. Я просила Его о мире, и мир был дан мне.
О да, твердил разум, это легко объяснить, и для этого я Бог вовсе не нужен. Это всё ещё не является дока- | зательством Его существования. Разум простонапросто
оказал влияние на материю: я возложила свои трудности на воображаемое существо, поэтому-то и успокоились тело и мозг.
Нервно откинув одеяло, я вновь уселась на край кровати. Мне не хотелось прибегать к религии просто как к успокаивающему средству.

Я хотела оставаться реалисткой. Так, наверное,
должно было быть, что мне в жизни было дано "чувство реальности".
Рассуждая так, я не могла успокоиться при одной мысли: ведь ты ночью заключала договор, и "вторая Сторона" сдержала слово, хоть и не оговаривалось, каким образом тебе будет дарован покой; главное, что ты его получила.
Этого никто не слышал, поэтому никто и не узнает, если всё окажется глупостью.
Почему бы и мне не выполнить мою часть договора и посмотреть, что из этого получится? Почему бы не начать искать Его по-настоящему? Искать Бога? Где? Может
хоть какой-нибудь человек, ища, найти Бога?
Когда я размышляла об этом, передо мной всплыла картина из прошлого. Это было на
Гуэльфской конференции в 1921 году, организованной в связи с образованием христианского студенческого движения. Свидетельствовал один мужчина; "Когда я был в плену в Германии, мне дали Библию. Я начал читать её. Я нашёл Бога, читая Его Слово".
Я тогда приехала на конференцию от нашего уни-верситета в качестве делегата христианского сту-денческого союза, но впечатления на меня она не произвела. Я знала о спорах модернистов с фунда-менталистами. Но этот молодой человек, бывший
солдат, мужественно вступился за веру. Я всё ещё была агностиком, и мне надоели аргументы в пользу веры. Я выслушала и других, но их теории не затронули моё сердце.
А тот молодой человек пылал верой. То, что он представлял на конференции, являлось действитель-ностью. Только он один, чьего имени я даже не знала, напоминает мне об этой конференции.
И сейчас, в минуту внутренней нужды, я вновь видела его, стоящего там, с сияющим
лицом свидетельствую-щего о том, что он нашёл Бога. Он нашёл Его через Хрис-та Нового Завета.
У меня была Библия. Она стояла на моей книжной полке, запылённая от того, что ею
не пользовались, новая и красивая - подарок отца в день моего экзамена на аттестат зрелости. Достав Библию с полки, я раскрыла её. Противоречивые мысли одолевали меня.
Модернисты утверждают, будто бы первые пять книг Библии написаны не Моисеем. То одно, то другое ставилось под сомнение. Есть ли в этой книге вообще что-нибудь, не подвергавшееся сомнению?.. Да, историчность личности Иисуса Христа - вне всяких сомнений. И беря во внимание все четыре Евангелия,
можно предположить, что они являются подлинными записями Его учения. По крайней мере, такими же авторитетными, как учения Платона о Сократе.
Я решила искать Бога через Иисуса Христа, уделяя внимание всему, чему учил Христос, и от всего сердца стремиться жить по Его заповедям.
Иисус молился, поэтому, начиная с этого момента, я тоже стану молиться, конечно же, осторожно, собст-венно, не надеясь, что молитва пойдёт выше потолка.
Приняв это решение, я поднялась и стала готовиться к дальнейшей учёбе в университете Бритиш-Колумбия.
С этой минуты я как бы раздвоилась. Жизнь моего внешнего человека по прежнему состояла из учёбы, мирских удовольствий, честолюбивых помыслов. А тем временем мой внутренний человек настойчиво искал Бога. Я искренне хотела познать Его и понять, кем же Он является для людей.
Бог - не марионетка. Люди не могут, дёрнув за верёвочку, ожидать от Него, что Он
будет следовать их воле; они даже не имеют права располагать верёвочкой по своему усмотрению, как это сделал некий Бильям.
Бог - людям не слуга, отвечающий на прихоти маленького атеиста. Он также и не существо, появляющееся при заклинании, если кому оно известно.
Бог - это наш Создатель, Он всемогущ и обитает в недоступном нам свете. Он требует почтения. Но Он также хочет стать Отцом для тех, кто по проло-женному пути, через Христа,, желает прийти к Нему. И как Отец снисходит Он к незрелости младенца во Христе. Лишь это является объяснением того, что произошло со мною.
Бог отвечал на молитвы, которые были недостойны Его.

Если бы я и сегодня молилась так, Он не ответил бы мне. Но тогда Он услышал мою молитву, невзирая на эгоистичное ничтожество моей просьбы, лишь ради моего чистосердечного искания. Он знал, что я действительно так думала, когда говорила, что хочу посвятить Ему всю мою жизнь. Бог ищет прекло-няющихся перед Ним, которые поклоняются Ему в духе и истине.

В течение следующих трёх месяцев после моего "договора" со мной не произошло ничего особенного. Я читала Евангелие и молилась, когда была одна, но в церковь не ходила, и нельзя было явно увидеть моего интереса к религии.

Однажды я была приглашена на вечер танцев к моей подруге Джилл. Джилл переехала в другой городской квартал и наверняка ничего не знала о моём разрыве с Бэном. И так как она меня не спрашивала, хочу ли я, чтобы он был моим партнёром, то и я не могла ей ничего об этом сказать. Обычно она организовывала такие танцевальные вечера каждый сезон и приглашала Бэна только ради меня, так как я была её подругой, и она хотела сделать мне что-то приятное. Она предоставила решать ему, кто за мной придёт и кто после танцев проводит домой.

Пока я готовилась к вечеру, меня занимала мысль: ко-го я встречу в доме моей подруги.

Бэна там не было, поэтому я по-настоящему радо-валась вечеру. Приглашённых было немного, и я от всей души была благодарна моей подруге.

В доме Джилл было три комнаты, ведущие одна в другую, и все они были в нашем распоряжении. Я танцевала с Лэсом, другом Коры (впоследствии они поженились). И в этот момент произошло вот что. Мы танцевали в среднем зале, когда раздался звонок в дверь.

Джилл открыла дверь, и я увидела Бэна с Ребой, которая вошла первой. Я не верила своим глазам. Как только он посмел такое сделать! Это было подобно удару в лицо.

Деваться было некуда, так как нас было немного. Дрожа всем телом, я споткнулась о ноги моего партнёра.

Учёба и танцы допоздна, бессонные, горестные ночи совсем расшатали мои нервы. У меня уже не было сил и некуда было ускользнуть из этого унизительного поло-жения. Понимающий, сочувственный взгляд Лэса не мог помочь мне выйти из этой неприятной ситуации. Я не могла скрыть от Бэна своей боли, и это было невыносимо длямоей гордости.

- Лэс, я неважно себя чувствую, извини меня, - чуть слышно произнесла я.

Мы стояли у лестницы. Я влетела вверх по ней в спальню, которая была отдана нам под гардероб. Не в силах сдержать волнение, я металась по комнате из угла в угол, пытаясь гордым протестом успокоить дрожащее тело. Но это было невозможно. Я трепетала, как осиновый лист.

Вдруг я вспомнила, что хотела проверить, есть ли Бог. Из-за такого незначительного повода обращение к Богу звучало почти смешно, но я всё же помолилась: "О Боже, если Ты жив, дай мне, пожалуйста, мир". Я ещё не закончила говорить, как почувствовала облегчение. Оно шло откуда-то сверху, извне. И сразу же было восстановлено моё равновесие, я была совершенно спокойна. Невероятно! Я вытянула руку, и она больше не дрожала. Не поблагодарив Бога, но внутренне поражённая, я сбежала вниз по лестнице. Мои друзья ещё танцевали тот же танец, и Лэс всё ещё стоял внизу у лест-ницы, где я его оставила.

- Мне снова хорошо, Лэс, - произнесла я радостно.

- Давай дотанцуем этот танец!

Так мы и сделали. Какой чудесный триумф! Казалось, будто новая жизнь пульсирует в моём теле, и это чувство не покидало меня весь вечер. Бэн попросил меня стан-цевать один танец с ним. Он даже не пытался скрыть своё удивление. "Ты сегодня прекрасна!" - прошептал он. На что я ему что-то уклончиво ответила. Наши идеалы были слишком разными, и я не должна была вновь терять голову от любви к нему.

Этот вечер был для меня блестящей победой. Гор-дость и тщеславие были

удовлетворены, лишь в тиши моей комнаты я прочувствовала и осмыслила всё происшедшее.
Бэн мне очень нравился, и потребность пройти с ним по жизни в полной гармонии нельзя было заглушить доводами рассудка. Сон не шёл. Последние часы ночи были для меня мучительными.
Но одно было ясно: я взывала к Богу о помощи, и хотя на губах моих была насмешка
неверия, Он мне тотчас же ответил. В этом не было ни тени влияния разума на материю. Разум не имел веры. А помощь пришла.
Я была убеждена, что какая-то разумная, любящая и властная сила свыше управляла мною. И теперь необхо-димо было выяснить, чего я могла ждать от Бога. Слышит ли Он каждую молитву, произнесённую перед Ним во имя Иисуса Христа? Начиная с того дня, я с верой молилась по утрам и вечерам. Мои молитвы всё ещё были эгоистичными, чему не должен подражать ни один из моих молодых читателей.
Приди, как я, к Богу через Иисуса Христа, умершего за нас на Голгофе! Стремись к
Нему. Ищи Христа, открытого нам в Библии! Только не ходи окольными путями, пройденными мной.
Я упрямо отвергала любой человеческий совет, и моя жизнь протекала на таком низком уровне, что не могла встретиться с Богом на более высоком.
Я спрашивала себя, мог бы Бог услышать явно не-серьёзные молитвы, например, о том, чтобы поступили приглашения на определённые балы или танцевальные вечера. Теперь я уже училась на последнем курсе, и почти все мои друзья были женаты или помолвлены. В самом
близком кругу моих друзей не было ни одного, который был бы свободен, чтобы пригласить меня, а я никогда не дошла бы до того, чтобы самой просить об этом кого-либо. Но Бог чудным образом ответил на такую молитву. Моё неверие было сражено силой Его могущества. В качестве примера хочу рассказать об одном событии.
Один из соседних университетов прислал свою футбольную команду, чтобы состязаться с командой нашего университета. После игры была запланирована встреча за чашкой чая и танцы. Туда были приглашены лишь игроки и их девушки. Бэн был одним из лучших игроков, и я очень хотела тоже быть там. Он был зачислен
в эту группу благодаря моему содействию. Поэтому я хотела присутствовать на этом
торжестве, чтобы показать ему, что я независима от него, когда речь идёт о развлечении. Какая низкая плотская причина! Но ведь и надежды никакой не было получить приглашение в этот узкий круг. Сможет ли Бог это сделать? Я попросила Его об этом.
Это было за день до мероприятия. Теперь меня, конечно же, никто не пригласит. А если бы кто-то и пригласил, то это запоздалое приглашение было бы оскорблением для девушки, как свидетельство того, что она была лишь второй или третьей приглашённой.
После обеда я договорилась встретиться с моим однокурсником, чтобы репетировать сцену из пьесы, в которой играли только я и он. Джордж, мой хороший друг, был помолвлен с Мартой, одной из моих одно-курсниц. Он считался одним из ведущих игроков фут-больной команды, но я этого тогда не знала.
На репетицию он пришёл к нам домой. Когда мы за-кончили, то при прощании, уже берясь за шляпу, он сказал:
- Изабель, ведь завтра я тебя снова увижу на танцах после игры, правда?
Из этих слов я поняла, что он ещё ничего не слышал о моём разрыве с Бэном. Чуть помедлив, я ответила:
- Нет, ты меня не увидишь, Джордж.
Он повернулся и посмотрел на меня проницательным взглядом. Затем очень тактично,
как настоящий джен-тельмен, сказал:
- Вчера Марту совершенно неожиданно вызвали из города. Я уже предполагал, что мне придётся без дамы идти на танцы. Могу ли я тебя просить составить мне компанию? Я всё объясню Марте; она не обидится, я знаю.
Всё было так просто. Не переставая удивляться, я была в восторге, и вторая половина дня вновь была настоящим триумфом для моего тщеславия.

Партнёров у меня оказалось больше, чем самих танцев, в то время как Реба не раз оставалась сидеть неприглашенной. Кстати, когда Бэн хотел танцевать со мною, то прежде ему пришлось искать ей партнёра.
Ну теперь-то я могла думать, что всё это сделал Бог. Я знаю, что это был Он. Но,
одержав эту победу, я получила урок, который никогда не забуду.
Тогда я осознала, что удовлетворённые гордость и тщеславие никогда не могут дать
душе мир. Под торжествующей оболочкой я в сущности была несчастна. У меня на сердце временами лежала свинцовая тяжесть, в то время как с моих губ слетала всякая весёлая бессмыслица. Чем дальше, тем больше я чувствовала себя несчастной и отрезвленной от одержанных побед. Так хотел этого Бог. Казалось, что Он говорил мне: "Если ты стремишься к этому, то получай ещё больше!" Он просто засыпал меня этими суетными земными благами. И каждый раз, казалось бы, в
безнадёжной ситуации, Он обеспечивал мне очередное приглашение и этим вновь доказывал, что для Него нет ничего невозможного.
Всё это время родители ничего не знали о моём внутреннем искании, хотя они чувствовали, что во мне
происходила какая-то перемена, несмотря на то, что я всё ещё отказывалась ходить
с ними в церковь.
В воскресные дни я обычно находилась дома, отсыпалась за те бессонные ночи, которые среди недели посвящала танцам.
Возможно, мать почувствовала слабую уступку с мо-ей стороны, потому что она вновь попыталась помочь мне подняться.
- Я бы так хотела, Изабель, чтобы ты пошла со мной послушать профессора Эллиса. Собрание будет прово-диться не в церкви; оно скорее будет похоже на разбор Библии. Собираться будут в одном из классных поме-щений ванкуверской Библейской школы. Пойдём со мной ради меня! Разве тебе не хочется доставить мне радость? Я бы не хотела идти одна.
Я пошла. Я не знала, был ли кто из моих знакомых здесь, в аудитории. Сама я ни на кого не обращала вни-мание. Люди вообще меня больше не интересовали.
Но говорящий слово заинтересовал меня. Профессор Эллис был образованным христианином. Мне нравилась его спокойная, утончённая манера говорить. В тот день он говорил об искушении Христа.
Тактично и ясно он опровергал все аргументы либеральной трактовки. Сразу было видно, что говорил уче-ный, который был знаком со многими воззрениями. Он был настоящий джентельмен, который никогда бы не дошёл до неприличных замечаний по поводу своих про-тивников. Его лицо, излучавшее спокойный свет, сви-детельствовало о его личном общении с Богом. Я сразу поняла, что это был тот
проповедник, в котором я нуждалась. Я решила, что приду снова.
Сзади меня сидел верующий человек, робкий и сдер-жанный. Я его знала только как мистера Райта, так как он был другом моего отца. После собрания он нагнулся вперёд и обратился ко мне:
- Я рад видеть тебя здесь, Изабель. Я больше семи лет молился за тебя.
Когда он это говорил, на глазах его были слёзы. Ведь прошло уже несколько лет с тех пор, как я, вопреки просьбам моего отца, посвятила свою жизнь танцам и другим мирским удовольствиям.
Меня до глубины души тронула преданность и христианская любовь этого человека. Со слезами на глазах я попыталась произнести "благодарю вас".
С тех пор меня каждое воскресенье видели на том по-слеобеденном собрании. Неделю
за неделей я получала духовную пищу и подкрепление, слушая истины Слова Божьего.
Образованность профессора Эллиса, его толко-вание Слова, а также его доброта полностью завоевали моё доверие и пробудили во мне желание учиться у него.
И хотя голова моя всё ещё была окутана туманом сумрачных равнин, ногами я уже стояла на пути горнем, когда лицом обратилась к Богу.

Мой год в "Аравии"

В мае 1922 года я защитила диплом, мне была при-своена академическая степень. Благодаря моим доку-ментам об образовании мне понадобилось всего пять месяцев практики в школе, чтобы получить патент на учительскую должность. Я намеревалась
преподавать английский язык студентам какого-нибудь университета, но из-за своей
молодости и недостатка учительского опыта должна была начать с преподавания в начальной школе.
В центре страны я бы, вероятно, нашла работу в старших классах, но мать и знать об этом не хотела. Она настояла на том, чтобы я преподавала в одной из городских школ. Так я поступила на работу в Сесил-Родескую школу в Ванкувере, где я преподавала в третьем классе начальной школы.
Тем временем мои родители переехали в Викторию, в Британскую Колумбию. Там мой отец работал рентгенологом с доктором Эрнстом Нэллом. Мать продала наш дом в Ванкувере и приобрела птицеферму в окрестностях Виктории. Эта ферма предназначалась моему брату. В прошлом солдат первой мировой войны, сейчас он искал работу и думал получить удовлетворение в фермерской жизни.
В феврале 1923 года я начала работать в Ван-кувере. Сначала я должна была найти себе жильё. Теперь я буду впервые жить вдали от родительского дома и стану само-стоятельной. Теперь-то мне никому и ни в чём не придётся давать отчёт, ведь
каждый месяц могу рассчитывать на свой оклад. Эта мысль приводила меня в восторг. Только где я буду жить?
Однажды я встретила мать одной девочки, с ко-торой я восемь лет назад училась в начальной школе. Это была шотландская семья. Мать семейства, миссис Хантер, была рассудительной, мыслящей женщиной, но она придерживалась мысли, что бить детей нельзя.
Я часто себя спрашивала, не было ли это причиной того, что дети её поступали только по своему усмотрению, как им было угодно, ни о чём не спрашивая мать. Двое младших отказались посещать школу и поэтому вынуждены были найти себе занятие, не соответствующее уровню их семьи. Когда в тот день я повстречала миссис Хантер, то финансовые дела её были так плохи, что она считала необходимым
открыть пансион. Поэтому она меня и спросила, не хотела бы я перебраться к ней. Правда, она извинилась, что не могла предоставить тех удобств, к которым я привыкла до сих пор.
К тому времени она уже продала свою добротную мебель. Но зато она оказалась очень аккуратной и чис-топлотной и была великолепным поваром; к тому же её дом был недалеко от школы. Моя мать была знакома с этой женщиной и облегчённо вздохнула, когда узнала, что я сняла комнату у миссис Хантер. Эта женщина так радушно и с любовью обращалась со мной, будто я была её собственным ребёнком. Так я и жила в этом доме - единственная, как я считала себя, верующая. Обе дочери были обручены с матросами. Младший сын был полицейским, у него была жена и ребёнок.
Его деверь, которого мы называли Лари, посещал учительский семинар. Ввиду того, что он ещё ничего не зарабатывал, за жильё он платил очень мало, по всей вероятности,вообще ничего.
Такова была семья, новым членом которой я стала. После защиты диплома рассеялся и круг моих друзей. Многие направились в другие университеты, чтобы полу-чить более высокие учёные степени. Другие работали в центре страны, где они смогли получить места для преподавания в старших классах. Прошло совсем
немного времени, и мне показалось, что я осталась совсем одна, живущая в совершенно ином мире. '
Молодые люди в пансионе были со мной очень при-ветливы, но для себя они выбрали лёгкую, необре-менительную жизнь, которую я не хотела делить с ними. Окружённая смехом и шумом, я чувствовала себя такой одинокой, будто жила в Аравийской пустыне. Полтора года Бог держал меня заключённой в одиночестве. Поэ-тому то время я всегда называла "моим годом в Аравии".
Один молодой человек, которого назовём Мэком, время от времени приглашал меня

на
танцевальные вечера в университете. Но из-за того, что он жил не в Ванкувере, мы
виделись с ним очень редко. Я начала посещать по вечерам ванкуверскую Библейскую
школу. Но так как занятия начали проводиться лишь с недавнего времени, то я там почти не встречала других верующих молодых людей. Я была действительно одна.
Ф.Б. Майер в своей книге "Авраам" пишет, что время одиночества - одна из школ испытаний Божьих: "Одино-чество является признаком того, что ты находишься на пути Божьем". Он продолжает: "Ничто так не укрепляет нас, как состояние отделённости от других и процесс пересадки на иную почву... Под их благотворным влия-нием пробуждаются природные душевные силы... Нам не обязательно отрываться от дома и семьи, но мы должны отказаться от глубинной связи, от мирских опор какого бы ни было рода, если мы когда-нибудь хотим узнать, что значит просто и во всём доверять вечному Богу".
По вечерам мне очень не хватало тишины. Одни члены семьи играли в карты, другие танцевали или развлекались допоздна. При таком шуме молитва была просто невозможной. А вставать раньше из-за этого тоже не стоило, так как мои мысли сразу же начинали вращаться вокруг предстоящего школьного занятия, которое, кстати сказать, давалось мне нелегко. И я попросила Господа
будить меня в два часа ночи, когда в доме царила тишина. "Тогда-то я выделю час для изучения Библии и для молитвы", - думала я.
И случилось чудо. Будучи неисправимой засоней, я вдруг стала, к своему удивлению, регулярно просыпаться по ночам в одно и то же время. Христос был мне теперь всегда так близок, что я думала, что коснусь Его, если протяну руку. Тогда я узнала, что доктор А. В. Тайзер называл "сознанием Его присутствия". Это
давало моей душе мир, который никто из живущих на земле не смог мне дать. Это наполняло меня глубокой, ни с чем несравнимой радостью общения. И всё это случилось "в моей Аравии", когда я познала общение со Христом, жизнь "один на один" с Христом, которая стала мне дороже всего на свете.
Но сознание Его присутствия появилось не в первые месяцы моего пребывания в пансионе миссис Хантер. Тогда мои мысли всё ещё были погружены в тёмные равнины,
а ночами я всё ещё была глубоко погрязшей в мире. В чистую духовную атмосферу я была поднята интересным образом.
А началась она с ужасного разочарования. Вначале я должна сказать, что я вовсе не была счастливой, являясь учительницей восьмилетних третьеклассников. Вначале я была в восторге от детей. Раньше мне никогда не приходилось так близко сталкиваться с ними. Так как я была младшей в семье, мне не пришлось возиться с детьми. Конечно же, у меня были маленькие двоюродные братья, но из-за нашего раннего переезда из той местности я их едва знала. Поэтому общение с детьми было
для меня чем-то совершенно новым, и я думала, что они - самые милые существа. Даже их крошечные кон-чики носиков приводили меня в умиление.
Нет необходимости говорить о том, что было нелегко навести в классе порядок и поддерживать дисциплину.
Эти маленькие хитрецы слишком быстро вы-являли слабости своей учительницы. Ежедневно мне при-ходилось сталкиваться с их шалостями в самых нео-жиданных проявлениях, и всё это сопровождалось не-винными улыбками. К тому же предметы, которые я преподавала, были самыми элементарными - правописание, математика, природоведение и физкультура. Из-за этого скучного дела мне приходилось на восемь часов прерывать ценную духовную жизнь.
Позже я часто думала, что если бы мне было разре-шено преподавание английского в
одном из институтов, я бы слишгом любила свою работу. А уроки, которые пришлось вести мне, я ненавидела. Мне стоило больших усилий поддерживать в классе порядок
и дисциплину. Поэтому я постоянно боялась срыва, и этот страх пресле-довал меня день и ночь. Неужели это должно было стать делом моей жизни? Тем не менее я решила продолжать учёбу и записалась для участия в учительской кон-ференции, которая должна была проходить во время пасхальных каникул в Сиэтле. Возможно,

это было в другое время, я уже не помню.
В Сиэтле у меня был школьный друг, с которым я переписывалась. Не виделись мы с ним уже несколько лет. Когда я ему сообщила, что намереваюсь некоторое время провести в Сиэтле, он мне сразу же ответил и пригласил во время моего пребывания
жить в его роди-тельском доме. Он должен был встретить меня в порту. Так всё было условлено.
Я уже собиралась идти в порт, когда мне передали телеграмму: "Заказал для тебя комнату у семьи Вайпл. Твой любящий отец".
Как я была обижена! Пора бы уже родителям понять, что я взрослая, и не вмешиваться в мою личную жизнь! Кто такие Вайпл? Расплывчатые воспоминания постепенно приобрели очертание. Ах да, это друзья отца по
религии. Теперь я их вспомнила. Итак, это был план отца относительно меня. Он, конечно же, хотел, чтобы они поговорили со мной о моей душе. Я не позволю таким образом управлять мною! Безусловно, о своих планах я им протелеграфирую.
Но, взглянув на часы, я увидела, что на это уже не ос-тавалось времени, если я вовремя хотела попасть в порт. С внутренним негодованием я поднялась на теплоход, отправляющийся в Сиэтл, и сразу же пошла в свою каюту.
Дон, мой друг, действительно ждал меня на пристани. Я объяснила ему сложившуюся ситуацию. Он предло-жил: "Давай договоримся так: ты будешь ночевать там, а я в любое время могу заехать за тобой".
О самой конференции я уже ничего не помню, помню лишь весёлый ужин с Доном. Мы не заметили, как пролетело время, и только когда мы подошли к дому семьи Вайпл, до нас дошло, что уже очень поздно. Нам показалось, что все уже спали. Но нет, в
задней комнате ещё горел свет, а потом, когда раздался звонок у входной двери, загорелись и другие лампы.
Дверь отворилась, и нас встретила сама миссис Вайпл. Я представила ей своего друга. Он отклонил при-глашение войти в дом и распрощался с нами.
Я оказалась наедине с хозяйкой дома в гостиной. Ме-ня сразу покорила её теплота,
приветливость, искренняя радость при встрече со мною. В ней чувствовалась интеллигентность, а это, в моём понятии, своего рода кра-сота, красота культуры и чуткое сердце, умеющее считаться с чувствами ближнего. Красота в любом её проявлении всегда имела власть надо мною, поэтому я сразу же почувствовала симпатию к этой женщине.
С первого взгляда я увидела, что она не из тех людей, кто бестактно вмешивается во внутренний мир другого человека. Тогда я ещё не знала, что существуют и другие формы наставничества.
В нашем разговоре вообще не упоминались моя душа и Бог. Мы просто беседовали о моей семье, о её старой дружбе с моим отцом и об одной девушке, на которую я будто бы была очень похожа.
Миссис Вайпл говорила о какой-то летней конференции, которая должна была состояться в месте, назы-ваемом Сосновый Бор. Она рассказывала также о сестре своего мужа, миссионерке в Китае, которая недавно овдовела и тоже надеялась принять участие в конференции. Постепенно моя скованность уступила место приятному чувству облегчения, а женщина эта всё больше притягивала меня. И когда она проводила меня в предназначенную мне комнату, моё противление уже было
полностью сломлено.
На другой день было воскресенье. Я решила подчи-ниться существующему в доме порядку и пойти на утреннее богослужение, а остаток дня я хотела провести по собственному усмотрению.
Здесь, в городе, жила Мейми, одна из моих подруг. С ней-то я и собиралась провести вторую половину дня. Я напрасно удивлялась, что миссис Вайпл ни разу не
пыталась поговорить со мной наедине о религии. Ведь я и понятия не имела о том, что она рассказала мне годы спустя.
В ту первую ночь, когда мы отправились спать, она не могла уснуть, потому что сильно переживала за меня. Тогда она встала с постели и на коленях просила Бога открыть ей причину тяжести на сердце. Больше часа, молясь, она ждала ответа на свой вопрос, для чего Бог послал меня к ним, и она обещала Ему в любом случае

исполнить Его волю, прежде чем я покину их дом.
Лишь получив уверенность, что полностью высказала в молитве свою просьбу, миссис
Вайпл легла. Поручив Господу это дело, она больше не заботилась о том, как Он решение вопроса, что в моём случае могло бы оказаться роковым. Одним из её любимых изречений были слова "быть орудием в руках Духа Святого". По этому прин-ципу она и жила.
Моя встреча с Мейми, которую я всегда любила, была очень приятной, но вдруг она задала каверзный вопрос:
- Изабель, ты любишь свою работу? Тебе нравится быть учительницей?
- О Мейми, - простонала я, - я просто несчастна! Я всю жизнь мечтала стать учительницей, а теперь, когда моё желание исполнилось, я оказалась непригодной к этому делу. Да я ненавижу свою работу! Если бы я смогла получить место в одной
из высших школ, то, знаю, всё было бы иначе. Я уверена, что с удовольствием преподавала бы литературу. Но в двадцать один год, не имея педагогического опыта, я не могла бы получить ра-боту в высшей школе. А уроки языка и математики
в на-чальных классах такие примитивные. Я просто не знаю...
- Изабель, я знаю, что тебе нужно, - серьёзно прервала меня Мейми. - Ты должна провериться у специалиста. Он сможет тебе сказать, к чему ты более всего склонна. Как хорошо, что такой специалист, доктор X., находится сейчас у нас в городе. Он друг нашей семьи и будет сегодня у нас на ужине. Обследование стоит дорого, но так как он наш друг, то, думаю, тебя он обследует бесплатно. Но ты должна обязательно сегодня вечером прийти к нам. Завтра он уезжает.
- О Мейми, это же чудесно! - воскликнула я. -Только есть одно небольшое препятствие. Я живу у верующих людей, и они могут обидеться, что их гость идёт в
воскресенье к специалисту. Ты же знаешь, как некоторые люди думают о врачеваниях
по воскресным дням. О, если бы они дали на это своё согласие! Моя хозяйка в самом деле очень милый человек, и я совсем не хочу обидеть её. Но я сейчас же пойду и спрошу её. Если
она согласится, я позвоню тебе, а ты попробуешь договориться о приёме для меня. Как бы мне хотелось быть счастливой в работе. И так интересно узнать своё предназначение!
- Ну об этом-то доктор X. узнает, в этом не может быть никаких сомнений. Пока, до свидания! Я жду твоего звонка.
Мы расстались, и я в сильном волнении вернулась в дом семьи Вайпл. Миссис Вайпл встретила меня в гос-тиной. Я тут же направилась к ней для выяснения этого вопроса, так как не собиралась терять счастье из-за старомодных норм морали.
- Миссис Вайпл, я бы хотела вас кое о чём спросить. Вы не против, если я сегодня
вечером пойду на приём к черепному специалисту проверить свой мозг? В моей работе я не очень счастлива и...
- Ну, моя дорогая, - сказала она спокойно, - пойдём-ка наверх и поговорим об этом. Я не совсем понимаю, с чем это связано... А вот и мисс Мэк Козлэнд, - так она представила мне гостью, только что вошедшую в комнату. - Мисс Мэк Козлэнд тоже учительница и, может быть, она сможет нам помочь. Проведи её в маленькую спальню, Маргит! Я сейчас приду, - и миссис Вайпл поспешно вышла из комнаты.
Только спустя многие годы я узнала, почему она так задержалась. Она искала когонибудь
для совместной молитвы. Её молодая дочь Лоис, студентка, находилась с
двумя подругами в одной из задних комнат. Всем им не было и двадцати лет. И этих
трёх молодых девушек попросили стать на колени, чтобы просить Бога направить меня, ищущую специалистов по черепу, на истинный путь.
Потом Лоис работала миссионеркой в центре Китая, Эвелина Ватсон. её подруга, стала невесткой миссис Вайпл.
Так вот, в тот час девушкам было сказано:
- В жизни Изабель сейчас переломный момент. Молитесь, пока я поднимусь и поговорю с ней. Они послушно склонились в молитве.

На верхнем этаже миссис Вайпл сказала мне:
- Теперь, дорогая, расскажи нам всё, с самого начала, чтобы мы лучше поняли.
И полилась история моих трудностей и разочарований как учительницы. Я говорила свободно, так как чувство-вала себя окружённой любовью и пониманием. К тому же, обе женщины казались глубоко удовлетворёнными жизнью, чего мне как раз и не хватало. И перед ними я раскрыла своё желание обследоваться у специалиста по черепам, а также причину, препятствующую этому -воскресенье.
С замиранием сердца я посмотрела в глаза миссис Вайпл и сказала:
- Вы не против, если я сегодня, в воскресенье, пойду туда?
На её лице не отразилось ни тени недовольства. Оно выражало лишь глубокую задумчивость. Как она осно-вательно все взвешивала, прежде чем ответить мне. На-конец она сказала:- Изабель, я не думаю, что воскресенье играет в этом особую
роль. Понимаешь, у Бога Свой план для твоей жизни. Библия говорит: "Ибо мы - Его
творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять". Это значит, что Он установил, чтобы твоя жизнь была полезной. И это Он делает для каждого Своего творения. Главное, как я понимаю, увидеть Божий план относительно твоей жизни и следовать ему. Если Ему понравится, чтобы Его план был открыт черепным специалистом, то всё равно, случится это в воскресенье или в другой день. Но если не в Его воле открыть тебе Свой план через этого врача,
тпгпа Аыпп йи гччиКкпй ипти и и>ии в 11ц>Д/>И п<и>

Я была поражена здравым смыслом и логикой её слов и тем, что у Бога есть план для моей жизни. Будучи до-черью одного из руководителей церкви и внучкой прес-витерианского проповедника, я не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь так говорил. Бога я представляла себе как доброе существо, вроде отца, которое было далеко от меня и обитало на небе. Я могла Его звать в тяжёлых ситуациях, а в остальном я была свободна. Правда, чтобы жить добропорядочной жизнью, мне необходимо было время от времени просить Его благословения и помощи. Но то, что Бог так заботится обо мне, что Сам, без моего прошения, наметил для меня "план жизни", - такое нежное проявление Его любви тронуло меня до слёз. С дрожью в голосе я сказала:
- Но как мы можем узнать Его план относительно нас? Миссис Вайпл взяла свою Библию и на моих глазах открыла её.
- Изабель, Его волю я всегда узнавала из Его Слова, из этой книги. Его план всегда находится в соответствии с Его Словом. Мною Бог в любом случае руководит через Библию. В этот момент зазвонил телефон, и кто-то позвал миссис Вайпл.
- Извини меня, я сейчас же вернусь, - сказала она. -Мисс Мэк Козлэнд, объясните,
пожалуйста, Изабель, что вы думаете об этом.
Совсем не помню, что говорила милая мисс Мэк Козлэнд. В это мгновение меня занимала лишь одна мысль: "Божий план для моей жизни записан в той книге!" Моя рука непроизвольно потянулась к Библии, но при этом она закрылась. Я машинально опять открыла её. В глубине души я себя спрашивала, что Библия говорит про науку
о черепе. Тут мой взгляд упал на страницу, наполовину прикрытую моей рукой. Указательный палец показывал на стих, и я прочла: "Удаляйся от неправды" (Исход 23, 7).
Мне показалось, что это было сказано вслух. Я была просто поражена прямым ответом на мой вопрос, не услышанный ни одним человеком. И в ту же секунду на смену давнему разочарованию пришло чувство огром-ного облегчения.
Когда вернулась миссис Вайпл, я плакала, плакала навзрыд, не в силах больше сдержаться.
- Всё хорошо, Изабель, - пыталась она меня успокоить. - Он будет руководить тобой.
- Он уже сделал это, - воскликнула я. - Прочтите, пожалуйста, этот стих!
И я указала ей на слова: "Удаляйся от неправды". Она тоже была удивлена столь исчерпывающим, незамед-лительным ответом.
Моя больная душа, измученная долгими исканиями Бога, не вынесла такого

потрясения, и я долго не могла успокоиться. Обе женщины отнеслись ко мне с большим сочувствием и пониманием. Миссис Вайпл никогда не пыталась проникнуть в самое сокровенное моей души. Она считалась с тайной человеческого сердца. Это была ещё одна причина, почему мы все её любили и доверяли ей.
\
Вот и всё, что я помню о той моей поездке. Помню ещё, что миссис Вайпл неоднократно говорила мне о конференции в Сосновом Бору и пригласила меня в июле
погостить у неё. Однако это меня не интересовало. Меня всё ещё отпугивали евангелизационные собрания, где, как мне казалось, явно использовались методы давления на чувства людей. Я не хотела, чтобы меня к чему-либо принуждали.
- Спасибо вам, миссис Вайпл, - сказала я, - но я уже записалась для участия в летней учительской конфе-ренции в Виктории. Пока Бог не поведёт меня каким-либо другим путём, мне нужно самой зарабатывать на жизнь, а

На этом мы расстались.
Господь хотел направить мои помыслы по тому руслу, из которого они никогда не должны были выйти. Это был переломный момент в моей жизни, и странно, что решаю-щую роль здесь сыграла пара туфель. Но об этом - в следующей главе.

Пара туфель

- Юлия, мы скоро поедем на конференцию в Сосновый Бор, и тебе нужны новые туфли,
- сказала миссис Вайпл, многозначительно посмотрев на свою невестку, и протянула
ей пятидолларовую банкноту.
Юлия Вайпл следила за своей внешностью. Она хорошо одевалась, только в последнее
время её мате-риальные возможности были ограничены. Юлия и Отис Вайпл, её муж, всё своё имущество посвятили Господу. Их домик в Сосновом Бору, в котором они должны были проводить свой медовый месяц, стал местом ежегодного проведения библейской и миссионерской конференций. Об этой истории можно узнать из книги Дорис Коффин Элдрих "Господни сосны".
В 1923 году проходила вторая по счёту такая конференция, и Юлия должна была быть
распоряди-тельницей на этой конференции. Что подумают люди о её стоптанных туфлях? Но в этот момент нечто другое было более важным для неё.
Она молилась о том, чтобы в "Бор" (как мы потом шутливо называли конференцию) приехала Изабель Миллер.
Она видела то, чего не могла распознать я. Юлия луч-ше меня знала, что мне был жизненно необходим хороший урок Слова Божьего, чтобы не попасть на опасные, ложные пути, как это часто случается с людьми со слабой верой. Я тогда легко могла оказаться под влиянием какого-нибудь лжеучения. Мне необходим был фундамент Священного Писания и общение с верую-щими. Юлия Вайпл знала, что я должна была заплатить небольшой долг со времён моего студенчества, и что я всего
лишь шесть месяцев получаю зарплату. Она предполагала, что мои материальные затруднения могут помешать мне приехать на конференцию.
Поэтому-то она и отложила покупку новых туфель и . написала мне письмо, в котором просила меня приехать. Она писала, что приложенные к письму пять долларов -это забота Господа о том, чтобы я смогла купить билет на теплоход, так
что моё пребывание в Сосновом Бору мне ничего не будет стоить.
Я равнодушно прочитала письмо. У меня не было никакого желания принимать участие
в конференции. Чтобы не обидеть миссис Вайпл, я решила найти отговорку. Это было
нетрудно.

Конференция совпадала с летними школьными курсами, и мне едва ли дадут полное свидетельство за шестинедельную учёбу, если я буду отсутствовать десятьодиннадцать
дней. Я хотела, чтобы именно это решило мой выбор, и я молилась об
этом: "Господь, если Ты хочешь, чтобы я была на конференции, то подействуй на ответственных за курс, чтобы я получила их согласие, но чтобы и моё свидетельство при этом не пострадало. Я приму это за Твой знак, что я должна ехать".
На следующее утро я стояла перед руководителем учи-тельского курса.
- Я приглашена для очень важного дела в Биллингхам и хотела бы попросить вас дать мне десять дней отпуска, но чтобы это не отразилось на моих оценках в свиде-тельстве. Возможно ли такое?
Он спросил мою фамилию, проверил в какой-то книге и, на мгновение поджав губы, сказал:
- Хорошо, мисс Миллер, вы нам только скажите, когда хотите ехать, и когда намереваетесь вернуться.
Мне казалось, что я ослышалась. Ещё вчера другой участник курса просил дать ему на неделю отпуск, и ему категорически отказали. Даже сегодня я не знаю, чем это можно объяснить: в конце курса я получила полное свидетельство. Не переставая удивляться, я вышла из кабинета.
Изучив расписание движения теплоходов, я написала миссис Вайпл, когда приеду, и поспешила в свою комнату, чтобы собрать чемодан.
И в один из июльских вечеров 1923 года мой теплоход причалил в порту Биллингхам.
Я никогда не бывала здесь и поэтому никого не знала. Но когда я оглядывалась по сторонам, ища миссис Вайпл, мне навстречу вышли молодой человек и милая девушка.
- Вас зовут Изабель Миллер? Мы приехали за вами. Помните нас? Мы Элден Вайпл и Эвелина Ватсон, мы встречались с вами в Сиэтле. Наша машина здесь, пожалуйста, садитесь. Мы отвезём вас к месту кон-ференции, это не так далеко.
Их теплота и приветливость сгладили первую неловкость встречи. Машина несла нас по извилистой дороге, проходящей по благоухающим лесам. Вскоре мы, проехав между
высокими соснами, выехали на тропу и увидели идущую нам навстречу миссис Вайпл. Она сердечно обняла и поцеловала меня, потом про-вела в просторную комнату, которая уютно освещалась пламенем камина. Люди постарше сидели на стульях, молодёжь расположилась перед самым камином. Пламя бросало золотистые отблески на
лица. Молодые люди посадили меня рядом с собой, чтобы я могла вместе со всеми участвовать в вечернем богослужении. Обычно робкая и сдержанная в общении с незнакомыми, здесь я вскоре почувствовала себя как дома, и моё сердце наполнилось прекрасным чувством уверенности и спокойствия. Во всём чувствовалось
незримое присутствие Того, Кого я начинала познавать и любить. Бог здесь был центром всего. В коридоре мне кого-то представили со словами: "Моя невестка, миссис Эдна Вайпл Гиш. Её историю я рассказывала вам в Сиэтле. С ней вы будете жить в одной комнате". Спустя годы я спросила миссис Вайпл, была ли эта встреча специально
подстроена, ведь она оказала такое большое влияние на мою жизнь.
- Я не помню, как это было, - ответила миссис Вайпл. |
- Только в комнате Эдны было ещё одно свободное место.
После вечернего собрания Эдна повела меня узкой тропкой к маленькому домику под соснами, где мы должны были жить. Мы спали в одной комнате. Прежде чем заснуть, она вытащила из-под подушки маленькую потрёпанную от времени Библию, прочитала мне одну главу, помолилась, и мы уснули под тихий шелест сосен.
Библия, которую я увидела у Эдны, раньше при-надлежала её мужу, Эллису. Эдна познакомилась с Эллисом, когда он уже был миссионером и находился в отпуске на родине. В нём она нашла свой идеал.
Он был кротким и самоотверженным молодым чело-веком. Вместе с ним она приехала в
Китай, в город Нанкин.
Следующий отпуск они проводили в Кулине, горном

месте отдыха, где был пруд для плавания и красивые тропинки для прогулок. Однажды утром они снова собирались идти на пруд, так как оба были великолепными пловцами. Когда они вышли из палатки, то услышали крик, доносящийся с пруда. Эллис, не теряя ни секунды, побежал туда и прыгнул в воду. Тонула девушка, которая из-за судорог не смогла доплыть до берега. Эллису удалось спасти её, но сам он исчез под водой. Эдна ныряла, пытаясь его
найти. Нет слов, чтобы передать её состояние, когда она не смогла его найти. Ныряя снова и снова, она не чувствовала, как всё её тело было изранено острыми подводными камнями. Эллис - она думала только о нём. Наконец она заметила тело. Эдна нырнула ещё раз, доплыла и вытянула его
наверх, а потом к берегу. Эллис был мёртв. Обессиленно
опустившись на пень, она закрыла лицо руками. Их недолгий брак был таким счастливым и совершенным. Придя в себя, она увидела местных жителей, кулинцев, с
ужасом смотревших на мёртвого мужчину у её ног. И Эдна тут же подошла к ним и стала объяснять, что лежащее перед ними тело - не Эллис, что он уже у Бога, и проповедовала им Христа.
Здоровье Эдны было подорвано, поэтому она вынуж-дена была обратиться к врачам. Ей посоветовали провести отпуск на родине.
Страховая сумма за Эллиса оказалась для неё доста-точной, чтобы принять участие в конференции в Сос-новом Бору. Комитет, ответственный за проведение конференции, просил её взять на себя организацию молодёжных собраний. Никто из нас, молодых, не представлял, чего ей стоило забыть о своей сердечной ране и быть нашей жизнерадостной наставницей при изучении Библии.
Спустя годы миссис Вайпл рассказала мне, как Эдна подходила то к одному, то к другому члену комиссии и говорила им, что не в силах больше продолжать работу. Но ей обещали молиться о ней, и она вновь возвращалась в круг молодёжи.
От неё нам передалось желание жить угодной Богу жизнью и идти на миссионерское служение. До этого у меня не было и мысли о миссионерской работе в дальних краях. Я была по своей природе истинной домоседкой и рабой внешних удобств. Путешествия меня не прив-лекали; они ассоциировались для меня с чужими лицами, чужими нравами - одним словом, с неудобствами. Эдна первой показала мне, что я должна изменить свою позицию, если этого потребует от меня Бог. А когда под конец конференции она вызывала тех, кто хотел бы посвятить свою жизнь Богу, если
Он призовёт, я тоже подняла руку. Меня поразило то, как она обрадовалась.
Для меня же это было нечто само собой разумеющее потому что прошлой ночью я заключила завет с Богом. -обещала посвятить Ему всю мою жизнь. Если Он потр< бует от меня миссионерского служения, то я пойду.
С этого момента я уже не принадлежала себе. Я не] сразу получила от Бога указания, что должна идти нц (миссионерскую работу. Но к этому я была готова, если на ;
то Божья воля. Почему же тогда все так заметно обра-;
довались, когда я подняла руку? Как-то так вышло, что через Эдну я получила глубокое благословение. Пребы-вание с ней было моей первой встречей с исполненной духом жизнью, которая в будничной жизни с её заботами доказала свою истинность.
По утрам она в первую очередь искала лик Господа, прежде чем начать день со всеми его заботами. Прос-нувшись, она не вела по утрам пустых разговоров; других отвлекающих занятий у неё тоже не было. Эта глубоко раненая душа испытывала голод и жажду по Господу, и поэтому её первой мыслью при пробуждении была потребность в Его присутствии и общении с Ним. Это чувство передалось и мне. Ведь моей душе тоже од-нажды была нанесена рана.
Она читала со мной Послание к Филиппийцам и за-метки на полях Библии её Эллиса. "Только этим руко-водствуюсь я в жизни", - сказала Эдна, указав мне на слова: "Радуйтесь всегда в Господе". Они глубоко запали в моё сердце, так как были воплощены в её жизнь на моих глазах! Я видела, что Эдна знала эту радость. А как
же мне прийти к этому? Я тоже подчеркнула это место, но прежде решила воплотить в свою жизнь слова стиха Послания к Филиппийцам 4, 11, так как это скорее относится к сфере возможного: "Ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть". Они стали моим девизом на ближайшие десять лет или даже больше. До

глубины души потрясли меня и другие слова к
Филиппийцам 3, 10: "Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его". Они тоже подчеркнуты в моей Библии. Это
было то, что я искала.
"И каждый выбирает тот путь, которым хочет идти его душа". Теперь я знаю, что избравшим путь горний будет даровано и Божье руководство, и радость общения с другими детьми Божьими, и помощь свыше. И во все времена Он будет жить в общении
и любви с теми, кто искал и нашёл Его.

Погасшие свечи

Сейчас, возможно, кто-нибудь из читателей удивится или даже осуждающе покачает головой, если узнает, что я ещё играла в театре, танцевала и не чуждалась других
мирских развлечений. Ещё несколько лет назад отец настойчиво просил меня отказаться от этих увлечений, но моя мать была того мнения, что он "не разбирается" в этих вещах, и что они не греховны, если подходить к ним избирательно. И я придерживалась её точки зрения, более лёгкой и удобной.
Я не собиралась отказываться от чего-либо только потому, что кто-то требовал этого от меня. Если Бог повелит мне сделать это, тогда я послушаюсь, а так я хочу остаться такой, какой была. Каждое из моих увлечений было подобно свече. Они были светлыми моментами в моей жизни, а мнение некоторых благочестивых чудаков на этот счёт меня не интересовало. Так рассуждала я.
Моей первой погасшей свечой стала игра в карты. В пансионе Мэк Мильен среди молодёжи было обык-новением до глубокой ночи играть в карты, а если име-лись средства, то играли на деньги.
Моряки любую игру считали бессмысленной, если в неймне было выигрыша или проигрыша. Конечно же, они и меня приглашали играть с ними. Сначала я играла с внутренним протестом: мне было жаль денег и потерянного времени.
- Может, Изабель из-за своей религиозности не хочет играть с нами в карты, - серьёзно сказал Джек.
Это был молодой моряк, который охотно слушал мои наставления. Однажды он меня даже попросил объяснить ему Библию, и, я думаю, что он принял бы Господа, если бы жена и остальные не удерживали его от этого.
- Знаешь, Джек, если быть откровенной, я бы вообще не хотела играть в карты, - призналась я.
- Давайте тогда не будем больше звать её, - поучал остальных. - Лучше сыграй нам
что-нибудь на пианино, Изабель! Мы с удовольствием послушаем музыку во время игры.
С того раза этого порядка мы и придерживались. Мне нравилось играть на фортепиано, особенно духовные песни. Молодые люди не возражали против христианской музыки, и так вечер за вечером мы были свидетелями этого парадоксального сочетания. Они играли на деньги, а я исполняла им духовные песни. Естественно, я могла уйти в любое время, и такая свобода действий меня устра-ивала. Но после того, как я прекратила игру в карты уже по причине веры, -
я должна была твёрдо оставаться на этой позиции даже при иных обстоятельствах. Так я и поступала, тем более, что мне это было нетрудно. Игру в карты я и раньше
воспринимала, как пустую трату времени и духовной энергии, поэтому свеча карточной игры затухла сама собой.
Другая свеча погасла летом 1923 года, кажется, даже до моего участия в конференции. Об этом никто из людей со мной не говорил. И вот как это случилось.
Я была большой любительницей романов. Новеллы меня просто захватывали. Я погружалась в них, уходя от всех моих проблем, трудностей и одиноких вечеров. Интересная лю-бовная повесть уносила меня в совсем иной мир, и если история была

действительно захватывающей, я не могла выпустить книгу из рук, не дочитав её до
конца.
Всё лето я прожила с братом на его ферме. Так как в той местности не было молодёжи, я была иногда вы-нуждена проводить вечера одна. Поэтому однажды вече-ром я вновь искала прибежища в чтении новеллы.
На сей раз она была особенно увлекательной, и я уже не могла отложить её в сторону. Кстати, я никогда не читала современных подчёркнуто сексуальных историй. Я любила чистые, волнующие повествования о любви,
но, что должна признать, они были всегда далеки от реальной жизни. В нашей жизни
бывают яркие, запо-минающиеся моменты, но между ними лежат длинные отрезки однообразных, серых дней. И будней в жизни гораздо больше, чем праздников. Поэтому любители новелл, впитав в себя эти красивые истории, оказываются неподготовленными к реальной жизни с её повседнев-ными заботами и проблемами. Я думаю, что именно это является причиной распада многих семей сегодня. Молодые люди думают, что супружество - это только лунные ночи и приятные развлечения, и противятся идти путём исполнения долга по отношению друг ко другу. Это ведь и есть реальная жизнь и является фоном истинного семейного очага.
Итак, я была глубоко погружена в захватывающую историю моей книги. Настала полночь, а я всё ещё не могла отложить её в сторону. Было около часа ночи когда я дочитала роман и, наконец, смогла взять в руки свою Библию, чтобы провести моё
вечернее общение с Богом. Но я не получила от этого благословения. Никогда Библия не казалась мне такой скучной и сухой, как в тот день, а когда я стала молиться, то казалось, что Господь очень далёк от меня. "Я просто сонная", - сказала я себе и тут же уснула.
Но следующим утром было не лучше. Бог всё ещё казался отдалившимся от меня, а Библия - скучной и неинтересной.
В то время я работала в книжном магазине, принадлежавшем моему отцу. Он открыл его, когда увидел, что в городе Виктория нет ни одного магазина, где продавалась
бы Библия и другая христианская литература. В этом предприятии отца поддерживали
его верующие друзья. Он занимался этим побочно; по профессии он был, как уже упоминалось, рентгенологом. Я тогда заменяла его секретаршу, находящуюся в отпуске, и должна была по утрам быть в городе, прежде чем откроются магазины. В автобусе, которым я добиралась до города, у меня было предостаточно времени для размышления.
Что случилось со мной, почему я не чувствовала больше близости Господа? Почему я
больше не получала удовлетворения при чтении Библии, которую я начала чи-тать и собиралась прочитать до конца? Я была озадачена. Сидя в автобусе, я мысленно говорила с Господом.
"О Господи, что стало со мной? Почему я не чувствую Твоего присутствия, как раньше? Почему Библия больше не говорит ко мне?" Мне показалось, что прозвучал Его ответ: "Когда ребёнок наестся сладостей, не удивительно, что у него пропадает аппетит к мясу и картофелю. - "Ты думаешь, Господь, что причина тому -
новелла?"
- А разве она не завладела всем твоим существом? Но может ли она тебе помочь хоть немного возрасти духовно?" - "Нет, вовсе нет, Господь! Она не давала мне покоя. Сегодня утром я совсем разбитая. Господь, если я пообещаю Тебе, что не буду читать новеллы. Ты вернёшься ко мне? И Библия вновь будет говорить ко мне?"
- Попытайся, и тогда увидишь".
С этого момента Господь снова стал для меня реаль-ностью, а Слово Божье приобрело совершенно новое значение.
Мой духовный рост может быть прослежен по многим заметкам на страницах Библии. Я
открывала для себя стихи, которые как будто Его голосом говорили со страниц в ответ на каждую из моих нужд. Один стих я особенно хорошо помню. Им я

пользовалась на протя-жении многих лет, и он полностью исполнился в моей жизни: Исайя 54, 10: "Горы сдвинутся, и холмы поко-леблются: а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется, говорит милующий тебя Господь".
Надо ли говорить о том, что с того дня была погашена свеча чтения новелл и коротких рассказов из иллюстри-рованных газет.
Около пятнадцати лет я не позволяла себе читать истории о любви. Позже, в Китае,
когда я так часто оставалась одна со всеми гнетущими проблемами, я иногда во время еды что-нибудь читала - это были классики: Диксон, Теккерей, Бронтье, Берри. Их произ-ведения я читала и раньше, поэтому они не могли "захватывать" меня дольше, чем на время еды. Просто они выводили меня из изоляции этой горной страны и переносили туда, где жили мои земляки.
Было ли мне тяжело отказаться от этого? Но кто сожалеет о том, что нужно задуть свечу, когда в открытое окно струятся лучи утреннего солнца? И я сполна была вознаграждена за мою самодисциплину.
Следующей свечой, которую затушил Господь, были танцы. Мэк всегда приглашал меня
на большие университетские танцевальные вечера, а иногда и на вечеринки по менее значительным поводам.
На последнем из таких мероприятий я встретила в гардеробной Марион А. Марион была верующей и все студенческие годы была далека от мирских развлечений. У нас обеих позади были экзамены, а теперь мы встретились здесь, на танцах.
- Марион? - удивлённо воскликнула я.
- Знаешь, ты виновница моего присутствия здесь, Изабель Миллер, - сказала она просто.
- Ты тоже верующая, не так ли? Все четыре года учёбы ты танцевала и развлекалась, а я была в стороне. Люди говорят, что ты хорошая христианка, поэтому я тоже решилась на это. Это мой первый танцевальный вечер.
Тогда я не знала, что для меня он станет последним. Я также не знала, что стало с Марион, но боюсь, что она всё дальше уходила от Господа.
Во время следующего танца моим партнёром был высокий, приятной наружности молодой человек, которого я знала со студенческих лет.
Его звали Кейс, он был натуралистом. Во время танца он сделал несколько пренебрежительных замечаний относительно старомодных фанатиков, ещё верующих в Бога.
"Ну, - сказала я себе, - вот тебе и возможность для свидетельства". Я всегда думала, что, находясь среди танцующих, я имею прекрасную возможность говорить о Христе с людьми, которых бы в другом месте не встретила. Поэтому я ревностно возразила:
- Кейс, почему ты так говоришь? Я верю в Бога, но ведь и ты верил?
- Да, пока я не попал на лекции доктора Седжевика и не начал изучать естественные науки, - торопливо, как бы оправдываясь, ответил он. - Все, смотрящие на жизнь с научной точки зрения, не верят в эту древнюю чепуху.
- Нет, я верю, - настаивала я. - Я искала Бога, и у меня есть неопровержимые доказательства, что" Он су-ществует.
- Какие доказательства? - усмехнулся Кейс. Я попыталась изложить ему их, но он об этом ничего не хотел слышать. Он начал злиться, и мы продолжали эту перепалку, пока нас не вернула к реальности волна смеха. Музыканты уже сидели на
своих местах, и только мы с Кейсом ещё кружились в танце. Все видели, что мы ссо-римся.
- Сдавайся, Кейс, - крикнул один из его товарищей. -Женщины остаются при своём мнении, если в чём-либо убеждены. Они слова не дают сказать и понятия не имеют, что нужно выслушать и другую сторону.
Увидев, что мы сделались объектом всеобщего смеха, Кейс сердито выругался, провёл меня к моему месту и, обуреваемый злобой, ни на кого не глядя, вышел из зала. Чего не может простить мужчина, так это уязвлённой гордости. А тут я стала
причиной его прилюдного уни-жения; с тех пор он избегал меня. Моё свидетельство перед ним было явной неудачей; сомнений у него поя-вилось ещё больше. В тот вечер, когда Мэк провожал меня домой, я была погружена в раздумья: "Говорил ли это сейчас ко мне Господь? Итак, я соблазнила Марион и толкнула Кейса в

состояние глубокого неверия. Неужели танцы стоили этого?"
Спустя несколько дней позвонил Мэк и пригласил меня, если я надумаю, на сельскохозяйственный бал, который намечался на апрель. "Точно не знаю, Мэк, ведь
до апреля далеко. Если хочешь, позвони мне попозже", -ответила я. И мы остановились на этом. Я ещё хотела помолиться, прежде чем идти на какой-нибудь бал. Было ли это чистой случайностью или Господь всё же говорил ко мне?
И в это время колебаний случилось нечто необычное. Однажды вечером меня позвали к телефону, и кто-то радостным голосом обратился ко мне с другого конца:
- Угадай, кто с тобой говорит, Изабель. Так заговорить с кем-нибудь мог только один человек.
- Миссис Вайпл! - закричала я в трубку. - Вы в городе? Могу я вас увидеть?
- Можешь, - был ответ. - Мы здесь в команди-ровке на день-два и остановились у миссис Валш. Ты можешь прийти к нам? Или лучше нам к тебе прийти?
Пансион миссис Мэк Мильен явно не был местом для спокойной беседы.
- Лучше я приду к вам, - сказала я. - Скажите, по-жалуйста, как мне добраться?
Не прошло и часа, как я сидела рядом с миссис Вайпл в уютной гостиной миссис Валш. Как прекрасно было вновь находиться в её близости! Мистер Вайпл тоже был здесь; но так как он был тихим, сдержанным человеком, требовалось больше времени, чтобы оценить его понас-тоящему. Его жена часто обращалась к нему, спрашивала его мнения; послушать его всегда стоило.
- Ну, расскажи мне, как ты жила всё это время после конференции? - сердечно спросила она.
- Как раз об этом я и хочу с вами поговорить, ведь у меня появились проблемы. Перед вашим звонком один из моих друзей пригласил меня на бал, и я обещала ему поз-же дать ответ. Но я не знаю, что делать. - И я рассказала ей историю с Кейсом.
Вероятно, она была огорчена тем, что девушка, которую она привела к Господу, ещё
так глубоко погру-жена в мирские развлечения, однако вида не подавала. Если бы она не скрыла, что разочарована, то это вызвало бы во мне дух противления. Я искренне искала воли Господа, а волю людей, пусть даже родителей, выполнять не хотела.
Миссис Вайпл многозначительно посмотрела на мужа и ласковым голосом сказала:
- Я вижу, что ты попала в трудное положение. Ты пытаешься служить сразу двум господам, а это ведёт к тяжёлым последствиям. Давай посмотрим, что по этому поводу говорит Слово Божье. Здесь написано: "Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволитель-но, но ничто не должно обладать мною" (1 Коринфянам
6, 12). Ты пошла на компромисс, чего нельзя было делать. Ты когда-нибудь рассказывала Мэку, что стала ве-рующей?
- О нет, - ответила я, - об этом я ни с кем не говорила. Это моё сугубо личное дело с Богом. В нашей группе не принято навязывать свои религиозные убеждения другим.
Бедная миссис Вайпл! Ей предстояло наставить на путь истины человека с такими искажёнными представле-ниями! Но она была исполнена веры и Духа Святого.
- Это отправные моменты твоей прежней жизни, - сказала она ласково. - Во 2-ом Послании к Коринфянам 5, 17 написано: "Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое".
Какие ценные слова! Их я тоже подчеркнула в своей Библии. Разве они не были обращены ко мне?
- Прочти во 2-ом Послании к Коринфянам 6, 14-17, Изабель, - продолжила дорогая моя духовная мать, - "Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными... Что обще-го
у света со тьмою?.. И потому выйдите из среды их и от-делитесь, говорит Господь". Поэтому мы отстраняемся от привычек этого мира. В 1-ом Послании Петра 3, 15 написано: "... Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением". Я думаю, что ты обязана, идя под зна-менем новой жизни с Богом, рассказать твоим друзьям о Христе и о том, что Он сделал для тебя. И ты будешь по-ражена тем духовным благословением, которое ты полу-чишь через это. - Но я ведь попыталась сделать это с Кейсом? - оправдывалась я.

- Но ты учти, в каком месте ты ему это сказала. Ты была в месте компромиссов и светскости. И там ты ждёшь, что Бог примет твоё свидетельство всерьёз? Не удивительно, что Он отверг его. Но если танцы станут для тебя той частью твоей старой жизни, что вовсе не при-емлема для новой, тогда, я думаю, ты увидишь, что
Мэк иначе отреагирует на это.
Потом мы провели вечер в приятном общении, пока мне не пришло время возвращаться.
Весь следующий день я со страхом ждала телефонного звонка Мэка, а когда раздался
звонок, я с трудом заставила себя снять трубку. Это в самом деле был Мэк.
- Ну как, Изабель, что ты решила с балом?
У меня пересохло в горле, и я едва могла говорить.
- Мэк, я думаю, ты простишь меня: я недавно уве-ровала и решила полностью отказаться от танцев. Я не осуждаю круг наших друзей за то, что они этим зани-маются, но пережитое мною показало мне, что Бог не был согласен с тем, что я продолжала танцевать. Я сожалею, что не сказала тебе об этом раньше. Я была слишком нерешительной.
С другого конца провода последовало долгое мол-чание, в то время как моё сердце так сильно билось, что я боялась, как бы Мэк не услышал это. Я дрожала всем телом. Наконец я услышала его голос.
- Спасибо тебе, Изабель, за твою откровенность, и зачти это в свою пользу, что ты со мной не играешь в "кошки-мышки". Могу ли я тебя просить доставить мне радость сопровождать тебя на богослужение в следую-щее воскресенье?
- О Мэк, благодарю тебя! Я с удовольствием пойду с тобой!
- Решено! Я зайду за тобой в половине десятого.
До свидания!
Я вернулась в свою комнату и с облегчением опус-тилась на кровать. Итак, миссис Вайпл была права в своём предположении. Мэк сказал, что ценит мою иск-ренность, и в доказательство этого тут же попросил о другой встрече. О какая милость со стороны Господа, что Он так повернул дело! Как могла знать это миссис Вайпл? Она
знала жизнь. Тот компромисс не вызвал бы ува-жения ко мне ни у одного человека, открытое же свидетельство послужило обратному. Возможно, стар-шее поколение и не
понимает новых научных выражений, зато знает жизненные принципы, которые никогда
не меняются. И только того молодого человека можно называть умным, который не пренебрегает передаваемой
по наследству мудростью и опытом предыдущих поко-лений.
Таким образом была погашена свеча танцев. Тем временем восходящее солнце веры начало заливать мою жизнь новым, ярким светом.
Но одна свеча всё ещё продолжала гореть - театр и кино. Я всё ещё ходила смотреть хорошие фильмы, а иногда и маленькие безобидные пьески, любила послушать классические оперы. Неужели это могло ока-заться вредным? Ведь всё это даёт некоторое представление о человеческой натуре. В основе пьесы, на представлении которой я была в последний раз, лежала незамысловатая безобидная история. Мне она очень пон-равилась. Возвращаясь домой, я была пронизана жаждой романтики и чего-нибудь возвышенного, о чём пишется в книгах. Музыка также коснулась струн моей души.
И вновь молитва мне ничего не говорила, и Библия стала, как и прежде, малопривлекательной. Тщетно пыта-лась я прочувствовать присутствие Господа. "Возлюб-ленный мой повернулся и ушёл", - это больше подходило мне, чем той девице из Песни Песней. - "Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушёл. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его, и не находила его; звала его, и он не отзывался мне" (Песн. П. 5, 6). Читая позже Песни Песней и дойдя до этого места, я поняла, что под этим подразумевалось. Со мной случилось то же самое, и это уже во второй раз.
"О Господи, - молилась я, - если Ты вернёшься ко мне, я больше никогда не пойду в театр. И этим я пожерт-вую ради Тебя". "Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя; ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не

привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей" (Песн.П.3,4).
Ничто не могло мне возместить потерю Его присутствия. С тех пор я навсегда отказалась от театра, и
тогда в моём сердце взошло солнце праведности с его целительными лучами.
Я помню, как потом снова хотела зажечь одну свечу. Необходимо принять во внимание, что я была одинока и молода, и что привыкла к общению с людьми моего воз-раста. Это было в один из майских вечеров, когда всё, что молодо, тянется к дружбе и развлечениям. Все жильцы пансиона Мэк Мильен решили однажды пойти в кино, и я, отказавшись, осталась бы дома совсем одна.
- Не будь такой наивной, Изабель, - уговаривали они меня, беря за руку. - Сегодня вечером будет хороший, чистый фильм, который не повредит тебе. Почему ты, такая молодая, должна скучать дома в такой прекрасный вечер? Будь разумной, пойдём с нами.
Они действительно были хорошими людьми и ввели меня в сильное искушение. Через входную дверь в ком-нату повеяло нежным майским воздухом. Я уже готова была согласиться, как вдруг на мне остановился взгляд Мэка, полный сомнения:
- Не уговаривайте её делать то, что она считает не-правильным, - спокойно сказал
он, и это оказалось решающим.
- Нет, - возразила я, - спасибо вам за приглашение! Желаю вам приятного вечера!
Я махнула им рукой на прощанье и с тяжёлым сердцем поднялась по лестнице на верхний этаж. Вот она, обставленная дешёвой мебелью, моя мрачная комната, наводящая скуку. А из моего сердца рвался в тишину пустого дома крик: "О Господи, неужели всегда будет так скучно? Ведь я ещё так молода! Разве девушка бывает красивей, чем в двадцать лет? Неужели я никуда не могу выйти? Неужели я ничего не могу делать, как только изучать Библию? О Господи! Скажи мне чтонибудь!"
Я взяла Библию и раскрыла её. Слова на открытой странице так и бросались в глаза: "Тогда Иисус сказал
двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Пётр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни" (Иоанна 6, 67-68). Я вновь и вновь перечитывала этот простой, но полный глубокого смысла вопрос.
Итак, Он не запрещал мне вернуться к моим земным свечам, но хотел, чтобы я хорошо подумала, прежде чем сделать это. Предпочитаю ли я их чему-либо другому? Хотела бы я оказаться на месте одной из трёх девушек, только что вышедших из дома? Упаси меня Боже! Одна лишь мысль об этом пугает меня. Хотела бы я вернуться в мир Бэна, в мир поверхностных развлечений? И вновь я ужаснулась. "О Господи, куда мне идти?" Другого пути не было. Дорога вниз? Ни за что! Мрачные долины? Сохрани меня Бог когда-либо снова идти по ним! Оставался лишь путь горний. "Прости меня. Господи, - просила я с сокрушён-ным сердцем. - Я не хочу никого, кроме Тебя! Прошу, утешь меня!"
И тут же Его присутствие наполнило комнату такой полнотой, что это невозможно передать словами. Дос-таточно лишь сказать, что с тех пор я никогда не огля-дывалась назад; зато, чем дальше, тем больше познавала цену радости общения
лишь с Ним одним.
Доктор Тоцер ясно сказал, что наше поколение стоит перед опасностью потерять эту
радость: "Мы пытаемся приспособить методы эпохи механизации к нашему отношению с
Богом - мы думаем как учёные, но не как преклоняющиеся перед Богом. Нам лучше удаётся объяснять, чем поклоняться". Исследование - это науч-ный процесс, но необходимо остерегаться, чтобы не забрести в колею чисто механических умозаключений.
Мы читаем главу из Библии, коротко рассуждаем о ней и уходим. С надеждой заполнить внутреннюю пус-тоту, мы идём на собрание. А Богу нужно от нас не формальное посещение церкви, не наши аналитические исследования, а вера, поклонение и любовь.
Мария из Вифании научилась многому, сидя у ног Христа, слушая и любя Его. А нашему поколению явно не хватает этого тесного общения с Господом.
Было начало лета 1923 года. Подходило к концу время моего пребывания в

"Аравийской пустыне", но я и не подозревала об этом. Мэк проходил летнюю службу в другом месте, за пределами города. Когда он вернулся, я уже находилась в Чикаго в Библейском институте имени Муди. Мы больше не виделись. Восходящее солнце веры вытеснило из памяти погасшие свечи, но из всего пере-житого я извлекла уроки, которые пошли мне на пользу.
Следующим пунктом в Божьем плане относительно меня была встреча, давшая моей жизни совершенно но-вое направление.

Миссионер из страны, где живёт племя лису

Я забыла сказать, что миссис Вайпл после кон-ференции дала мне книгу "Рост души"
(1 том. Описание жизни Г. Тейлора, основателя китайской миссии). Она и не подозревала о том, чем станет для меня эта книга. Она просто думала, что описанный в биографии Гудзона Тейлора поиск им Бога был кое в чём похож на мой опыт. Каждый, читавший "Рост души", должен был найти ту зо-лотую жилу, которая открывается читателю в этой книге.
Естественно, Гудзон Тейлор шёл в своём поиске гораздо глубже и приобрёл определённые основы для своей жизни и для своего служения в качестве руко-водителя миссии. "Учись только молитвой приводить людей к Богу!" - гласил один из многих его принципов, который мне запомнился, и который на всю жизнь стал мне благословением. Одно мне стало ясно, когда я прочла книгу: мне захотелось попасть в миссию, основанную Гудзоном Тейлором. Я захотела принад-лежать к той группе, ежедневно искавшей Бога так тихо и незаметно.
После этой книги я прочитала и второй том этой биографии "Рост миссии" - об основании китайской миссии. И тогда у меня появилось сильное желание работать на
миссионерском поприще. Незадолго до этого я почувствовала призыв к миссионерской
работе вообще:
теперь я знала, что была призвана именно в Китай.
Читая о страданиях и болях китайских женщин, я до глубины души была тронута этим. Ведь я сама познала, что значит душевная боль. У меня была Библия на книж-ной полке, когда я с отчаянием искала выход.
Что же будет с теми, которые никогда не слышали о Христе? Они должны будут погибнуть, если кто-либо не разыщет их и не расскажет об этом. "Но как призывать
Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?"
Я поняла, что должна пойти к ним, чтобы сказать им это. Поехав поэтому в 1924 году на конференцию, я приняла твёрдое решение записаться в китайскую миссию.
На сей раз никому не пришлось отказаться от пары туфель, чтобы привлечь меня к участию в конференции. За год я накопила немного денег, а во время конференции подрабатывала на дому, чтобы финансировать своё пре-бывание в Сосновом Бору.
Я была счастлива вновь быть здесь, в этом дорогом моему сердцу месте, и мчалась,
нет, летела к местам за-ветным, к местам воспоминаний: к домику, где я жила с Эдной Гиш (сейчас вновь находящейся в Китае), к месту под высокими соснами, где я так часто молилась одна, к месту сбора на природе, где проходили собрания нашей библейской группы, к самому сосновому дому с боль-шим камином, где у нас было так много драгоценных часов свидетельства. В первую очередь я должна была увидеть эти места.
В предчувствии чего-то большого и радостного я вбежала в комнату, где проходили наши общения. Она не пустовала. Там сидел всего один человек - мужчина среднего возраста. Он улыбнулся, увидев моё удивление, а я тем временем постаралась быстрее скрыться.
"Старый холостяк", - подумала я про себя, убегая на кухню. Из чего я заключила, что он был неженатым, не знаю. Может быть, по выражению его глаз или просто интуитивно. Но я быстро забыла о нём, радуясь встрече с новыми гостями и входя в

роль обслуживающей в сто-ловой, что было чем-то необычным для меня.
Как я могла знать, что только что повстречалась с тем, кто должен был стать духовной звездой для меня и моего дорогого супруга. Тогда о его существовании мы
ничего не знали, но он был предназначен для нас Богом!
Во время вечернего собрания в стоящем за кафедрой ораторе я, к моему великому удивлению, узнала того "старого холостяка" из маленькой комнаты. Он был представлен нам как главный референт конференции. Его звали мистер Фразер, он был миссионером китайской миссии. Прежде я никогда не слышала о нём, да и другие
гости, очевидно, не знали его.
Возможно, даже мистер Вайпл тогда не знал, что этот англичанин с честью выдержал
свой экзамен на эле-ктроинженера в лондонском университете и к тому же был великолепным пианистом. Мы же видели в нём простого миссионера, даже не подозревая о его незау-рядных дарованиях.
Начав говорить, он коротко рассказал нам, как был послан китайской миссией в один из отдалённейших уголков Китая на границе с Бирмой, в провинцию Хуньян. Там он долгие годы работал среди китайцев, встречаясь со многими людьми, которые
не были китайцами, но посещали китайские рынки. Их нацио-нальная одежда, особенно женская, была очень пёстрой, увешанной ракушками и серебряными кольцами. Го-ловными уборами им служили тюрбаны. Некоторые из них немного говорили по-китайски, благодаря чему он узнал, что они были из племени лису, живущего в горах Салвинского ущелья. Они никогда не слышали об Иисусе Христе, в их языке не существовало письменности. Эти люди были лишены всякого образования.
Но они не поклонялись идолам, как китайцы. Они были анимистами, поклонявшимися непосредственно демонам. Бог призвал его идти к этим людям с Евангелием.
Так как в его распоряжении было несколько часов для докладов, мистер Фразер решил каждый вечер рассказывать о какой-нибудь определённой стороне своей работы среди племени лису. Однажды вечером, напри-мер, он взял нас в "путешествие" в те чудесные горы,
через высокие перевалы, где у подножий обрывистых ущелий лепились маленькие деревушки. Следующий час он посвятил языковым проблемам, тому, как он изучал язык, живя среди них в закопчённых хижинах, и как он изобретал для них письменность. Он рассказал, как с двумя другими миссионерами написал книгу и по сей день известную под названием "Манускрипты Фразера".
В один из следующих вечеров он говорил о терпении, которое требовалось ему при обучении пожилых людей, никогда в жизни ничему не учившихся. С юмором он рассказывал о старых женщинах, утверждавших, что у них нет памяти, но всё прекрасно помнивших, когда он расспрашивал их о детях и о событиях пятнадцатилетней давности. Его живые описания потрясли нас. Мы просто полюбили тех людей.
Содержанием следующей лекции была борьба, ко-торая ведётся на небесах. Он говорил, как старался помочь народу лису, как работал, пока смог им передать их письменный язык в форме книги, какой маленькой оставалась горсточка обращённых, и как те, кто считал себя верующими, оказались нестойкими. Он сказал нам, что в Англии просил свою мать собрать верующих соседей для совместной молитвы. И лишь благодаря активному участию этой молитвенной группы среди лису начался "перелом". Сам он к этому времени именем Иисуса Христа противостоял сатане и его
князьям, к которым было приковано это древнее племя. Я ясно видела, как община племени лису была рождена через молитву.
Молитва доступна всем нам, и действие её всегда даёт явные результаты. Я благодарила Бога за то, что узнала в этот вечер. Тогда мы услышали ещё и о радости жатвы, когда видишь, что сеял не зря. Вновь и вновь отправ-лялись мы с ним в "путешествие"; его описания были такими красочными, что нам казалось, будто мы не
только мыслями, но и наяву переносимся через Америку к Салвинскому ущелью. Мы видели Фразера в одежде китайского кули с проводником из племени лису, взби-рающегося по крутым склонам к одной из высоко-лежащих деревень. Приложив

ладонь ко рту, он про-кричал: "Ма-па хи ла-о" (Учитель пришёл!), и вся деревня пришла в движение. Раздался лай собак, послышалось хлопанье дверей, голоса взволнованных женщин. Муж-чины немедленно поспешили навстречу гостям, отгоняя собак. Из его рассказа мы узнали, как позже при его посещениях христиане выстраивались, когда высокий миссионер шёл к ним и протягивал каждому руку для приветствия, а женщины украдкой клали ему в руку яйца. (Они заметили, что это было его любимое кушанье.)
Ещё он рассказал, как христиане села выстроили для него за часовней "комнату пророка", так как они приме-тили "странную" потребность белого мужчины временами
искать уединения. Они не могли представить себе, как можно хотеть быть одному. Может быть, причиной этому был цвет кожи? Ну, если он так этого хочет, пусть получает! Вскоре в каждой деревушке была у него "комната пророка".
Потом было испытание покаявшихся перед креще-нием. Он рассказывал, как они один за другим входили к нему, как ожидавших за дверьми он находил лежащими вниз лицом в молитве. Они просили недавно найденного ими Искупителя помочь им ответить на вопросы, чтобы они были хорошо подготовлены к такому важному шагу.
В последний вечер он сообщил, что ему нужны ещё миссионеры - молодые, самоотверженные мужчины, готовые принять на себя тяготы лишений и одиночества, связанного с миссионерским трудом.
Моё сердце пылало любовью к народу лису, когда я сидела среди слушающих. Про себя я молилась: "Гос-подь, я готова идти! Но я не мужчина!" С тех пор я так и не
смогла забыть о лису. Не осмелюсь назвать это призывом Божьим, но думаю, последующие события доказали это.
В том году в конференции принимал участие и мой отец. Он жил с мистером Фразером. К моему удивлению, я услышала, что отец пригласил его на неделю к нам в Викторию, прежде чем мистер Фразер в августе поедет в Китай.
Тем летом мы жили в доме в Оук-Вайе, на берегу океана. У нас было место для одного гостя. Я была очень удивлена тем, что отец пригласил мистера Фразера, не посоветовавшись с матерью. Она и мой брат были тогда против моей поездки в Китай. Наверняка мать не обрадовалась бы гостю миссионеру из Китая, ведь она всеми средствами пыталась повлиять на меня, чтобы я удовлетворилась христианской
работой в Америке.
Я была в восторге от предоставившейся мне возмож-ности лично побеседовать с мистером Фразером о миссионерской работе. Той осенью я надеялась поступить в Библейский институт им. Муди, но препятствий было так много, что я часто спрашивала себя, не посланы ли они мне Господом.
Во время тех вечерних лекций о земле лису я пришла к выводу, что мистер Фразер очень близок к Богу. Его другие таланты, помимо большого дара говорить, всё ещё были скрыты от меня, но меня впечатлило его очевидное тесное общение с Господом.
Кстати, он стал героем книги "За горной грядой", которая была написана миссис Ховард Тейлор спустя несколько лет после его смерти.
Когда он пришёл в наш дом, его простота и дружелюбие вскоре завоевали симпатию матери и брата. До замужества моя мать была учительницей музыки, сама писала музыку и часто сочиняла к ней стихи, причём ни одно из её сочинений не отклонялось издателем. Правда, после замужества она прекратила занятия музыкой. Теперь, когда мистер Фразер познакомился с моей матерью, мы открыли для себя его
большой талант пиа-ниста. Моя мать была очарована. Они часами говорили о музыке.
Мать знала фамилии его учителей и считала, что это были лучшие лондонские преподаватели музыки.
Я ждала возможности поговорить с ним лично о моих проблемах, и вскоре среди недели она мне предо-ставилась. Мистер Фразер хотел посмотреть побережье, и я должна была сопровождать его. Как только мы остались одни, я сказала ему, что хочу поговорить с ним о моём призвании к работе в миссии. На берегу океана мы сели на песок, и я ему рассказала обо всём, что было у меня на сердце. Эту беседу я запомнила на всю жизнь.
- Миссионерская жизнь может быть очень одинокой, -сказал он просто и откровенно

поведал мне о некоторых проблемах своей жизни в первые годы своего служения. Сегодня я предполагаю, что это он сделал преднамеренно, чтобы проверить меня. Если я действительно призвана Господом, то трудности на этом пути меня не испугают. Если же я не призвана Богом, а ношусь лишь с роман-тическими идеями о дальних странах, то мои грёзы долж-ны быть как можно скорее рассеяны.
Он не заметил, что непроизвольно открыл передо мною свою собственную жизнь. Он был настолько погружён в свои воспоминания, что, казалось, забыл о моём присутствии. Его серо-голубые глаза задумчиво глядели куда-то вдаль, поверх меня, будто он говорил сам с собой. Он хорошо знал все нужды и трудности одиночества, с которыми знакомо человеческое сердце. Глаза его были печальными, так как всё это он испытал на себе, но взгляд его оставался твёрдым, уверенным и спокойным, потому что он сумел победить себя.
Я рассказала ему о мнении матери и о её протесте против моего призвания. Отвечал он мне медленно, с рас-становкой, как бы взвешивая каждое слово:
- Я почувствовал, как сатана противится в лице вашей матери и брата. Мы призваны противостоять, если стоим перед препятствием, сооружённым на нашем пути дья-волом. Я думаю, это должно стать вашей исходной позицией. Противостаньте дьяволу в молитве и никогда не забывайте любить тех, которые в данный момент, не желая того, стали орудием сатаны (2 Тимофею 2, 24).
Я нашёл молитву, которую применяю в таких случаях:
"Если это препятствие от Тебя, я принимаю его, если же от сатаны, я отклоняю его со всеми его происками на основе совершённого на Голгофе дела спасения". В силе этой молитвы я уже убедился.
Взгляд мистера Фразера вновь задумчиво скользнул по океану, потом он добавил:
- Мне интересно, поедете ли вы когда-нибудь в Китай. Вы очень молоды, и перед вами стоят большие преграды, - тут он вновь погрузился в размышления. - Вы сейчас поступили в институт им. Муди. Возможно, сатана этим попытался удержать вас.
А может случиться и так, что вы получите срочную телеграмму, извещающую вас о тяжёлой болезни матери и требующую вашего немедленного возвращения домой. Я хочу дать вам один совет. Есть ли в Ванкувере или в этом городе человек, которому вы могли бы доверять во всём, и который без предвзятостей мог бы оценить обстановку?
- Да, это мистер Чарлз Томсон, секретарь китайской миссии, - ответила я.
- Это тот человек, который нужен, - ответил он. - Так вот, если вы получите такую телеграмму, тут же теле-графируйте мистеру Томсону и просите его узнать, как обстоят дела с вашей матерью. Пока вы соберёте чемодан и купите билеты, должен прийти ответ, и тогда вы яснее увидите путь, которым хочет вас вести Господь.
Благоговейно слушая его, я ещё больше удивилась бы, если бы знала, какими пророческими оказались его слова. "Но духовный судит о всём" (1 Коринфянам 2; 15).
Это были чудесные часы. Тогда мне была дана редкая возможность заглянуть в жизнь, сокрытую в Боге, узнать цену за неё и понять, к чему я должна стремиться.

Библейский институт им. Муди

3 сентября 1924 года. Этот день застал меня в Чикаго, где я записалась ученицей миссионерского курса Биб-лейского института. Это было неожиданным поворотом моей судьбы и совсем не входило в мои планы. Я была слишком верна Канаде, чтобы без особой надобности решиться учиться в США. К тому же я настолько уважала профессора Эллиса, что мне никогда бы и в голову не пришло планировать моё

миссионерское образование за пределами ванкуверской миссионерской школы. Но Господь взял руководство над этой сферой жизни из моих рук в Свои.
К концу 1923 года у меня ещё не было средств для учёбы в Библейской школе, но об
этом я, кроме роди-телей и ещё одного человека, никому не говорила. И Гос-подь чудным образом связал этого человека с Марьери Харисон, с которой я познакомилась на конференции.
Это случилось как раз в то время, когда она спра-шивала Господа, как ей распорядиться своим сбережением. И тут она случайно узнаёт, что у меня нет средств для обучения на миссионерском курсе. Это она, Марьери, побуждаемая Господом, выбрала для меня Библейский институт им. Муди. Сама она училась в Библейском институте в Лос-Анджелесе. И хотя она знала о маленьком Библейском институте в нашем городе, она решилась переправить меня через половину континента в учебное заведение, носящее имя Муди. Это самый большой Библейский институт в стране, в котором представлены многие виды христианской работы. А это
мне было очень-очень необходимо.
Марьери рассказывала, что собранная сумма денег была всем её состоянием. Этих денег хватало на билет до Чикаго и чтобы жить целый год; но моё дальнейшее обучение, обратную поездку и другие расходы она не
могла финансировать. Она сообщила мне, что в институте им. Муди есть бюро, помогающее студентам устроиться на работу в свободное от учёбы время. Об этом я должна была сама позаботиться и, прежде всего, должна была научиться доверять Господу. Её интересовало, готова ли я к этому.
Находясь под впечатлением недавно прочитанных вос-поминаний Гудзона Тейлора, свидетельствовавшего о том, как Бог только через молитву заботился о всех его нуждах, я радовалась случаю проверить силу Его величия.
В те дни мой брат должен был по делам поехать в Чикаго и пробыть там несколько недель. Меня радовало, что я могла ехать через континент в его сопровождении.
Доктор Исаак Пейдж, друг моего отца, встретил нас на вокзале и проводил меня к Библейскому институту. Кроме него, я никого не знала в этом шумном городе.
Доктор и миссис Пейдж недавно переехали сюда в качестве секретарей по заграничным поездкам китайской миссии среднезападной части Америки.
Тот первый день ознакомления, заполненный посе-щением различных кабинетов, был очень утомительным. Мне предоставили комнату на двух человек - такие комнаты были дешевле. В ней я должна была жить с незнакомой мне европейкой, говорящей со
своеобраз-ным акцентом. Комната была обставлена очень просто.
Дом наш находился на проезжей улице, а так как мы жили на первом этаже, шум транспорта раздавался прямо под нашими окнами. Я ещё никогда не жила в доме, не огороженном забором, и поэтому теперь у меня было чувство, что я живу прямо на улице. Это ощущение в сочетании с усталостью и одиночеством вызвало во мне ностальгию. Выдержу ли я здесь два года? Об этом спрашивала я себя, когда мимо окна прогрохотал оче-редной автобус, подъезжая к следующей остановке.
Спать в комнате, где твоя голова отделена лишь тонкой стенкой от внешнего мира, казалось мне чем-то неслы-ханным. Но в следующее мгновение я почувствовала себя перенесённой на небо. В этом автобусе находилась миссионерская группа института,
ведущая работу на ули-цах. Они сейчас возвращались после первого вечера свидетельской работы и хором пели: пели восторженно, с глубокой верой, исходящей
из самого сердца. Их чистые молодые голоса наполняли меня счастьем.
Что-то задержало автобус, и они допели песню. "О Господи, благодарю Тебя!" - с воодушевлением моли-лась я. Вот она, оборотная сторона жизни "на улице": дружба во время работы на ниве Господней в борьбе за людские души, верующие ровесники, умеющие так прекрасно петь! Я была окружена Его присутствием и, получив Его мир, спокойно уснула.
Меня ожидали и другие приятные события. На следующий день меня позвали к телефону. Звонок был из комнаты коменданта общежития.
- Мисс Миллер, у нас находится девушка по имени Лилиан Билментгон, которая только что приехала. Она бы хотела взять вас в свою комнату. Вы согласны?
- Она приехала? - радостно воскликнула я. - Конечно, я очень хочу жить с ней в

одной комнате. Мы позна-комились с ней на конференции в Сосновом Бору. Она молодая учительница.
- Да, верно, - ответил голос из бюро. - Мисс Бил-менгтон прописана на третьем этаже "Зала Искупителя", в 303-й комнате. Пожалуйста, перейдите как можно быстрее, а вашу комнату приведите в надлежащий порядок. Сообщите, когда переберётесь.
"Зал Искупителя" - это здание было намного больше и находилось в отдалении от проезжей части. Но лучше всего было то, что я могла жить с девушкой, знакомой мне с Соснового Бора. Познакомились мы прошлым
летом, и её милое лицо мне сразу понравилось. Теперь нам предстояло прожить вместе два счастливых года учёбы. В соседней комнате жили шотландская девушка Анна Барр (в честь её была названа моя дочь) и са-моотверженная американка Элла Дикен, которая должна была сыграть в моей жизни особую роль, какую я не осмелилась бы вообразить даже в самых смелых мечтах.
Какая встреча с Биллие! А как интересно было рас-паковывать её чемоданы с вещами, которых у меня никогда не было: великолепные шторы для наших окон, пёстрые покрывала, кружевные воротники и многое дру-гое! Вскоре комната превратилась в настоящий девичий покой, и моя жаждущая прекрасного душа была в выс-шей степени удовлетворена.
Время, проведённое в столовой, было настоящим общением. Сотни студентов одновременно собирались там. Не прекращался шум разговоров, смех, звон посуды. Мужчины сидели с одной стороны стола, девушки - с противоположной, по двенадцать
учащихся за одним столом. Старший сидел на одном конце стола, один младший садился на другом конце, остальные же всегда менялись местами. Если кто-то занимал определённое место за столом, то он должен был обслуживать во время еды сидящих рядом. Одна такая помощница уносила использованные тарелки, другая должна была вовремя быть на кухне, чтобы взять горячие блюда, а в случае необходимости, позаботиться о добавке.
Однажды я стояла в длинной студенческой очереди за овощами, которые выдавались нам после звонка. Мыс-лями я была далеко отсюда. Я мечтала о земле лису. И вдруг
мой взгляд непроизвольно встретился с глазами другого мечтателя - это был молодой человек, обслу-живающий посудомойную машину. Это была одна из тех встреч, когда чувствуешь, что проник в глубь души другого, не успев даже постучаться. Мы смутились,
каждый из нас быстро отвёл взгляд и сделал вид, будто ничего не случилось. А ведь случилось! Начиная с этого момента, я стала думать о парне, моющем тарелки.
Работал ли он на кухне или был подрабатывающим сту-дентом? Меня беспокоило то, что я не могла его забыть. Я ведь твёрдо решила не завязывать дружбу с молодыми людьми во время учёбы в Библейском институте. Я-то знаю, как это меня отвлекает.
Эти два года должны были стать беспрепятственной подготовкой к задаче моей жизни
- работе в Китае. Поэтому я очень злилась на себя за то, что каждый раз, входя на кухню, я смотрела, здесь он или нет. Чтобы сдержать себя, я ни у кого не спра-шивала ни его имени, ни кем он работает. Но мне каждый раз приходилось проходить мимо него с тарелками, и каждый раз у меня было чувство, что он знает,
как меня зовут и всё остальное обо мне.
Так оно и было. Но он никогда не пытался заго-ворить со мной, и я очень уважала его за это. Я не знала, что прежде своего прибытия в институт он тоже зарёкся не
знакомиться с девушками, чтобы они не отвлекали его от учёбы. Но он всё же поинтересовался мною - девушкой, в зелёной с коричневыми лебедями блузке.
Вскоре после моего прибытия семья Пейдж пригла-сила меня к себе на ужин. Доктор Пейдж долгие годы дружил с моим отцом, и я его всегда называла папа Пейдж. После
того, как я сняла пальто и шляпу, он дал мне стопку фотографий Библейского института и своих учеников, сказав, что хочет помочь жене на кухне накрыть на

стол. Когда я начала рассматривать фотогра-фии, мне сразу бросилась в глаза одна
из них. Это было девичье лицо, соединившее в себе красоту и силу воли.
- Папа Пейдж, кто эта красивая девушка? Какое милое лицо! Она учится сейчас в институте? - воскликнула я.
- Да, это очень славная девушка. Её зовут Катрин Кун. Но она недавно сдала свой заключительный экзамен и
уехала в Вэтем. Я бы хотел, чтобы ты познакомилась с ней. В институте у неё есть
брат.
- Вот как, - сказала я и тут же перешла на другую тему. Но про себя я подумала: "Если её брат похож на неё, то мне надо держаться от него подальше. Я не должна показываться здесь ни на одном вечере, где будут моло-дые люди".
И я честно придерживалась этого. За исключением ве-чера приёма новеньких, к которым я относилась, я отклоняла приглашения на всякие встречи, где присут-ствовали мужчины. Но на втором семестре я должна была признать, что моё намерение оказалось несбыточным. Лишь спустя месяцы я узнала, что парень, моющий
посу-ду, был братом Катрин Кун.
О моей учёбе в течение этих двух лет и четырёх месяцев (я заболела и отстала на один семестр) я могу сказать только, что это было большим благословением для меня. Доктор Джеймс Трей занимал тогда должность ректора, и я имела право выбрать его учителем одного из предметов. И анализ Библии на лекциях Др. Джейдерквиста
доставлял мне большую радость. Полученные здесь знания я передавала
позже верующим из народа лису и разбирала с учениками Библейской школы первое и второе Послания Петра. По сей день я пользуюсь теми записями.
Др. Эльберт Мэк Крири преподавал нам предмет "существующие религии" и фонетику; он был одним из моих любимых учителей. Своей бесконечной добротой он был похож на Христа, и общение с ним дало мне обиль-ные благословения.
Др. Роберт Глаувер привёл меня в восторг, когда неделю за неделей говорил нам о миссии, о её требо-ваниях к нам. В другом классе он преподавал историю миссионерского движения. Огонь его души воспламенял и моё сердце.
Талмейдж Битикофер давал нам общие уроки пения и учил дирижировать, а также петь
партиями, чему потом я обучала верующих в христианских общинах лису. Все мы любили "Биттие", а его уроки сольного пения волно-вали меня до глубины души. Своим пением он под-держивал и укреплял веру в наших сердцах.
Так бы я могла рассказать ещё многое. Но самое зна-чительное, что мне дал институт им. Муди, были практи-ческие рекомендации к работе в будущем. Этим заведо-вала миссис Ф.Ц. Эллисон. Каждый учащийся должен был целую неделю выполнять одну или несколько прак-тических работ. Они менялись каждый семестр, так что мы познакомились со многими видами христианского труда.
Того, кто проводил уличные собрания в молодёжном квартале, нередко забрасывали тухлыми яйцами или помидорами, поэтому на такие мероприятия мы одевали самую старую одежду.
Однажды иудеи столкнули меня с тротуара на проезжую часть улицы.
Воскресные школы, посещение госпиталей и тюрем считалось среди нас лёгкой работой, и мой милосердный Бог облегчил начало моего труда. Записка из бюро по практической работе гласила, что в мою обязанность входит работа в воскресной школе с одним из классов и посещение среди недели итальянского квартала.
Моим руководителем, как далее говорилось в направлении, была мисс Этель Томпсон,
комната 10, дом 830. Я должна была немедленно отметиться у неё и получить дальнейшие указания к деятельности. Как сей-час помню, с каким волнением я поднималась по лестнице, а потом долго стояла перед закрытой дверью. Как выглядит эта мисс Томпсон? Смогу ли я делать посещения в квартале, где живут бедные люди? Смогу ли я, такая робкая от рождения, бороться за души людей? Как билось моё сердце, когда я наконец отважилась постучать.
Дверь открыла нежная молодая женщина, которая, услышав мою фамилию, приветливо пригласила меня войти. Предложив мне сесть, она сказала:
- Я думаю, мы поговорим о вашей работе. Мы входим в общину и относимся к церкви

итальянского квартала. В воскресенье мы занимаемся с детьми и имеем полную свободу проповедовать им Евангелие.
Родители думают, что мы не можем повредить их ма-лышам, и не препятствуют нам. Проблема у нас в другом. Наш ответственный проповедник модернист и по вос-кресеньям ведёт танцевальные вечера и тому подобное. В этом и состоит наша трудность, из-за чего мы не раз огорчались.
Среди недели мы посещаем семьи, живущие в казар-мах, сданных под наём, стучим в каждую дверь и там, где нам открывают, говорим о спасении. Конечно же, там живут
только бедные люди, и многие из них католики, но всё же были случаи, когда люди решали следовать за Христом. Лично я думаю, что эта работа более всех других нуждается в молитве, - закончила она, разглядывая при этом свою новую ученицу. Она наверняка спрашивала себя, кого же ей Господь послал во мне.
Размышляя о сказанном, я вспомнила слова мистера Фразера о молитве на христианской службе и ответила с энтузиазмом:
-Я тоже придаю большое значение молитве и была бы счастлива каждый день приходить к вам для совместной молитвы.
- Вы действительно желаете этого? - ответила вопро-сом Томми (её никто в школе не называл Этель, мы все её знали под именем Томми Томпсон), и её лицо при этом засветилось надеждой и радостью. - Хорошо. Я должна
ещё и подрабатывать, чтобы финансировать учёбу, поэ-тому моё свободное время очень ограничено. Подходит ли тебе, если мы будем собираться на полчаса перед обедом?
Это вписывалось в моё расписание уроков, и те еже-дневные полчаса стали важной частью моей жизни.
В то первое воскресенье Томми взяла меня с собой в итальянскую капеллу и представила проповеднику К. как свою новую помощницу.
- Прекрасно, - сказал он, - как вы смотрите на то, чтобы вместе пообедать? Я сказал жене, что сегодня при-дет новая помощница, и что мы должны с ней позна-комиться. Она в курсе дела.
Так мы участвовали в утреннем богослужении. Слово говорил либеральный проповедник господин К. Он гово-рил о мужестве, высоких идеалах и тому подобном,
но не указал на то, как человек может встать на новый путь, путь истины.
Во время обеда в их гостиной он заметил по-кровительственным тоном:
- Знаете, девочки, я раньше тоже верил, как и вы. Вы удивитесь, если услышите, что я тоже был учащимся института им. Муди.
Но после экзамена я попал на семинар, где узнал, что сегодня ни один человек не верит в эту старую небылицу. Тогда я потерял свою веру. Но, должен признать, наш
либерализм не может так мотивировать людей, поэтому я попросил себе нескольких учеников Библейского инс-титута (вы ведь работаете безвозмездно? - с какой издевательской усмешкой это было произнесено), когда увидел, какой безжизненной была работа, когда я к ней приступил.
Я пригласил вас для того, чтобы пробудить к нашей общине интерес соседей. Вы приводите сюда людей, а мы делаем из них хорошую общину.
Мы не высказывали того, что было у нас на сердце. Я только сказала:
- Очень страшно, господин К., что вы отстранились от старой веры, а теперь от веры обратились к либерализму. Я потеряла свою веру в Бога в университете. Но когда я старалась разобраться в сути дела, я пришла к убеж-дению, что Бог жив, и
что единственным путём к Нему является примиряющая сила крови Христа, дающая прощение грехов и вечную жизнь. Вы и я - люди, движущиеся в противоположные стороны. Вы направи-лись вниз, к сумрачным равнинам, а я недавно выбралась оттуда и нашла путь горний.
Мои слова тронули его. Весь подавшись вперёд, он начал засыпать меня вопросами. И хотя он саркастически улыбался, видно было, что он глубоко заинтересован.
Томми тихо сидела рядом с нами и молилась. Она не знала мою историю, но сразу почувствовала, что здесь действует Дух Божий.
Когда пришло время уходить, господин К. сказал своим прежним непререкаемым тоном:
- Вы слишком интеллигентны, чтобы снова погрязнуть в старом хламе, но об этом

нам нужно ещё побеседовать. Вы, девчата, ещё когда-нибудь должны прийти сюда на ужин после домашних посещений.
Потом мы расстались. Во время нашей долгой поездки домой Томми сказала:
- Я думаю, Бог уже начал отвечать на наши молитвы. Подумай только, Он послал мне
того, кто прошёл всю эту либеральную путаницу, которая сковывает этого мужчину и
удерживает его от силы, единственной силы, способной преобразить жизнь. Я наблюдала за его лицом, пока вы разговаривали, и многое из того, что ты говорила, затро-нуло его, хотя он слишком горд, чтобы показать это.
Я уверена, что Бог вновь приведёт его к вере. Будем едины, согласно Матфея 18, 19, и будем приносить эту
просьбу ежедневно в молитве. А теперь посмотрим, когда нам по плану предстоит делать посещения.
Я не помню, в какой день мы встречались для домаш-них посещений, но тот опыт мне
не забыть. Томми ока-залась неповторимой спутницей. Она была полна юмора и задора. Посещения на дому не давались мне легко. Тёмные, грязные дома под съем с
их дефектными лест-ницами, лопнувшими водопроводными трубами и дурным запахом, где иногда целыми семьями жили в одной единственной комнате, напугали бы меня, не будь со мной Томми. У неё всегда наготове было какое-нибудь весёлое замечание, будь то по поводу вывих-нутого пальца на ноге или обиженно насупившегося лица. Её замечания всегда были остроумными и попадали в цель, так что нельзя было удержаться от смеха. При каждом посещении она, если можно так выразиться, атаковала первой; она была мастером тактики нас-тупления. Я была счастлива стать её ученицей и старалась перенимать её опыт. С тех пор прошло более тридцати лет, но один случай удержался в памяти.
Как-то раз мы чуть ли не ощупью пробирались по длинному, тёмному коридору от одной двери к другой, ища возможности для беседы. Перед нами распахнул дверь приземистый мужчина и, нахму-рившись, закричал на нас:
- Что вы здесь ищете?!
- Брат, - обратилась к нему Томми на своём мягком южном диалекте, - мы друзья, желающие тебе добра. Не хочешь ли пригласить нас для небольшой беседы?
- О, ты пришла вовремя, - начал браниться мужчина, - никто не интересуется нами и не хочет нам помочь. Вы кто, лоточники? Политики? Кем бы вы ни были, нас ничто
не интересует.
Он уже собирался перед нашим носом захлопнуть дверь.
- Но брат, - сказала Томми жалобным голосом, - две слабые девушки не могут причинить вреда такому муж-чине, как ты. Позволь нам присесть на минутку. Мы уже
несколько часов на ногах и надеемся...
И тут из комнаты раздался голос:
- Пусть они присядут на минутку, Билл. Я знаю, что такое уставшие ноги.
Билл ругался ещё яростнее, но дверь всё же оставил открытой и направился в противоположную сторону мрачного помещения. Потом Томми смогла рассмешить женщину, заметив что-то по поводу своих ног, и вскоре у нас завязалась беседа. Но когда мы упомянули имя Христа, перед нами вырос Билл со сверкающими злобой глазами.
- Так значит, вы религиозные люди? Так вы самые опасные! Я не желаю слушать в своей комнате этого вздора! - закричал он, бранясь. - Я атеист, я... - и так далее.
Томми продолжала шутить. Не помню, как ей удалось, это мог быть только Дух Божий, но мужчина успокоился и стал слушать нас. Я думаю, что его жена приняла Хрис-та. Почти при каждом посещении мы были свидетелями того, как души принимали
такое решение.
Такова была моя Томми, показавшая мне, что любовь - единственный путь, который приводит людей ко Христу.
В детском классе Господь тоже начал Своё действие. Дети один за другим просили Иисуса войти в их сердце.

Господин К. то проявлял интерес, то снова был равно-душен к нашей работе. Иногда
он не замечал нас неде-лями, потом вновь приходил к нам в воскресную школу, слушал нас, наблюдал, а потом приглашал на обед. Как мы о нём молились! Томми с её весёлыми шутками на тёмных лестничных площадках казарм - это было одно, но Томми, коленопреклонённо боровшаяся за спасение душ и особенно за обращение господина К. - это был
совсем другой человек. Эти обе стороны её характера до-полняли друг друга. Если бы кто слышал её шутки, тот не мог бы за этим представить её слёз и настойчивых молитв за порабощённые грехом души.

Во втором семестре я просила разрешения вновь заниматься той же работой, ведь мы
с Томми знали, что дело Господне в том месте ещё не доведено до конца. Но я болела шесть недель и не могла ходить с Томми на посе-щения. Потом она сдала экзамен и уехала в Мексику. Но я должна ещё рассказать один чудесный случай.

После моей выписки из больницы и незадолго до того, как Томми уехала, нас обеих вызвали в приёмную. К на-шему удивлению, мы увидели там господина К. Это был совсем другой человек. Хотя в его глазах ещё было прежнее насмешливое выражение,
но лицо его было озарено светом, которого мы прежде не замечали.

- Это я просил позвать вас, девочки, чтобы сказать вам, что Господь услышал ваши
молитвы обо мне. Я вернулся к Богу. Это была ожесточённая борьба, что вы, несомненно, видели. Гордость долгое время противилась быть распятой. Но неделю назад я ясно осознал, что вы проповедовали истинно Слово Божье и путь к спасению. Своим служением вы преображали людей, это я должен честно признать. Я же ни одного человека не сделал лучше.

Может, вы не знаете, что я начал проповедовать Биб-лию, когда заметил, как Бог благословлял ваши библей-ские уроки. Но после этого ничего не произошло. Потом я
понял, что необходимо проповедовать крест Христа как единственный путь ко спасению, и кровь Спасителя как единственную искупительную жертву за грехи. И это начало действовать. Это действовало как на меня, так и на других.

Я открыто признал свою вину и запретил танцы по вос-кресеньям. Моя церковь вновь
стала полной, а члены
совета церкви, узнав об этом, очень рассердились. - Его глаза наполнились слезами. - Они уволили меня. Теперь я нашёл работу в маленькой сельской общине и
перееду туда со всей семьёй. Там я могу проповедовать истину.

Моя жена во всём согласна со мной, и мы оба очень благодарны вам, девочки. Да благословит вас Бог! Да благословит Бог школу, основанную Д. Л. Муди!

Ни один из нас не мог удержаться от слёз. С благо-говением и преклонением в сердцах наших мы произ-несли: "Аминь".

После этого мы его больше не видели.

Духовное предзнаменование

В декабре 1924 года я получила письмо от матери, в котором она писала, что её, по всей вероятности, будут оперировать. У неё якобы обнаружили опухоль. Теперь она должна или согласиться на операцию, или получить облучение. Она писала, что поставлена перед выбором, каким из двух методов её будут лечить. Так как лучевая
терапия долго длится, мать скорее была готова идти на операцию, чтобы избежать частых поездок в город.

Потом я больше ничего не получала от неё, пока не была извещена телеграммой, что
она отошла к Господу. Выбрав операцию, она скончалась в больнице. Отец телеграфировал мне об этом словами, полными любви и горечи, но добавил, чтобы я не приезжала домой на похо-роны, так как всё равно опоздала.

Для меня это было сокрушительным ударом. Моя мать в своей большой любви ко мне, единственной дочери, противилась моему решению поехать на миссионерское служение
в Китай. Боясь за меня, она мне говорила такие горькие слова, которые я тогда не
слишком близко принимала к сердцу, так как они были сказаны в запальчивости. "Ты
молишься о том, чтобы поехать в Китай, и Бог отвечает на молитвы. Ты уедешь отсюда только через мой труп", - сказала она. Конечно же, сейчас я вспомнила те слова. Моё сердце разрывалось от горя.
Я многим была обязана своей матери. У неё было неж-ное, любящее сердце и высокие
жизненные идеалы. Мама оставила музыкальную карьеру и музыкальные вечера ради того, чтобы воспитывать дома нас с братом.
Она рано вышла замуж. Ей не было и двадцати, когда она родила брата и меня. На нас обоих она возлагала большие надежды и всегда уделяла нам очень много внимания. Свои вечера она проводила с нами, с детьми, читая нам.
И благодаря её стараниям наш дом превратился в привлекательное место, где мы были рады нашим друзь-ям. Она была хорошей христианкой, которая учила нас любить
Господа Иисуса Христа и чтить Его Слово. Когда мы подросли, она хотела видеть нас в "хорошем об-ществе", и это было тем искушением, которое привело её к компромиссу с мирскими ценностями. Но, по сути, это было лишь проявлением её огромной любви к нам.
Я не представляла жизни без матери. Я принимала её любовь, как нечто само собой разумеющееся, как еже-дневный свет солнца. В этой беззаботной защищённости я взамен ей никогда не проявляла чувства должной благо-дарности. Всё это нахлынуло
на меня сейчас, когда она ушла от нас. Теперь было поздно её благодарить.
В то время я работала официанткой, одновременно продолжая учёбу в Библейском институте.
Однажды в начале семестра на кафедру нашей аудитории взошёл курьер, прервав лекцию учителя. Он передал ему лист. Учитель прочёл его содержание и сказал:
- Мисс Изабель Миллер, пройдите, пожалуйста, к за-ведующей в её бюро. Там для вас телеграмма.
Взволнованная и удивлённая, я покинула своё место и торопливо направилась к женскому общежитию. Что же могло случиться? Я вся дрожала, когда вошла в бюро; выражение лица коменданта ничего хорошего не пред-вещало. Охваченная страхом, я попросила её рассказать мне всё сразу.
- Садись. В телеграмме сообщается: "Отец в тяжёлом состоянии после несчастного случая в лифте. Немедленно приезжай! Маррей". Кто это Маррей?
- Это мой брат, - начала всхлипывать я. - Я этого не вынесу! Теперь ещё и мой отец! О!
- У тебя есть кто-нибудь, кто смог бы тебе помочь? -спросила она мягко.
Мысли мои вдруг унеслись далеко к берегу океана, где я сидела когда-то рядом с высоким серьёзным мужчиной, задумчиво смотревшим на волны, и я вновь вспомнила его слова: "Дьявол может попытаться отор-вать вас от института. Есть ли у вас человек, который может объективно оценить сложившуюся ситуацию?"
Предчувствие мистера Фразера исполнилось, он ошибся лишь в орудии, использованном дьяволом.
Тогда он говорил о моей матери, но это оказался мой брат, который вызвал меня домой. Я совсем успокои-лась.
Я выпрямилась и сказала:
- Да, я бы хотела просить доктора Исаака Пейджа сейчас прийти сюда и помочь мне.
Комендант была рада что-нибудь сделать для меня. Она связалась по телефону с др.
Пейдж, и я услышала, как он сказал: "Я возьму такси и сейчас буду там". В кабинете коменданта общежития я ждала, пока он прие-дет, верный друг моего отца.
- Папа Пейдж, - сказала я, - мистер Фразер обращал моё внимание на то, что это может случиться. Также он сказал, что я должна делать в таком случае. Я хочу

сейчас паковать чемодан. Не смог бы ты тем временем сделать для меня два дела? Забронируй мне, пожалуйста, место на ночной поезд, но пока не плати. И позвони сейчас же мистеру Чарлзу Томсону и спроси у него, действительно ли мой отец в таком тяжёлом состоянии, как сообщает Маррей.

- Хорошая идея, - ответил др. Пейдж. - Первые сообщения о несчастном случае часто пишутся в сос-тоянии сильного волнения, поэтому они бывают преуве-личены. Думаю, мистер Томсон в курсе дела. Я не-медленно отправлю телеграмму. Всё равно до вечера нет ни одного поезда в Ванкувер. А ты просто доверься Богу и не бойся.

- Спасибо тебе. Ты так добр ко мне. Я верю, что всё уладится, - произнесла я спокойно, словно почувство-вав, что сейчас что-то произошло.

- Я сразу же вернусь, как только отправлю телег-рамму и забронирую тебе место в поезде, - ответил он, выходя из кабинета.

Перед ужином уже пришёл ответ. "Отец поправляется. Передаёт привет. Оставайся на месте. Жди письма. Том-сон".

Какое утешение! В последующем письме было всё объяснено. Девушка, обслуживавшая лифт, потеряла над ним контроль, и кабина упала с четырёхэтажной высоты на зацементированный пол. Отец получил повреждение внутренних органов. В результате сотрясения у него позднее развилось заболевание, от которого он и умер, правда, успев прожить ещё двадцать счастливых лет.

"Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может" (1 Кор. 2, 15).

И как только мистер Фразер мог предвидеть это? Я тогда ещё не знала, что если человек живёт вблизи Бога и полностью подчинился Его воле, он может мыслями обращаться к Нему и получать Божьи указания, особенно, если речь идёт о ходатайстве за других. Если бы не было Бога, такое было бы невозможным.

За этим событием вскоре последовало другое, тоже результат действия Духа Святого.

Семья Вайпл теперь жила не в Сиэтле, а в Китае. Мистер Вайпл был хорошим архитектором, поэтому руко-водство миссии попросило его построить миссио-нерскую больницу в одном из больших городов Китая. Он уехал туда с семьёй. Поэтому миссис Вайпл узнала о моём горе намного позднее.

Однажды я получила от неё письмо такого содер-жания: "Изабель, я думаю, твоя мать была готова к смерти. Получилось очень странно. Я ничего не знала о предстоящей ей операции, а знала только о той опасности, в которой она находилась; но в день её смерти у меня на душе была такая тяжесть, что я долго молилась, пока не получила уверенность, что она во всём подчинится Бо-жьей воле.

Но сейчас, в то время, как я пишу, меня угнетает нечто другое. Я думаю о тебе, а тяжесть на сердце связана с твоим отцом. Я в мыслях так часто рядом с тобой, моя дорогая, и с твоим отцом. Не знаю, как у вас идут дела сейчас, но сегодня Бог положил мне на сердце молиться особенно о вас обоих и просить, чтобы исполнилась воля Бога относительно вас".

Я сравнивала даты в своём календаре. Это был именно тот день, в который я получила телеграмму, где сообщалось о несчастном случае с отцом. Просто удиви-тельно! Миссис Вайпл жила в глубине Китая, - нас разделяло полсвета. Ни от одного человека она не могла узнать о происшедшем. Я сама узнала спустя месяцы, что прежде чем пойти в больницу, мать признала, что я выбрала лучший путь, последовав воле Божьей, чем тот, который она мне предлагала. Она раскаялась перед Гос-подом в том, что многие из её устремлений были ничем иным, как человеческим тщеславием. Перед смертью она вновь была искренне преданной Господу христианкой.

И кто скажет, что это не молитва миссис Вайпл пов-лияла на то, что та борьба закончилась победой.

Конечно, на меня это произвело большое впечатление. Полная нетерпеливого

ожидания, я спрашивала себя, дос-тигну ли я когда-нибудь того, что Бог доверит мне Свои планы. Тогда я ещё не знала, что Бог в большей или мень-шей мере даёт этот дар каждому возрождённому Духом и живущему в послушании Святому Духу. Это мне пред-стояло узнать очень скоро.
Вслед за радостью о хорошем самочувствии отца последовало огорчение. В нашей семье финансами
распоряжалась мать. Она всегда обо всём заботилась сама и так распределяла средства, что обеспечивала мне получение хорошего образования. Мой отец, напротив, был оптимистом в денежных вопросах и, как все оптимисты, был очень доверчивым. Он всегда старался, финансово участвуя в разработке залежей меди, серебра, золота или чего-либо другого, сделать "хороший улов". Тот факт, что он из-за этих "многообещающих" займов не раз терял все свои сбережения, казалось, ничему его не научили. И поэтому меня очень испугало, когда я услышала, что после смерти матери он оставил свою работу и надеялся сделать нас всех за короткое время миллионерами.
Мой брат тоже продал свою птицеферму и теперь вообще ничего не делал. Он решил, что ему не стоит что-либо предпринимать, раз он вскоре будет владеть таким необъятным состоянием. Они сняли к северу от Ванку-вера маленький одноэтажный дом и продали кое-что из нашей мебели. Остальное они разместили в этом доме. Их письма, полные радужных надежд, очень огорчали меня. Чем больше были ожидания моего отца, тем сильнее падала я духом. "Господи, почему так жестока жизнь?" - часто спрашивала я Бога в тиши. И Его ответ не заставил долго ждать себя.
Был урок истории миссионерства, когда доктор Клоувер повторил сделанное им ранее
объявление:
- Я вам уже говорил о миссионерской конференции Соединённых Штатов и Канады, которая будет прово-диться с двадцать восьмого января до второго февраля в Вашингтоне. Наш институт должен послать восемь делегатов, но пока записалось только шесть учащихся. Это будет выдающееся событие, так как там будут присутствовать известные миссионеры и верующие со всех частей света. Конференцию
откроет президент Кулидж. Я уверен, что среди студентов есть такие,
которые могут позволить себе затраты, связанные с поездкой на конференцию. Время
не ждёт. Я хотел бы поторопить вас записаться. До следующей недели вы должны решить этот вопрос.
Быть делегатом на большой миссионерской конфе-ренции в столице Америки! Как бы я
хотела принять в ней участие. И вдруг у меня появилось чувство, что я должна туда поехать, как будто мне говорил Господь: "Ты много перенесла страданий, моя дорогая, Я пошлю тебя в Ва-шингтон. Ты должна получить и радость". Я почувство-вала себя счастливой, потому что верила Ему. Но эта надежда, как мне казалось, была несбыточной. У меня не было ни цента, чтобы поехать. Всю неделю я
ждала, что Господь пошлёт мне большую сумму денег, и мечтала, как я потом запишусь у д-ра Клоувера в качестве канди-дата для поездки на конференцию. Но мне не пришло ни цента.
Наступил последний день. Занятия в институте шли, как обычно. В миссионерском классе каждое утро учащиеся должны были коротко, не более трёх минут, рассказать, почему они чувствуют себя призванными работать на миссионерском поприще. Так было и в тот день. Потом доктор Клоувер снова напомнил, чтобы ещё ктонибудь записался делегатом на конференцию в Вашингтоне. Этим вечером была последняя возможность записаться.
Я ушла с занятий и расстроенная всё спрашивала себя, был ли это действительно голос Господа, который мне сказал, что я поеду в Вашингтон. Не ввело ли меня в заблуждение моё сильное желание принять участие в конференции? Вдруг после обеда
я нашла у себя в почтовом ящике записку: "Немедленно явитесь в кабинет доктора Клоувера". Я помчалась к зданию, где у дирек-тора был кабинет по делам миссий и,
дрожа от волнения, постучала в дверь.
- Входите, мисс Миллер, садитесь. - Доктор Клоувер приветливо улыбнулся мне. -

Я
попросил пригласить вас, потому что кто-то вызвался оплатить вашу поездку в Вашингтон. Вы бы поехали?
- О, с большим удовольствием! Но кто это может быть? Пейдж? Есть ли у них такие средства? Тогда кто?
- Дающий деньги хочет остаться неизвестным. Я предполагаю, что она не знакома вам, - добавил он улы-баясь. ("Она". Итак, эта была женщина.) Она оплачивает проезд, ваш счёт за гостиницу и питание. К этому она добавляет ещё двадцать долларов, чтобы вы могли позво-лить себе ещё кое-какие радости. Вот деньги. Проезд и счёт за гостиницу я заплачу за вас сразу. А теперь вы должны подготовиться к завтрашней поездке. Успеете? Я уже запросил у коменданта разрешение на вас.
Не стоит и говорить, что к назначенному времени я была готова. Но я хотела бы рассказать, как Бог это сде-лал для меня. Моя добрая благодетельница потом разре-шила, чтобы мне рассказали эту историю.
Это была состоятельная женщина, незадолго до этого потерявшая мужа. В то утро, в
четверг, она направилась в город за покупками в районе института. Взглянув на часы, она увидела, что у неё есть ещё время, чтобы по-быть на лекции доктора Клоувера.
В то время, как она искала среди студентов свободное место, меня как раз вызвали
свидетельствовать. Она села рядом с миссис Х. и внимательно слушала.
Когда я закончила, миссис Х. прошептала другой своей соседке на ухо: "Кто эта выступавшая?" И та, которую спрашивали, сказала не только, как меня зовут, но и добавила: "Она много пережила. Перед Рождеством умерла её мать, а спустя несколько недель чуть не погиб её отец в результате несчастного случая".
Её доброе сердце исполнилось жалости ко мне. Сама она тоже много пережила, да и боль утраты ещё терзала её
сердце. Поэтому она сразу решила послать меня на конференцию, когда поднялся доктор Клоувер, чтобы в последний раз поторопить нас записаться делегатами, "Этой девушке нужна разрядка: другое окружение, дру-гие лекции, другой город - одним словом, новая об-становка. Я помогу ей, и Библейский институт сможет послать полное число делегатов", - подумала она. Да благословит Бог Своих великодушных людей, щедро распоряжаю-щихся средствами, живущих Его мыслями, чтобы Он мог посредством их творить Свою волю.
С таким родом духовного предвосхищения я была незнакома, пока не нашла Господа. С тех пор я вновь и вновь испытывала его на себе. Я думаю, оно дано нам для утешения и для того, чтобы снова ощутить Его при-сутствие в доказательство Его заботы о нас. Только Бог может дать такое предчувствие и сделать так, чтобы оно сбылось.
Этой конференции суждено было стать одним из са-мых важных событий моей жизни, и
она повлияла на мою жизнь, как ничто другое.
Кстати, одним из восьми делегатов был Джон Кун, с которым мне всё-таки пришлось познакомиться. И вот
как это произошло.
Должен был отмечаться день рождения доктора Пей-джа. Мне сказали, что туда приглашены и мужчины, и что один из них - брат Катрин Кун. Так я и знала, что рано или поздно познакомлюсь с ним! Что же мне придумать, чтобы не пойти? Если бы это был день рождения какого-нибудь другого учителя, моё извинение было бы принято без особых проблем. Но день рождения моего любимого папы Пейдж - нет, я обязательно должна быть там!
Мы договорились собраться всей группой на углу улицы Кларк, где мы должны были ждать автобус. Первыми пришли девушки. Уже вечерело, когда мы увидели группу мужчин, которая направлялась к нам.
- Вот и они идут! - воскликнула руководитель группы. - Мисс Миллер, позвольте представить вам Джека Трэхэма, Джона Кун и...
Больше я ничего не слышала. Я стояла лицом к лицу с парнем, мывшим посуду на кухне Библейского инсти-тута. Определённая Господом встреча состоялась.
Я бы хотела добавить, что то была чудесная конфе-ренция. На ней выступали с речью всемирно известные миссионеры. Мы слушали их и с некоторыми даже

позна-комились лично. Между собраниями мы выходили в город, посетили Белый Дом и
были представлены прези-денту Кулидж. А после конференции у нас была ещё маленькая экскурсия на гору, где мы побывали в доме мистера Вашингтона. Нам всем
было так хорошо. Мы сидели вместе, ели вместе, вместе бродили по заме-тенным снегом улицам Вашингтона и смеялись, когда все вместе хотели купить пару калош для Гордона Хедерли Смита, одного из нашей группы, и нам в обувном мага-зине сказали, что у них нет обуви такого большого размера.
Что мы знали тогда о своём будущем? Что двое из нас поженятся и вместе будут служить Господу в далёкой земле лису? Что Джек Трэхэм будет жить в той же провинции и работать среди народа миао? Что Ирене Форсайт будет с полной отдачей
трудиться среди китайцев провинции Шань-Тунь, а Гордон Смит начнёт работу среди многих народностей Индо-Китая? Всё это было ещё впереди. Но в те дни началась эта дружба, обогатившая всю нашу жизнь.

Многократно и многообразно

Когда я пишу эти строки, уже начинается новый день. На далёком горизонте появился светящийся диск восхо-дящего солнца, но тяжёлые облака вскоре закрыли его. Я вижу, как сквозь завесу облаков прорываются розовые или золотистые лучи. Ещё одно утро, ещё один восход солнца с его неповторимой красотой дал нам Господь.
Я пишу и думаю: когда же наступит конец нашему поиску в познании Бога? С одной стороны, он заверша-ется, когда наша рука, протянутая к Богу во имя Иисуса Христа, почувствует ответное пожатие и тем самым будет заверена в Его присутствии. С другой стороны, поиску нет конца: за одним открытием следует другое, затем новое, и так продолжается всю жизнь. Открыть для себя, что Бог существует, - это только самое начало нашего по-иска. Нам не терпится скорее узнать, что Он представляет собой, поэтому наш поиск не только не кончается, а, наоборот, становится всё более захватывающим.
К этому моменту своей жизни я уже сделала немало
открытий на пути познания Бога.
Я познала, что Он существует, что через посред-ничество Иисуса Он является и моим Богом. Я поняла, что Он может повести меня Своим путём и показать мне Свой план относительно моей жизни. Я убедилась, что Он может преодолевать любые препятствия, и что от нас ничего особенного не требуется, чтобы попросить Его указать нам путь. Я убедилась в силе молитвы. Гудзон Тейлор прав, сделав заключение: "Научитесь обращать людей только молитвой, уповая на Бога". Я научилась распознавать Его своеобразные пути, открывающие нам истинность слов: "Бог, многократно и многообразно говоривший..." (Евр. 1, 1). Но Господь всё больше и больше открывался мне в Своей любви и заботе о моём хлебе насущном.
В этой главе речь пойдёт о финансовых делах. Я уже рассказывала, как Бог через Марьери Харисон обеспечил мне поездку в Чикаго, снятие комнаты и пропитание на целый год. Также я писала, как была во второй раз обеспечена необычным образом, благодаря чему могла купить зимнюю одежду, более подходящую суровому климату центрального запада. Я не хочу повторять те истории, но не могу не рассказать, как Бог позаботился обо мне во время осеннего семестра 1925 года, когда кончились деньги, полученные от Марьери, и когда я должна была рассчитывать только на свой заработок и на Божью помощь. С этим связана история другого чело-века, с которым я познакомилась прошлой весной.
Это было где-то в апреле 1925 года, когда во время вечернего собрания в Библейском институте мне запала в душу одна молитвенная просьба. Студент выпускного курса встал и попросил молиться о девушке, пережившей нечто тяжёлое и
потерявшей веру: "Она едет сюда и хочет навестить меня в институте. Молитесь, чтобы она вновь нашла Господа".
Девушка, пережившая нечто тяжёлое, теперь блуж-дала по сумрачным равнинам! Как это было знакомо мне! Глубокое чувство сострадания переполнило моё сердце. Я

молилась: "Господи, пошли её ко мне! Я знаю, как она страдает!" И Он словно ответил мне, что исполнит мою просьбу. С человеческой точки зрения надежды на встречу не было никакой. В обеденное время я подра-батывала в одном из ресторанов, а студент, просивший молиться о девушке, вращался в другом кругу. Шутя мы называли этих студентов "элитой", так как они финан-сировали своё образование из собственного кармана, не подрабатывая. У них было много свободного времени, а мы должны были работать.
Поэтому "элита" и "рабочие" редко встречались за пределами классной аудитории. Они организовывали
пикники и вечера, ходить на которые у нас не было времени, и, конечно, мы образовали обособленные груп-пы. Я бы могла поговорить с тем студентом, и он бы с радостью отозвался на мою просьбу, но я решила ни с кем об этом не говорить. Если это от Господа, то Он найдёт путь познакомить меня с той девушкой. И я буду
знать, что именно Его воля, а не моё желание помочь толкнуло меня к встрече с незнакомкой. Об этом я молилась. Странно, что ни я, ни Руфь, так её звали, не помним, как произошла встреча. Я смутно припоминаю, что это было в почтовом бюро. Я осмотрела "элитарную" группу, ища среди них незна-комое лицо. Вскоре я нашла ту, которую искала. Она была высокой, стройной с вьющимися каштановыми

волосами; у неё был мягкий говор, свойственный южа-нам. Но почему и она выделила
меня из сотен незнакомых лиц, осталось для меня загадкой. Просто Бог услышал мою
молитву и подарил мне общение с Руфью, а это
главное.
Прошло не так много времени, и она иногда стала за-ходить к нам в комнату поговорить и следовала за мной везде, где только находила меня. Я помню, как мы однажды встретились перед обедом, когда я стремительно шла в направлении ресторана, где во время обеда должна была подавать еду служащим.
- Я бы очень хотела поговорить с тобой, - сказала она.
- Прекрасно, сегодня вечером ты сможешь прийти? Я сейчас спешу на работу и не могу задерживаться. Я и так
опаздываю.
- Нет, - возразила она упрямо. - Я хочу поговорить сейчас. Я пойду с тобой до ресторана. Вы не возражаете,
мадам?
Так мы подшучивали над различием канадского и южного речевых оборотов. Для меня выражение "мадам" означало обращение служанки к своей госпоже. Для неё
это было вежливой формой извинения. Она часто подшучивала над этим, подражая моему "прошу прощения". Своё "мадам" она вставляла при любой возмож-ности с хитринкой в глазах.
Я немного стеснялась того, что Руфь увидит меня в том ресторане. Там я просто была служанкой слуг. Де-вушки, занимавшиеся подсобной работой, должны были ходить в стандартных фартуках, чаще всего плохо сидящих на них. Руфь, единственный ребёнок обес-печенных родителей, вращалась только в культурном обществе. Что она скажет, если увидит меня обслу-живающей в том ресторане? Она сразу же заметила моё колебание, и теперь её ничто не могло удержать от того, чтобы сопровождать меня. Она зашла со мной в ресторан и увидела всё, в том числе
и моё замешательство, что её очень забавляло. Руфь, как многие красавицы, была кап-ризной, но вместе с тем очень славной, разумной и наделённой большим остроумием девушкой.
Самым большим её недостатком было то, что она была необузданной в своих желаниях. Это стало следствием безнаказанности в детстве. Родители слишком баловали Руфь, а это заметно в человеке всю его жизнь. Приведу пример.
Она непременно хотела увидеть то, что кто-то пытался спрятать; почти с плутовской ловкостью ей удавалось этот предмет выхватить, а потом размахивать им
перед глазами. Силой личности, разумом, социальным поло-жением - всем она превосходила меня, кроме одного. Ей было незнакомо общение со Христом, и я страстно желала того, чтобы это познание стало доступно и ей. Но вскоре я

поняла, что её невозможно было перевоспитать. Она была слишком проницательной, чтобы не заметить этого намерения. К тому же, моя сдержанность пре-пятствовала мне проникнуть в её внутренний мир. Я хотела, чтобы она открылась мне, когда сама этого
захочет, и никто не должен был силой проникать в её
душу.
Единственное, что я могла сделать для неё, любить её и молиться о ней.
это
Однажды, в один из тихих вечеров в моей комнате, она начала говорить. Тогда она открыла мне своё сердце и рассказала о своём несчастье. Она была обручена с одним человеком, который любил Иисуса и был предан
Ему.
Как-то раз они поссорились, после чего Руфь легкомысленно объявила их помолвку недействительной. Потом у неё вышла неприятная история с одним рели-гиозным лицемером, и, будучи натурой чувствительной, она заявила своему жениху, что не хочет больше верить в Бога, если так может поступить христианин. Она никогда не думала всерьёз расстаться с Джеком; она его слишком любила, чтобы пойти на это. Но так как тот, другой, разочаровал её, что причинило ей боль, расплачиваться за
это она заставила своего возлюбленного. "Если только Джек захочет помириться со мною, я уступлю и снова стану его дорогой Руфью", - так думала она. Но примирения не произошло. Она не знала, что он был в лихорадке после того, как у них случилась ссора. Когда она узна-ла об этом, он уже был у Господа.
Да, лучше в детстве испытать на себе действие розг. Если уж жизнь начинает хлестать тебя ими, то это бывает невыносимо больно. Можете представить себе муки
Ру-фи. Потерять не только его (день свадьбы был уже назначен), но дать ему умереть, не сказав: "Я не хотела обидеть тебя. Я очень сожалею. Пожалуйста, прости
меня".
Её добрый, но неверующий отец делал для неё всё. Он
передал ей чековую книжку, сказав: "Поезжай в Нью Йорк и развлекись там. Забудь о том, чего уже не поправишь". Она поехала. В каких диких развлечениях
она там участвовала, я не желала слушать. Лишь один вопрос беспокоил меня: не сошла ли она на тропу, ведущую в пропасть? Когда я задала ей этот вопрос, она не
сразу ответила, но потом сказала: "Я знаю, что ты имеешь в виду. Нет. Где-то в глубине души я всегда стремилась к чистоте. Но в остальном я всегда участвовала;
я просто потеряла контроль над собой".
Я вздохнула: "Слава Богу!" На уводящей в пропасть тропе есть нечто, в чём люди пытаются забыться, пока в отвращении не бегут от этого. Христос может помочь выбраться из болота греховности, как об этом свиде-тельствует наша городская миссия. Но рубцы от ран всё же остаются.
Это тайное стремление к чистоте я тоже знала. Кто слышал, видел, знал Христа, сердце того будет при-надлежать Ему. Каждый человек, познавший Господа (пусть даже через свидетельство других), никогда не сможет удовлетвориться меньшим.
- Ну как, помогли тебе чековая книжка и бурные развлечения? - спросила я её. Она
грустно взглянула на меня.
- Ты же знаешь, что не помогли.
Как я потом молилась об этой дорогой для меня молодой жизни. Тогда я помогла ей выбраться из зате-рянных во мгле равнин; но позже она ещё раз была стянута вниз.
Сейчас она принадлежит Христу. В альбоме времени моего обучения в институте им. Муди четыре страницы, состоящие из трёх разделов, исписаны её рукой.
В первом разделе помещено её весёлое, не пре-тендующее на глубину,
стихотворение. В третьем разделе она писала: "Закончу ли я когда-нибудь? Эти три
раздела напоминают о жизни библейской Руфи. То, что я пы-талась выразить на последних двух страницах, - это то, что я тебя люблю, просто люблю. Ты так много

значила
для меня - ты сама, - а теперь значишь ещё больше. Ты не только указала мне путь, но и боролась вместе со мной в те тяжёлые дни принятия решений. Не могу пожелать тебе большего, чем то, чтобы для китайцев ты значила так же много".
Я знаю, что меня Руфь "пропустила через сито". Если она замечала во мне малейшую
тень высокомерия, она отправлялась со мной в ресторан, чтобы наблюдать за мной. Более того, однажды она привела с собой ещё одну девушку из института, чтобы и она увидела меня на моём рабочем месте.
Но она не только испытывала меня. Благодаря её трогательной привязанности ко мне
она распознала мою любовь ко всему красивому. А началось это с одного раза, когда она получила для меня разрешение комен-данта общежития, чтобы пойти со мной в ресторан в город, где было больше времени поговорить.
Мой нескрываемый восторг от занавесей, приглу-шенного света, тихо льющейся классической музыки забавлял Руфь. Позже она обошла весь город в поисках уютных,
со вкусом оформленных чайных и всё чаще приглашала меня куда-нибудь на ужин или на обед. С её обходительностью она смогла добиться у нашей комен-дантши того, на
что другая студентка не посмела бы и намекнуть. Так она "украшала" мои дни. Но меня сму-щала её беззаботная трата денег. Когда Руфи уже не было в Чикаго, однажды вместо письма она мне прислала телеграмму. А когда я в обычном письме высказала ей свой протест против такого необоснованного расхода, то в ответ получила ещё одну телеграмму. Так она смеялась надо мною. Нет, Руфь невозможно было перевоспитать.
Но пришёл день, когда Руфь поняла, что есть ещё и другие "трудновоспитуемые" люди.
Лето 1925 года я проводила у моей тёти Нелли в Канаде. Она была младшей сестрой моей матери.
Вернувшись в институт, я должна была рассчитывать только на свой заработок. Теперь мне надо было три раза в день идти на работу, вместо одного раза в обед, как это было раньше.
Но зато при распределении рабочих мест я получила одно из лучших. Теперь я могла
работать в институте. Это означало, что я каждый день должна была три раза за полчаса до еды приходить на кухню. В мои обязанности входило накрывать на столы и помогать мыть посуду после того, как все студенты поедят. Работа была мне не тяжела, потому что здесь я была среди верующих. Теперь мне не надо было обслуживать далёких от Бога аме-риканцев, выслушивая их окрики. Но к этой работе
предъявлялись более высокие требования. В точно уста-новленное время всегда нужно было быть на месте. Зато моя работа была рядом, и мне не надо было никуда бежать.
Однажды я подготавливала всё к обеду, как вдруг в столовую стремительно влетела Руфь. Она совершенно неожиданно приехала с родителями в Чикаго в гости.
- Хм, и это твоя работа? - кивнула она, - я должна сказать тебе кое-что.
Бросив испуганный взгляд на часы, я сказала:
- Не надо сейчас, милая, подожди до вечера. Ладно? Я лопну от нетерпения, пока я
не узнаю это; но сейчас я должна работать. Мне надо закончить, пока не пришли студенты. Этот семестр я должна сама зарабатывать себе деньги. (Ведь у меня не было больше обедов и ужинов в красивых чайных.)
Руфь стояла, надувшись.
- Я хотела поговорить с тобой о моей душе, - сказала она, наконец, с насмешливой
искоркой в глазах. - Это так важно, а ты стоишь теперь тут, делая из редиса бутон розы, и говоришь: "В другой раз". Откуда ты можешь знать, захочу ли я в другой раз говорить с тобой об этом?
Здесь явно что-то было не так. Что же произошло? Но она уже ушла, потому что появились студенты.

Мне было не по себе. И вот почему: Руфь была не из тех людей, которые в любое время открывают дверь в свой потаённый мир. Я же должна была работать, и в этом Господь ждал от меня постоянства. В глубине сердца я молилась, прося Его о помощи, но работать продолжала.
Руфь тоже не теряла времени даром. Когда в тот вечер она пришла ко мне в комнату, это была прежняя весёлая
Руфь.
- Я рассказала о тебе моему отцу, - сказала она. -
Он сказал, что будет рад обеспечить тебя мате-риально до твоего выпускного экзамена. Ну как, согласна? И если в будущем приедет твоя Руфь и захочет поговорить с тобой, то разговор должен состояться сразу. Разве ты не видишь в этом предложении руку Божью, мадам?
Последнее она, конечно, выговорила с плутовским удовольствием. Но я не могла принять этого. Наступила
напряжённая тишина.
Отец Руфи был благородным человеком, но играл на
скачках и зарабатывал деньги привычным в мире обра-зом.
Гудзон Тейлор считал, что Бог не нуждается в деньгах
неверующих, и что не сможет найти им благословенного применения. Он сможет обеспечить Своих детей Сам без помощи людей, служащих маммоне. "Мы можем позволить себе иметь столько, сколько Господь считает необходимым для нас. Но мы
не можем позволить себе пользоваться неосвящёнными деньгами", - сказал он однажды.
Но поймёт ли когда-нибудь Руфь, что я имею в виду.
Помню её иронический взгляд, когда я сказала, что день-ги её отца неосвящённые. Конечно, она сразу передаст ему сказанное. С трудом подбирая слова, я пыталась ей объяснить это, чтобы не произвести впечатление неблагодарной.
Когда она поняла, что этим затронуто нечто святое для меня, она
спокойно согласилась; ведь Руфь была прирождённой дамой. Я же по-прежнему оставалась официанткой, и при этом посещении Руфи ничего в моей жизни не изменилось. Но я не брала во внимание её ре-шительность.
Примерно через неделю мне пришло от неё письмо. Как бы я хотела держать его сейчас в руках, чтобы процитировать здесь; ничто так не раскрывало её обхо-дительность и обаяние, как её письма. На сей раз она просто рассказывала, что тоже устроилась на работу. Она преподавала девушкам христианского женского союза уроки гигиены; её месячного оклада как раз хватало на то, чтобы оплачивать
мою комнату и моё содержание. "Ну, достаточно ли освящены эти деньги, мадам?" Ни
один цент её отца не должен был запятнать этот дар. "Ты знаешь, овечка, как полезно твоей Руфи иметь настоящее занятие. Ты же знаешь это, не так ли? Ты только подумай, как много ты сделаешь для меня, если примешь мой дар. Этим ты сделаешь меня полезной рабочей пчёлкой, и это воспрепятствует моему дальнейшему паразитическому существованию. Пожалуйста, напиши мне, что ты его примешь!"
Так я была ею "воспитана", я же никогда не сумела перевоспитать её. Таким путём Господь послал мне день-ги на время зимнего семестра (сентябрь-декабрь 1925 года).
На рождественские каникулы я была приглашена семьёй Харисон. Они жили в СанЛуисе,
где глава се-мейства занимал должность пастора пресвитерианской церкви. В
семье было шестеро детей, весёлых и очень подвижных. Кроме меня, приехали ещё двое или трое гостей. Все вместе мы образовали весёлый домашний круг. Члены церкви иногда приглашали нас на обед к себе домой, чем доставляли нам радость. Но самым
лучшим всё же были наши общения в их собственном доме, где дни были заполнены музыкой и весёлыми
играми.
В январе я вернулась в институт в радостном ожидании
вкусить всю прелесть моей свободы. Но там меня ожи-дало письмо от Руфи. Она писала, что больна, и что врач запрещает ей дальнейшее преподавание гигиены.

"Пожа-луйста, позволь моему отцу позаботиться о тебе, пока я
снова окрепну", - просила она.
Но мне больше не было необходимости раздумывать на этот счёт. Это не входило в "план", показанный мне Богом. "Смотри, - сказано, - сделай всё по образу, пока-занному тебе на горе" (Евр. 8, 5). Так гласит один из стихов, ставших моей путеводной звездой. Ему я должна
была следовать.
Письмо Руфи поставило меня перед большой пробле-мой. Какой неожиданный поворот судьбы! С самой высокой вершины вдруг упасть вниз! Как часто это слу-чается в жизни. То владеешь всем и восседаешь на вер-шине счастья, а в следующее мгновение - ты перед порогом страшной нищеты и тяжелейшей работы. Теперь я должна была немедленно искать новую работу, так как потеряла хорошее место официантки. Эту работу я ни-когда больше не получу. Не рассчитывая на такой пово-рот дела, я была неосмотрительной, тратя деньги.
Теперь я озабоченно пересчитывала, сколько у меня осталось наличными. Хватить должно было ещё на месяц. В институте было заведено деньги за еду платить заранее. За вычетом этого, у меня оставалось одиннадцать-двенадцать долларов, которых едва ли хватит на всё необходимое. Теперь надо было пойти в посредническое бюро и узнать, где ещё можно устроиться на работу. Я знала наверняка, что все хорошие места уже заняты. Но не только это беспокоило меня. Мои друзья узнали, что кто-то оплачивает моё обучение. Теперь никто и не подумает
делать мне небольшие подарки. Но Господь не оставил меня. Мне вновь предоставилась возможность убедиться в Его могуществе. Он не требовал от меня ни-чего, кроме готовности пойти на непрестижную работу.
Сидя так и взвешивая своё материальное положение, я внезапно вспомнила, что в суете рождественского пра-здника совсем забыла отложить от моего последнего дохода десятую часть. Что мне делать? Может, не отдавать эту долю некоторое время? Но я не долго размышляла об этом. Что, собственно, стояло в моей жизни на
первом месте?
"Господь, Ты первый", - сказала я сама себе и реши-тельно отложила десятую часть
в сторону. Теперь у меня осталось чуть больше двух долларов на месячные рас-ходы
и на всё непредвиденное.
Посредническое бюро нашло два рабочих места. Я могла пойти помогать в обеденное время в ресторане, где раньше работала, а вечером подавать ужин в институте. Теперь мне пришлось работать засучив рукава. Дол-гий путь до ресторана и обратно, недостаток сна, тяжёлая работа - всё это постепенно отражалось на моём здо-ровье. Я всегда была слабой и поэтому не должна была терять вес, но силы мои
таяли. В феврале мои друзья заметили, какой я стала худой и уставшей. Я боялась,
что силы откажут мне. "Господи, неужели такова Твоя воля, чтобы всё этим закончилось?" - спрашивала я.
Однажды вечером меня вызвали в приёмную, в которой меня ждал посетитель. Там стоял доктор Харисон - высокий, по-отечески улыбающийся. Он приехал в город, чтобы читать в институте специальные лекции, но прежде он хотел мимоходом повидаться со мною. Пожимая мне руку, он внимательно посмотрел на меня:
- Как у тебя дела, Изабель? Ты выглядишь уставшей. Не слишком ли много ты работаешь? - спросил он подоброму.
- Наверное, так, - ответила я. - Когда я вернулась от вас, вышло так, что я должна была сама позаботиться о деньгах за обучение. Женщина, поддерживавшая меня материально, заболела и не могла делать это дальше.
Его дружелюбный взгляд всё ещё изучал моё осу-нувшееся лицо. Потом он сказал:
- Как прекрасно, Изабель, что в Божьем словаре нет слова конец. Он не устаёт. Он
никогда не забывает о наших нуждах, и Его запасам нет конца. Ты помнишь, как на рождественский праздник ты была у нас, и как ты с Марьери была приглашена к мисс
Байл?

- О да, это были чудесные часы! Мисс Байл была членом церкви, руководимой доктором Харисоном. Она была богата и жила в очень дорогом отеле. Это было мес-то, на которое не осмелится взглянуть простой смертный, не говоря уже о том,
чтобы попасть туда. Из любви к Марьери мисс Байл включила и меня в число приглашённых. Она проявила ко мне не больше внимания, чем положено по правилам этикета. Но это меня не беспо-коило, тем непринуждённее я могла осматривать изыс-канную обстановку, восхищаться блюдами и серви-ровкой. Как меня одарил Господь! Ничего не имеющие всё же имеют всё! Тогда я поняла, что апостол Павел хотел сказать этим.
Слова доктора Харисона вернули меня из воспоми-наний к действительности.
- Перед отъездом я видел мисс Байл. Узнав, что я буду в институте читать лекции,
она сказала, что недавно ей пришла мысль пожертвовать в пользу института, и теперь она хочет сделать это. Она решила, что могла бы сделать подарок симпатичной подружке Марьери, с которой та пришла на обед. Потом, Изабель, она передала мне чек, выписанный на двести долларов. Я хотел переслать тебе деньги частями, по десять долларов, но, наверное, отдам их тебе все сразу.
- Двести долларов - так много! Воистину "много-кратно и многообразно"! О, если это действительно так, то я могла бы уйти с одного места и не работать так много, - радостно воскликнула я.
- Я постараюсь, чтобы завтра ты получила эти деньги.
Теперь я могла не ходить на вечернюю работу. Место подсобной рабочей в ресторане, хоть и не совсем при-ятное, лучше оплачивалось, поэтому я осталась там. Так я прожила до конца семестра на мой оклад и денежную помощь других.
Вернувшись в последний раз в институт (с сентября до декабря 1926 года), я ещё раз была вынуждена сама зарабатывать на жизнь. Теперь я вовремя связалась с по-средническим бюро, и они постарались подыскать мне место получше. Заведующая бюро по практической деятельности, миссис Элисон, поручила мне по воск-ресеньям выполнять особое задание, за что я получала деньги. По воскресеньям я должна была выполнять обязанности пианистки в исправительной колонии для детей, что оплачивалось правительством.
У меня перехватило дыхание, когда я услышала об этом распределении. Я тут же пошла искать миссис Элисон.
- Моя игра на фортепиано слишком несовершенна, чтобы занять эту должность, - протестовала я. - Моя мать давала мне уроки музыки дома. Кроме того, эту работу до сих пор выполняли учащиеся музыкальных классов, не правда ли?
- Верно, - ответила миссис Элисон, - но я слышала, как ты играла во время вечерних собраний, и думаю, ты справишься с этой работой. Я попрошу мисс X., чтобы она давала тебе знаки к фортепианному аккомпанементу во время евангелизационных собраний, и возьму для тебя разрешение для пользования одним из инструментов. Почему я выбрала именно тебя? - Понимаешь, там нам предоставляется прекрасная возможность для духовного наставничества. Женщина, делавшая это до сих пор, заболела. Сейчас её замещает подруга; но у неё, к сожа-лению, нет опыта работы с детьми, чтобы приводить их ко Христу. Ты же знаешь эту организацию? Там ты столкнёшься со всеми проблемами подростков, начиная с хок-кея и кончая убийством. Там уже были чудесные случаи обращения, поэтому мы ни в коем случае не хотим отказываться от этой работы. Ты будешь получать деньги за утренние и обеденные собрания; ты получишь разре-шение в промежутках между собраниями посещать боль-ных мальчиков, заботиться об их духовном состоянии. Кроме этого, уже решено, что ты сможешь там завтракать и обедать. Это будет тебе с финансовой стороны большой
помощью, правда?
С чувством неуверенности и страха я приняла это ;
предложение, и потом каждое воскресенье в течение ^ последующих четырёх месяцев стало для меня одним из
самых волнующих событий. | "Сила Моя совершается в немощи", - написано во 2-м Послании Коринфянам 12, 9. Женщина, временно зани-мавшая место руководителя, проводила воскресные утренние собрания, как могла. Она сознавала свою не- ;
пригодность к этой работе, "пианистка" каждый раз б дрожала от страха, что она останется в "фортепианном ;

соло", как это нередко случалось. Мы были на самом деле слабы, поэтому честь и хвала одному Богу за то, что много мальчиков решили последовать за Христом. Я бы
' могла написать целую главу о жизни в исправительной колонии, но должна придерживаться темы.
Эта воскресная игра на пианино приносила мне лишь мизерную долю дохода. Наряду с
этим мне необходима была основная работа. И она была предоставлена мне посредническим бюро. Это снова было место в ресторане с хорошей репутацией, лежащем вблизи Мичиганского
бульвара. Эта работа больше всего подходила к моему расписанию занятий. Я должна
была помогать там в обед и вечером, и мне обещали высокий оклад. Посетители ресторана были состоятельные государственные служа-щие и банковские работники из
богатого городского квартала. Несомненно, наряду с высокой зарплатой я могла рассчитывать и на соответствующие чаевые.
Владелица ресторана, некая миссис Мэк, была вдовой. Там следили за нравственностью, и, таким образом, всё выглядело очень заманчиво. Наконец-то у меня будет достаточно денег. В экзаменационном семестре всегда были дополнительные расходы.
Я очень любила мою работу. Миссис Мэк была при-ветливой, добросердечной южанкой.
Мне нравился сам ресторан с его роскошной обстановкой, изысканными блюдами, с его вежливыми посетителями. Чаевых мне давали всё больше. Я могла поздравить себя. Но тут на ясном небосклоне появилось тёмное облако. Однажды утром, в конце
первого месяца работы, войдя в ресторан, я услышала из глубины крики и ругань. Повариха ругала миссис Мэк, пока та взволнованно разговаривала по телефону.
- Изабель, останься здесь, - приказала мне миссис Мэк с красным, разъярённым лицом. - Эта женщина угрожает мне. Я вызвала полицию и не хочу оставаться с ней наедине, пока не приедет полиция и не вышвырнет её.
- Полиции не нужно приезжать, если вы выплатите мой оклад! - кричала в возбуждении и ярости повариха. -Это очень милое место для вас, мисс Изабель! Она
никому не платит зарплаты. Я работаю здесь уже два месяца, а получила лишь маленькую компенсацию. Она задолжала всем - мяснику, пекарю...
- Замолчи, - выкрикнула миссис Мэк, - ты лжёшь! Озлобленные женщины продолжали ругаться, пока в дверь не вошёл высокий полицейский, и повариха
должна была покинуть дом. Я упала духом. Неужели я не получу моей хорошей зарплаты?
Сегодня был последний день месяца. Что будет даль-ше? Через полчаса на кухне стоял новый повар, и все. работали как будто ничего не произошло. Я же с тяжёлым
сердцем спешила от стола к столу. Могла ли я просить миссис Мэк выплатить мне заработанное? Или мне просто молиться, чтобы Бог побудил её сделать это? К вечеру я решила сама поговорить с ней, если она не заговорит об этом первой, пытаясь уладить дело. Однако и намёка не было на то, что она думала о моей зарплате. Медленно одевая шляпу и пальто, я сказала:
- Миссис Мэк, завтра первое число, и я должна оплатить свои счета за квартиру и питание. Не могли бы вы сегодня дать мне зарплату? - Она заколебалась/потом медленно повернулась к прилавку.
- Сегодня мне нужно оплатить необычно высокий счёт, - ответила она. - Может быть, сегодня вы возьмёте половину, а остальное выплачу позже?
Этого я и боялась. Итак, уволенная повариха была пра-ва. Миссис Мэк, по всей видимости, имела обыкновение не выдавать оклада. Обещала она много, но обещаний не сдерживала. Положение моё оказалось щекотливым. Расскажи я об этом в институте, меня, естественно, сразу переведут оттуда. Но можно ли где-нибудь ещё
найти работу? Здесь, по крайней мере, я получала чаевые. Чаевые за месяц и только что полученная мною сумма вместе примерно составляли обещанный мне оклад.

Это натолкнуло меня на одну мысль.
- Миссис Мэк, - серьёзно сказала я, - я христианка и привыкла просить у Бога то,
в чём нуждаюсь. Работать у вас даром я не могу. Но я готова вести учёт моих чаевых. Я буду предъявлять его вам в конце каждой недели, и вы, если не возражаете, будете доплачивать только не-достающее к окладу. Поэтому попросим Господа, чтобы
Он побудил клиентов платить столько чаевых, сколько нужно.
Она слегка покраснела.
- Но ведь так не годится, Изабель. Чаевые даются в придачу.
- Я буду довольна, если смогу прожить на это, полу-чив положенное мне, - ответила я.
- Это очень мило с вашей стороны, - сказала она грустно.
Потом она рассказала мне о своих проблемах. Не ду-маю, что она намеренно обманывала своих рабочих. Она просто не знала меры в расходах и была неосмо-трительна в своей деятельности. Её не беспокоили долги;
она беззаботно тратила то, что поступало.
Начиная с этого дня, я каждую субботу отчи-тывалась ей о полученных чаевых. Они,
как всегда, были высо-кими, и миссис Мэк доплачивала недостающее, - это всегда была небольшая сумма. Казалось, с маленькой суммой ей легче было расстаться, чем
с большой.
Сейчас я думаю, что тогда я была единственной служащей, которой она регулярно выплачивала деньги.
Я говорила с ней о спасении души и о том, что она должна своё упование возложить
на Господа. Она охотно слушала и иногда соглашалась со мной; но, насколько я могла судить, чуда возрождения с ней не произошло. Предполагаю, что её превратный образ мышления мешал пробуждению совести.
Новая женщина-повар продержалась около шести недель, и прежняя сцена повторилась. Счета мясника и пекаря она иногда оплачивала, но всегда не полную сум-му. Этим она оградила себя от угрозы быть обвинённой предпринимателями, но долго так продолжаться не могло.
Случилось это в декабре, когда однажды утром, войдя в ресторан, я нашла его пустым. На кухне блюда не были выставлены, и к обеду тоже ничего не было приготовлено.
Я позвала миссис Мэк, но ответа не получила. Тут я услышала, как кто-то спускался по лестнице. На верхних этажах этого старого красивого дома снимали квартиры одинокие жильцы. Женщина, которая вышла ко
мне, была одной из них.
- Здесь был сильный шум, - тихо сказала она мне. - Я не всё поняла, но думаю, что старая дама обан-кротилась. Повариха дала волю своей ярости, так как не получала денег, а миссис Мэк сказала, что ей лучше не жить, имея себя в виду. Вам не приходит мысль, что она может повеситься в подвале? Вы лучше спуститесь и
посмотрите. А я спешу в бюро на работу. До свидания.
Так я осталась одна в пустой комнате. В доме царила мёртвая тишина. Мысленно спустившись в подвал, я уже представила себе болтающееся на верёвке мёртвое тело. У меня не хватало сил открыть подвальную дверь и сойти вниз. Я молилась, но силы не приходили. Я презирала себя и ругала. Я обращалась к Господу со словами, что не имею права и думать о поездке в Китай, если у меня не хватает мужества открыть подвальную дверь и посмот-реть, что случилось. Но я была не в состоянии сделать это.
Должно быть, прошло около часа. Вдруг я услышала на веранде шаги. Я выбежала, радуясь возможности уви-деть живого человека. Это была сама миссис Мэк.
- О Изабель, - сказала она, тяжело вздохнув, - я совсем забыла о вас. С рестораном всё кончено. Я обан-кротилась. Скоро явятся кредиторы и заберут у меня дом. Я потеряла всё. Не могла я вынести тишины в доме и
решила погулять.
- Миссис Мэк, я бы хотела, чтобы вы вверили себя
Господу.

Ещё раз я попыталась помочь ей, но она, казалось,
была не в состоянии что-либо воспринимать. Она выслу-шала меня. Но у меня было ощущение, что это она делает только из вежливости, и на сей раз она не проявляла
интереса к духовным вопросам. Она не хотела признать, что и она является грешницей. А ведь это первый шаг к познанию Бога. В таком состоянии я вынуждена была оставить её.
И вновь я оказалась в сложной ситуации. Через несколько недель мне предстоял экзамен, а я осталась без средств. Помню лишь две детали из тех дней.
Моя мать завещала мне свою серебряную посуду и просила отца продать её за пятьдесят долларов. Эти деньги были мне тогда очень кстати. Потом мне нужно было
оплатить один счёт, но на это у меня не хватало пяти дол-ларов. Я попросила об этом Господа, но денег всё не было.
Утром, когда счёт должен был быть оплачен, я получила письмо с приложенными к нему пятью дол-ларами. Письмо пришло от пожилой верующей женщины, к которой недавно заходил мой отец. Когда она узнала о том, что мне самой приходится зарабатывать на обучение, она решила выслать мне те деньги.
Многократно и многообразно. Надо мной всегда была добрая Божья рука. В своё время Он чудным образом поддерживал Гудзона Тейлора. Но, оглядываясь на мои два года и четыре месяца в институте, я вижу, что Он не менее удивительным образом помогал и мне, ничем не примечательной студентке института им. Муди. В своём поиске я познала Его, как неизменно верного, конкретно помогавшего мне в моей финансовой нужде. И это Он жаждет делать для каждого из Своих детей, доверяющих Ему и следующих за Ним.

Экзамен и кандидатура на курс китайской миссии

В декабре того года завершилось моё пребывание в Библейском институте. На прощальном вечере я должна была говорить от имени всего класса. Так было принято, что должны были быть произнесены две прощальные речи: одним студентом и
одной студенткой.
Когда я просила Господа о руководстве и размыш-ляла о нашем классе, идущем по стопам Христа благо-вестником в мир, мне было указано на стих из Иоанна 20,25, на основе которого я составила свою тему "Раны Господа". Вступлением я выбрала слова Фомы: "Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в рёбра
Его, не поверю".
Эти слова я отнесла к неверующим, которые то же са-моё говорят христианской церкви наших дней. Язычники из нашего окружения не проявляют особого уважения и интереса к принятому "удобному" христианству. "Если вам не составляет труда, то приведите доказательства, что ваше христианство что-нибудь да стоит", - говорят они, равнодушно пожимая плечами. Но если они на комнибудь из христиан видят "раны от гвоздей", то это является для них стимулом, т. е. вызывает интерес к учению Христа. С ними происходит то же самое, что с Фомой прежних времён. Если они в этот момент увидят Христа, то упадут и воскликнут, как Фома: "Господь мой и Бог мой".
Эта мысль глубоко взволновала меня саму, и я желала, чтобы она таким же образом тронула сердца других. Но руководство института требовало, чтобы речи были выучены наизусть, так как большое внимание уделялось тому, чтобы полученные в институте знания правильно применялись на практике. Это доставило мне немало волнений. Меня беспокоило не столько заучивание
наизусть, сколько то, что я не могла излить своё сердце, говоря без подготовки. Вообще я очень редко го-ворила перед аудиторией и знала, что буду чувствовать себя скованно, если придётся говорить зазубренное. Однако правила остаются правилами, и я подчинилась им, как делала это во время всей моей учёбы.
К экзамену в Чикаго приехал мой отец. Мисс Байл прислала мне белое шёлковое платье. После того денеж-ного подарка мы с ней не переписывались и, таким образом, ничего не знали друг о друге. Я никого не посвящала в свои финансовые

дела, которые не позво-ляли мне купить предписанное правилами белое экза-менационное платье. Администрация института требовала тогда от студенток, чтобы рукава платьев были ниже локтей, а юбки не должны были быть выше двадцати трёх сантиметров от уровня пола. Платья в 1926 году уже носились короче. Когда мисс Джексон проверяла пода-ренное мне платье, оказалось, что все мерки соответ-ствовали норме, и переделывать ничего не пришлось.
Когда мы поднялись на кафедру, я машинально пере-дала Анне Барр, нашей суперинтендентке, текст моей речи на случай, если потребуется суфлёр. Правда, я не думала, что в этом будет необходимость, так как хорошо помнила текст.
Когда меня вызвали, я вышла вперёд и увидела перед собой большую аудиторию. Тем не менее я оставалась спокойной. Ожидала же я противоположного. Я начала спокойно говорить, но вдруг заметила, что произносила слова, не вкладывая в них души. Я чувствовала, что сказанное не доходило до сердец слушающих. В страхе, что моя речь приобретёт для других не тот смысл, я забыла, с чего начинается следующая часть.
Это длилось лишь долю секунды, и мой суфлёр начала тихо подсказывать текст, так что никто не мог слышать этого. Для меня же это было катастрофой. Закончив речь,
я направилась к своему месту. Я сидела, опустив голову, в ожидании момента, когда после завершения программы смогу уйти в свою комнату. Наконец, добравшись до неё (на последнем семестре каждый получал отдельную комнату), я упала на колени, страдая от пережитого уни-жения и бессилия.
Блёклое декабрьское солнце с трудом пробивалось ко
мне сквозь загрязнённый городской воздух, и вдруг я ощутила, что я не одна в комнате: рядом со мной был Гос-подь. Он словно говорил мне: "Не печалься! Неудачи и удачи проходят, но Моя любовь неизменна". "Возлюб-ленный Господом обитает у Него безопасно, Бог покро-вительствует ему всякий день, и он покоится между
раменами Его" (Второзаконие 33,12).
Казалось, что слова эти были произнесены вслух, и
любовь, которую я почувствовала, подействовала на мою
омрачённую душу, как бальзам.
Я постепенно успокоилась и, прислонясь к Нему, впитывала в себя Его любовь. Это было прекрасное
чувство.
Он Сам помог мне воспрянуть духом, и меня уже не
беспокоило моё унижение. Об одном я глубоко сожалела:
я не оправдала ожиданий своего класса. Но я никогда не смогла забыть то излияние
Его любви на меня, когда я
потерпела такое поражение.
После экзамена моя кандидатура была выдвинута для
участия в курсе китайской миссии в Торонто. Ежегодный курс для кандидатов был завершён ещё в августе. Катрин Кун и её брат Джон в числе многих были приняты в мис-сию и уже находились на пути в Китай.
Я была единственной, записавшейся в середине зимы, и из-за моей предстоящей поездки домой к западному побережью миссия решила, что сразу после экзамена я должна была приехать в Торонто. В Торонто я родилась, и у нас там было много родственников и друзей, у которых
остановился мой отец, чтобы потом вместе ехать дальше на запад.
В Чикаго папа Пейдж подвёз нас к вокзалу. То ли мой растерянный взгляд, то ли усталый вид вдруг вызвал у него нежную жалость ко мне, отразившуюся на его лице.
Он нагнулся вперёд и сказал:
- Не бойся, Изабель. На кандидатском курсе нет ничего, что могло бы испугать тебя. Китайская миссия знает тебя с раннего детства.
Я поблагодарила его за слова поддержки и за полную отцовской любви заботу обо мне во всё время моего пребывания в институте. И поезд умчал нас.
Миссионерским домом в Торонто руководили супру-ги Браунли, однако первые уроки китайского языка хотел дать мне мистер Симен, находившийся с семьёй в отпуске на
родине. Кандидаты должны были научиться различать сложные знаки алфавита.

Параллельно я должна была помо-гать и уделять внимание вдове, муж которой много жертвовал для миссии. Скорбь по мужу омрачила её дух, и её родственники надеялись, что пребывание в спо-койной молитвенной атмосфере Дома китайской миссии сможет помочь ей преодолеть тоску.
Дана, сын супругов Браунли, тоже жил в Доме. Кроме нас двоих жила здесь ещё Ида Мэкиннес. С нею я позна-комилась в Библейском институте - это она организовала празднование дня рождения папы Пейджа и познакомила меня с Джоном Кун. Уже тогда
я полюбила её. Она рань-ше меня сдала экзамен и записалась на курс китайской миссии, но результаты медицинского обследования пре-пятствовали её выезду в тропики.
После того, как Китай стал для неё недосягаемым, она стала работать в бюро миссии для прокажённых. Ей разрешено было оставаться в Доме, пока она не найдёт подходящего отеля. Ида сыграла большую роль в моей жизни в этот период. Она с радостью служила Господу, и
по многим духовным вопросам наши мнения совпадали. Оказавшись на новом месте, первое время я чувствовала себя скованно и всё время боялась сделать что-нибудь не так. И это случилось уже в первый день моего пребыва-ния в Доме.
Знаю, что в совершенной мною ошибке была виновата только я. Я не знала распорядка дня. Возможно, меня ознакомили с ним, когда я, по обыкновению, преда-валась мечтаниям и ничего не слышала. Предполагая это, я не осмелилась спросить кого-нибудь о нём ещё раз, а решила просто внимательно прислушиваться к
звону колокольчика, созывающего обитателей Дома к еде и к
молитве.
В первое утро всё шло хорошо, но в ранние после-обеденные часы меня привёл в замешательство новый звонок. С какой целью собирали людей на этот раз? Я поспешила в комнату Иды, но не нашла её. Одна девушка в это время убирала коридор. - Не могли бы вы сказать, по какому поводу только что звонили?
Она удивлённо взглянула на меня.
- Это был знак к молитвенному часу, - ответила она. Молитвенный час? И единственный кандидат отсут-ствует! Какой позор!
- Я здесь новенькая. Не могли бы вы мне сказать, в какой комнате он проводится? - спросила я взволно-ванно. Пальцем она указала мне на бюро, и я поспешила туда.
Дверь была закрыта, но доносящиеся оттуда тихие голоса подтвердили сказанное девушкой. Я тихо постучала и открыла дверь. В волнении я не заметила, что присутствовали только учителя.
- Извините меня за опоздание, - пробормотала я и опустилась на свой стул. Меня приняли вежливо, но, как мне показалось, немного холодно. Молитвенный час, предназначенный для учительского состава, проводился в общепринятых рамках. После ко мне подошла миссис
Браунли и дружелюбно сказала, что ранний после-обеденный молитвенный час касается только учителей, и моё присутствие необязательно.
Как смеялась Ида, когда я рассказала ей об этом!
- Они, вероятно, хотели совещаться по поводу тебя, -подшучивала она.
С того дня каждый раз шутливо добавляли, где жела-тельно моё присутствие, а где нет. Мы прекрасно про-водили время в комнате Иды. Спустя три или четыре недели меня пригласили на миссионерский совет. Этого момента боятся все. Я волновалась,
что не смогу ответить ни на один вопрос. Совет длился почти всё послеобеденное время. После ужина мистер Браунли вызвал меня в гостиную, где хотел сообщить мне
решение совета. Он сказал примерно следующее:
- Миссионерский совет доволен вашим ответом, и все мы рады за вас. Но совет просил меня поговорить с вами по одному важному делу.
В отзывах о вас был один, не рекомендующий вас. Объяснял он это тем, что вы высокомерны, непослушны и склонны провоцировать ссоры. Эта персона давно знает вас, и миссионерский совет не может просто так пре-небречь этой критикой.
- Кто это был? - спросила я в порыве негодования. Я просто не находила слов от возмущения.
- Китайская миссия не злоупотребляет доверием лю-дей, дающих информацию. Мы

написали людям, с кото-рыми вам пришлось работать, а также вашим друзьям, и мы обещали держать в тайне их сообщения. Я вам не могу назвать его, но хотел бы поговорить о том, какое разру-шительное действие оказывают такие черты характера
на миссионерском поприще.
Потом он рассказал мне кое-что из своего опыта. После часа серьёзных наставлений
он объявил мне решение.
- Вы условно приняты. В настоящее время мы пере-живаем в Китае волнения, направленные против ино-странцев. Положение серьёзное. Мы не решаемся поэ-тому посылать туда новых миссионерских работников. Это будет объяснением нашей позиции по отношению к вам. А вам скажу (надеюсь, вы не передадите это даль-ше),
что миссионерский совет Ванкувера будет наблю-дать за вами, проявятся ли в вас подобные черты. Если выяснится, что эти отрицательные свойства преодолены, вас позже пригласят на западный совет. И тогда, я надеюсь, вы будете окончательно приняты им. Тогда вас пошлют с первой группой, отправляющейся в Китай. Так как мы надеемся на вашу победу в решении этой проблемы, было решено, что миссия берёт на себя расходы за ваш проезд до Ванкувера, как будто бы вы находились на
пути в Китай. Могу заверить вас, что мне
было нелегко говорить с вами об этом.
Он на самом деле выглядел огорчённым и усталым. Мне было жаль его, несмотря на боль, терзающую моё
сердце.
- Спокойной ночи, мистер Браунли.
Я сразу же направилась в свою комнату - разумеется, не для того, чтобы спать. "Кто этот неизвестный, давший такой отзыв? Высокомерная, непослушная, зачинщица раздоров", - недоумевала я.
Это уже в третий раз меня характеризовали как высо-комерную. Сначала это был папа Пейдж. Однажды он, к моему большому удивлению, с серьёзной озабочен-ностью наставлял меня по этому поводу. И всё же я не причисляла гордость к своим человеческим слабостям. Я бы приняла замечания папы Пейджа, если бы он не привёл
мне в пример одну сокурсницу. Та студентка поль-зовалась среди преподавателей большим уважением, но я жила рядом с ней и знала, сколько институтских правил она нарушала. Я уверена: если бы доктор Пейдж знал то,
что я знала о ней, то он никогда не привёл бы мне её в пример.
Я предположила, что он нас обеих не знает, и от-клонила обвинение. Позже, в Китае, я сделала открытие, касающееся моей души, открытие, причинившее мне боль.
Сейчас я знаю, что папа Пейдж был прав, просто выбрал не тот пример, и это всё. Я была эгоистичной. Следуя своему капризу, я раз-делила людей на две категории: группу людей, инте-ресующих меня, и группу, к которым я равнодушна. Я думала, что во мне нет высокомерия, так как инте-ресующие меня люди были среди бедных и необра-зованных. Но всё равно моё отношение к ним не было более тёплым, чем к остальным.
На людей, не интересовавших меня, я, должно быть, производила впечатление высокомерной. Я относилась к ним с прохладцей и сторонилась их. Для будущего миссионера это было большой ошибкой, но, думаю, что у меня это было скорее проявление эгоизма, чем высокомерия.
Следующим пунктом было непослушание. Это обви-нение привело меня в сильное негодование. Библейский институт иногда устанавливал правила, следовать кото-рым
было трудно. С тех пор многое пересмотрели и изме-нили. Но я старалась выполнять
каждое постановление, ведь при поступлении в институт я расписалась в этом. Это было дело чести.
В пример приведу незначительный на первый взгляд пункт распорядка: стирку. В наших комнатах стояли тазы, но стирать в них не разрешалось ничего, за исключением пары колготок. В Рансом-Холле не было прачечной. И много времени уходило на хождение туда-сюда в сосед-ний дом, где мы могли стирать. На это

требовалось разре-шение коменданта, а её всегда трудно было найти.
Эта трудность доставляла мне больше всего хлопот. Девушка, приведённая мне в пример, стирала бельё, включая пижамы, в своей комнате, и это в те часы, когда знала, что смотрительница занята чем-то другим. Сушила она вещи на радиаторе. "Это правило невыполнимо", -гласил её ответ, когда я упрекала её в этом. Но я обещала быть послушной, поэтому, несмотря на усталость, каждую неделю отправлялась со своим бельём в прачечную. А теперь меня обвиняли в неповиновении
перед китайской миссией.
Невзирая на предупреждение не распространяться по поводу решения миссии принять меня условно кан-дидатом, я написала об этом некоторым друзьям. Их ответные письма были полны сочувствия ко мне и возмущения решением миссии, что очень утешало меня.
Однако один повёл себя иначе: это был студент му-зыкального отделения Рой Бэнкрофт. В институте он выделялся своим красивым баритоном и примерным образом жизни. Ему в любом случае я хотела написать после собеседования с мистером Браунли и, конечно,
поведала о своём переживании.
Он сразу ответил. Открывая письмо, я не могла подавить улыбку глубокого удовлетворения, так как предполагала, что Рой тоже будет возмущён. Но мне пришлось разочароваться. "Изабель, - писал он, - что меня больше всего удивило, так это твоё отношение к происшедшему. Ты болезненно реагируешь, огорчаешь-ся. Если бы мне кто-то сказал: "Рой, ты горд, непослушен и подстрекатель", я бы ответил: "Аминь, брат, ты мне и половины не высказал". Что в нас вообще хорошего? В этих вещах мы только тогда одержим победу, когда мы пороки один за другим приносим ко кресту и просим
Господа распять их за нас".
Эти слова, как удары меча, вонзились в моё сердце. Вот верный друг, не боящийся говорить правду в глаза,
но умеющий сказать это по-доброму. Они подействовали так, что я тут же опустилась на колени и попросила у Господа прощения.
Поднялась я в другом настроении. Вместо того, чтобы продолжать злиться, я начала
проверять себя, пускают ли во мне корни эти три "дьявольские" черты (гордость, непослушание, бунтарство). Я не должна брать их под защиту, если они живут во мне. Это вернуло мне покой, хотя в то же время я с содроганием думала о том, что
была уличена в этих пороках.
Позже я случайно узнала имя давшей мне такую характеристику. Теперь я могла объяснить её враждеб-ность ко мне. Достаточно сказать, что речь идёт об учительнице одной из школ, в которой я училась. Тогда она требовала от меня, чтобы я шпионила за моими школьными друзьями. Я понимала, как это было бы недостойно с моей стороны, и своим непослушанием вызвала её неудовольствие. Узнав имя, я почувствовала искушение оправдаться перед мистером Браунли и запад-ным советом. Но нужно ли делать это? Внутренний голос будто бы говорил мне: "Аминь, брат! Сказанное тобой лишь доля моих недостатков".
Дорогой мой старый друг Рой, ты был прав! Зачем пытаться произвести на миссию впечатление безу-пречной? Скоро они смогут лично убедиться в моей слабости. "Нет, Господи, - сказала я про себя, - этим я не хочу докучать миссии. Но как великодушно с Твоей стороны дать мне знать об этом - это сравнимо с чудом! Так мог действовать только Ты!"
Чудны пути Господни, Слушай, внимай и верь!
Неужели должно быть, чтобы мой последний этап в институте им. Муди омрачило такое облако? Неужели я должна была начать новый период жизни в китайской миссии
с таким клеймом?
Однако Господь знал, что в Ванкувере меня ждала но-вая работа, прежде чем поехать в Китай. Если бы я только только с честью закончила институт и не прошла
бы через это испытание, моя работа с самого начала была бы обречена на провал. Сначала должен был быть осно-вательно разбит мой эгоизм, прежде чем Господь смог

бы поручить мне Своё великое дело. Мой Господь делает всё основательно, как никто другой. И, допустив это в моей жизни, Господь ещё раз доказал Свою любовь ко мне. Заканчивая эту тему, хочу заглянуть вперёд. Когда мне ;
был открыт путь в Китай, мистер Томсон писал мне в одном письме: "Ни в одном из моих писем я не упоминал о тех условиях, поставленных вам в Торонто. С самого начала профессор Эллис и я чувствовали, что где-то произошла ошибка. Хочу, чтобы
вы знали, что я говорил по телефону с тем человеком, который дал вам отри-цательную характеристику. И сейчас твёрдо решено - и вы должны знать это, что вы без всяких условий и единогласно приняты китайской миссией. Наши молитвы и благословение да сопутствуют вам".
Опустив голову после прочтения этого письма, я пла-кала слезами глубокой благодарности. Да, мой Учитель ничего не делает зря. Он наносит рану, но Он же и
перевя-зывает её. Его бальзам заживляет рану, не причиняя боли. Если Он и допускает огорчения в нашей жизни, то это
для нашей же пользы.

Ванкуверский "Угловой клуб" девушек

Вместе с отцом я уехала из Торонто в Ванкувер. На вокзале нас встречал мой брат.
Нам было тяжело быть всем вместе без нашей мамы.
Отец с Марреем снимали домик из четырёх комнат. Одну комнату занимал отец, мне выделили другую, а Маррей располагался на ночлег в гостиной. Четвёртая комната служила кухней. Между двумя спальнями нахо-дилась ванная, а свои чемоданы я оставила в подвале. В гостиной стоял мамин рояль и знакомые с детства удоб-ные стулья. Здесь я нашла и книжные полки. Ещё здесь был большой камин; всё было так, как у нас в прежнем доме. Я очень скоро полюбила этот маленький домик на холме. При выходе из дома прямо с порога был виден порт и залив Пьюджет-Саунд. А
далеко-далеко за ним был Китай.
Итак, я снова должна была подыскать себе работу. Мне надо было самой зарабатывать себе на жизнь, пока для меня не откроются двери в Китай. Пойти работать учителем? Тогда бы мне пришлось подписать договор, и я не смогла бы уйти с работы, пока не истечёт срок дого-вора. Внутренне я не была свободна сделать такой шаг. Несколько лет назад Бог снял меня с учительства. Мне казалось, моё возвращение на учительскую должность было бы похоже на возвращение
Авраама в Ур в Халдее.
В молитве я приносила Господу все свои сомнения; и тут я получила приглашение от
ванкуверского "Углового клуба" на евангелизационное собрание, которое должно было состояться в ближайший вторник. Я ответила, что для меня будет большой радостью послужить им словом. Положив трубку, я спросила отца, что из себя пред-ставляет ванкуверский "Угловой клуб". "Верующие ра-ботающие девушки объединились, чтобы другим коллегам
по профессии указать путь к Господу, - был его ответ. - Клуб основан миссис Нефф, сотрудницей орга-низации Френч Е. Оливер, проводившей здесь евангелизацию,
когда тебе было примерно десять лет. Ты
этого не помнишь.
После завершения евангелизации её руководители
организовали ужин со всеми новообращёнными, и во время этого некоторые из работающих девушек собра-лись в углу зала, чтобы посоветоваться о том, как им в будущем быть вместе и оставаться верными Господу. Они решили организовать клуб, еженедельно проводить собрания и приглашать на них своих необращённых дру-зей. А
так как это решение было принято ими в углу зала, то и свою организацию они назвали "Угловым клубом". Так получила своё название и началась эта

замечательная работа. Я рад, что ты будешь у них говорить.
Вечером во вторник отец привёз меня в город к зданию клуба. В нём был большой зал, из окон которого | были видны самые оживлённые улицы города, бюро руководителя клубом и большая столовая, где мы все | вместе ужинали. По вторникам к ужину подавались | особенно вкусные блюда. Одна порция стоила всего 1,пятнадцать центов. К десерту всегда были пирожные. Их | пекли женщины из разных церквей и жертвовали клубу. |
Поэтому цены оставались низкими. |
После ужина убирали со столов, сдвигали их и | расставляли стулья для собрания. В конце длинного помещения находились кафедра и пианино. Начался радостный евангелизационный час. Верующие девушки взяли на себя всю его организацию. Для меня это был прекрасный вечер.
Не прошло и недели, как мне снова позвонили. Это была президент клуба. Она предложила мне стать их руководителем. Я и не заметила, что эта должность не была занята, видимо, это уже долгое время было так.
- Мы не решались просить вас занять эту должность, -сказала президент клуба, - потому что мы не можем платить вам надлежащую ставку или, по крайней мере, столько, сколько платили, за это раньше. После того, как клуб остался без руководителя, нам приходилось всё труднее и труднее. Для начала мы сможем вам выплачивать лишь восемь долларов от месячного оклада. Если работа вновь войдёт в прежнее русло, мы надеемся повысить его. Работа будет не очень сложной. В бюро вам нужно быть только в десять часов утра.
Когда я поинтересовалась обязанностями руково-дителя, она ответила:
- Он должен руководить деятельностью клуба и на-правлять её. Ежедневно к обеденному времени подаются кофе и молоко. Девушки приносят с собой только еду и благодарны за тёплые напитки. От вас ожидается, что вы постараетесь познакомиться с каждым в отдельности и привести к Господу. По вечерам во вторник вы должны выступать с евангелизационной речью. "Угловой клуб" был вынужден приглашать выступающих из других городских церквей с тех пор, как остался без руко-водителя. И мы бы очень хотели отблагодарить эти церкви тем, что вы говорили бы перед их молодёжью. Так наш клуб стал бы известен в широких кругах. И, может быть, вам самой удастся найти новые возможности вступить в контакт с девушками. Вы знаете, что нашим девизом является слово "другая девушка".
Я попросила дать мне время на размышление, чтобы об этом помолиться, и мы договорились о сроке моего ответа.
Другой возможности работать мне не предоставля-лось, и, ожидая в молитвенном общении ответ Господа, я поняла, что Он ждёт моего согласия принять эту долж-ность. Так я стала руководителем "Углового клуба", проработав там 1927 год и несколько месяцев следующего года. Но я поставила условие, что должна быть освобождена, как только будет открыт путь в Китай.
С этим согласились.
Наступил захватывающий период моей жизни. Клубом руководили комитет девушек, женский комитет, супер-интендентка и делопроизводитель, женщина средних лет, которую все называли матушкой Фич. Миссис Фич относилась к верующим, щедрым на добрые дела. Ей не выпало на долю посещать высшие школы. Но она была научена Духом Божьим и решила всю свою жизнь полностью посвятить потерянным грешникам и прос-лавлению Господа. Так оно и случилось.
В Ванкувере не было особых евангелизационных уст-ремлений, но если что-то и делалось в этом направлении, то только усилиями миссис Фич. Своими молитвами и практической помощью она поддерживала городские миссии. Она знала, что не была предназначена Богом для служения словом, поэтому использовала всякую предоставляющуюся ей возможность служения делом, как, например, приготовление блюд и сервировка стола или даже уборка. Она умела превращать эту работу в благословение для ближнего. По воскресеньям она ходила в тюрьмы проповедовать

заключённым, а в течение недели работала на кухне "Углового клуба".
В ней я нашла родственную душу, несмотря на то, что она более чем на двадцать лет была старше меня. Мы с | ней были немного комичной парой, но главное - мы | всегда были едины. Комитет девушек избирался членами | клуба. Тогда мне было двадцать пять лет, и большинство членов комитета были старше меня. Но вместе проведённое время относится к моим самым счастливым) воспоминаниям. Я была уверена, что девушки "Углового клуба" принадлежали к самым милым молодым женщинам, созданным когда-либо Богом. Они были готовы на любое дело, если речь шла о спасении других
душ. В то же время это была очень весёлая группа, и часто в интервалах между молитвенными и дискус-сионными собраниями смех эхом раздавался в поме-щениях клуба.
В женский комитет, состоящий из женщин различных церквей и общин, меня пригласили не сразу. В первую же неделю матушка Фич отвела меня в сторону и серьёзно предупредила.
- Изабель, - сказала она, - я бы предложила вам распустить женский комитет. Женщины не так духовно настроены, как девушки, и я думаю, что они будут вам только мешать.
Бог послал вас сюда, чтобы в "огненном" походе под вашим руководством привести людей ко Христу. Я сто-процентно на вашей стороне. Вы возьмите на себя про-поведование, а я буду молиться. Я знаю своё место. Женский комитет будет ограничивать вашу деятельность и не разрешит вам по вторникам призывать девушек к покаянию.
Правда, клуб финансируется теми церквами. Этого, конечно, мы лишимся, если комитет будет распущен. Но я готова, как Гудзон Тейлор, жить в вере, и думаю, вы
тоже. Полагаю, что вы это легко сможете объяснить де-вушкам; они ни в чём не хотят препятствовать вам, чтобы вы могли действовать, как Бог вас ведёт.
Это и было тем большим делом, о котором я упоми-нала раньше. Тогда я была молодой и неопытной, поэтому слова "огненный" поход отозвались в моём сердце радостным эхом. Отказаться от оклада и, как Гудзон Тейлор, в вере всего ожидать от Бога - это было то, чего жаждало моё сердце в тот период жизни. Поэтому предложение, сделанное мне матушкой Фич, показалось мне поступком, больше которого не могло быть в моей должности руководителя. Но тем не менее я была осторожной, сказав, что такому радикальному действию
должно предшествовать много молитв.
В тот же день я встретилась с председателем женского комитета, добросердечной шотландкой, которая крепко пожала мне руку и поздравила с должностью руководи-теля "Углового клуба". Потом она добавила:
- Вы кандидат китайской миссии? Я хорошо знакома с '| Томсоном, и он просил меня
дать ему знать, как вы здесь |
прижились. ^ При этом она мне дружелюбно улыбалась, ведь она не |
знала, что её слова действовали на меня, как удары ^ плетью. Я ни на мгновение не сомневалась, что мистер I Томсон не выдал ей нашей тайны. Мистера Томсона я |
знала как человека чести и богобоязненного шотландца с ! золотым сердцем. Я была
убеждена, что председатель не I полностью отдавала отчёт своим словам, но я сразу поня-ла, что не должна начинать свою работу в должности руководителя с её увольнения. Необходимо было найти
другой путь.
Этот удар плетью Бог применил для того, чтобы увести
меня на другой, лучший путь. Я сказала миссис Фич, что мы должны быть осторожны в действиях и полагаться на результат молитв. Она вздохнула, но не отказала мо-литься об этом. Я думала, 'что наступит день, когда председатель будет со мной молиться в моём кабинете и со слезами благодарности славить Бога за то, что
Он доверил нам обеим эту работу в "Угловом клубе". А я буду благодарить Его за то, что уберёг меня от пос-пешного поступка, который мог бы ранить этого милого человека и задержать осуществление Его плана.

Так мысленно забегала я вперёд. Постепенно познакомившись со всеми членами женского комитета, я увидела, что некоторые отличались от нас темпераментом и воззрениями, но и они поддавались наставлению и проявляли готовность к совместной работе. Действительно,
они попросили меня не делать непосредственного призыва к покаянию. Они думали, что на собраниях для девушек более приемлемым был такой подход и чувство
такта, чем привычный "метод" покаяния, хотя для них тоже было важным покаяние драгоценных человеческих ДУШ.
Бог сопровождал собрания Своим спокойным благословением. Не все открыто обращались ко Христу, что меня немного тревожило, но по вечерам каждый вторник наша столовая становилась всё более полной. Никто не знал, как тяжело мне приходилось в те вечера. Каждый раз меня мучил страх перед выступлением. Я боялась повторения моей прощальной речи в Библейском институте, когда я неожиданно запнулась и забыла всё остальное.
Иногда по вечерам во вторник, в то время как де-вушки радостно раздавали песенники, я спешила вниз по коридору к ванной комнате, единственному месту, где
меня никто не мог видеть, и, прислонившись к стене, просила Господа дать мне силу взойти на кафедру. И Он никогда меня не разочаровывал. Волнение перед выс-туплением больше не возвращалось в прежней силе. Постепенно я научилась рассчитывать на Его помощь, и, благодаря этому, мне было легче говорить.
К нам поступало всё больше приглашений в церкви. Среди девушек нашлось несколько
с красивыми голосами, и я образовала квартет, как была научена в институте. У одной из молодых членов женского коми-тета был звонкий и чистый, как колокольчик, альт. Теперь в квартет входили члены обоих комитетов, и он был действительно удачным.
Меня с квартетом "Углового клуба" вскоре стали приглашать в разные общины, и возможностей свиде-тельствовать о Господе становилось всё больше. Часто мы приносили с собой в клуб свой ужин и ели вместе,
прежде чем отправляться в очередную церковь. Во время этих совместных ужинов в пустой столовой эхом отда-вался наш смех - все мы обладали чувством юмора, ко-торое обострялось ощущением свободы после напря-женной умственной работы. Но прежде чем покинуть дом, мы в молитве вверяли Господу наше вечернее служение. Я узнала, какая сила может заключаться в союзе моло-дых верующих девушек. Наш клуб
приобретал всё большую известность и стал примером для многих других молодёжных кругов города.
На наш клуб обратили внимание и деловые круги. Один юрист спросил свою стенографистку, как измени-лась её жизнь в результате переоценки её ценностей, и
ответ её произвёл на него большое впечатление.
Чем дальше, тем больше я видела возможностей для приложения сил, чтобы указать каждой душе на ценности, составляющие смысл человеческой жизни.
В других городах тоже были образованы подобные клубы, однако существовала опасность их деградации до уровня обыкновенных социальных учреждений.
Довольно скоро я пришла к выводу, что жизни моло-дого человека нужна разрядка. Поэтому мы организо-вывали пикники, отдых на берегу моря, по воскресеньям - прогулки в послеобеденное время, а зимой - вечера игр. На эти мероприятия приглашались только девушки.
Вечера игр были самыми радостными празд-никами, пережитыми мною. Это были незамысловатые игры, обнаруживавшие иногда скрытые таланты. Вечера игр открывала
я, выступая в костюме старой школьной нас-тавницы. Большинство девушек ещё не видели меня в неофициальной обстановке. Один из тех вечеров растопил лёд между мною и одной девушкой, к которой я уже неделями искала подход. Некоторое время спустя она покаялась в моём кабинете. При всём этом наши меро-приятия оставались
пронизанными любовью к Господу и
желанием, чтобы Его нашли и другие. Думаю, что в этом и была тайна успеха нашей работы, приносившей плоды. Обычное светское общество не может по-настоящему

помочь человеку - в таком обществе не могут быть реше-ны жизненные проблемы.
Общение с девушками, приходившими в клуб только на обед, было самой тяжёлой из моих обязанностей. Я всегда была робкой в кругу незнакомых людей. Кроме того, в юности я сама противилась персональному духов-ному наставничеству какого бы то ни было вида. Поэ-тому я сейчас остерегалась грубого вторжения в сердца других.
При возможности более тесного общения с другими мне не всегда удавался контакт.
При подобных случаях опытная евангелистка без сомнения собрала бы богатый урожай. Но девушки дарили мне свою дружбу и доверие. Грехи и искушения, в которых находились многие, и о которых я постепенно узнавала, были ужасными и при-водили нас к самым неожиданным моментам. Хочу упо-мянуть только два из них.
Эдит была умной молодой девушкой, приехавшей из Англии в Канаду, чтобы найти работу. Жила она у своей тёти. Недавно она познакомилась с молодым человеком и полюбила его. Мы радовались вместе с ней в день её помолвки, когда она показала нам в столовой своё кольцо с жемчугом, и до момента, когда она могла распрощаться со своей работой в бюро. Всех нас она пригласила на свадьбу.
Уже было готово свадебное платье, и разосланы приг-лашения. Однажды вечером, незадолго до свадьбы, её позвали к телефону. Эдит услышала незнакомый женский голос.
- Это правда, что через два дня вы выходите замуж за господина Х.?
- Да, - удивлённо ответила Эдит.
- Простите, но я должна вам сказать, что он уже женат. Я его жена, и у меня с собой свидетельство о браке.
Можно представить себе испуг Эдит. Позор. Сердеч-ную рану. Она отдала ему всю свою любовь. Но самого ужасного никто не может себе представить. Её тётя, вынужденная отменить приглашения на свадьбу, в неу-держимом гневе и уязвлённой гордости выдворила несчастную девушку из дома. Она заявила, что не потерпит такого позора.
Так Эдит, больная от переживаний и нанесённой сер-дечной раны, оказалась на улице, без пристанища. Куда ей было идти? В свою церковь? Церковь эта соот-ветствовала типу её тётки и наверняка была той же точки зрения. Эдит, надломленную и обманутую, приняла в свои объятия матушка Фич. "Угловой клуб" взял её под свою защиту, с любовью заботился о ней, нашёл ей новый дом и привёл к Господу. Она оказалась чрезвычайно одарённой девушкой. Накопив денег за период немного более года, она вернулась в Англию, где её с нетерпением ждала мать. Душа и плоть были спасены.
Но самая волнующая история произошла у нас с Фей. Однажды днём пополудни постучали в дверь моего каби-нета. Открыв, я оказалась перед женщиной, одетой по последней моде.
- Мисс Миллер, можно мне поговорить с вами? Я несколько раз была у вас в клубе и восхищена делом, начатым вами здесь. У меня в интернате есть девушка, нуждающаяся в вашей помощи. Можно мне рассказать вам о ней?
Я провела её в зал, где мы сели в угол, и она начала рассказывать.
- Эта милая девушка приехала из прерии. Её мать, нас-колько мне известно, вдова.
Она послала Фей в Ванкувер учиться на медсестру. Из-за её привлекательности ей пос-тоянно назначали свидания молодые врачи. Предполагаю, что по этой причине она запустила учёбу. Во всяком случае, экзамен она не сдала, ушла из больницы и сейчас без средств к существованию. Я беспокоюсь о ней.
Соблазны большого города очень легко могут стянуть её в пропасть. Как вы думаете, "Угловой клуб" смог бы помочь ей? Я рассказала ей о вас, какая вы милая, если бы не ваши хм... длинные платья и... хм... ваши длинные волосы, - что она довольно заметно измерила своим взглядом.
Её "хм" развеселили меня, но я проигнорировала эти незначительные расхождения во мнении и ответила:
- Мы сделаем для девушки всё, что сможем. Но мы не посредничаем в поисках работы.

- А вам не нужен кто-нибудь, чтобы мыл и вытирал посуду? - перебила она меня. - Я думала, если её устроить здесь, то у вас будет возможность при случае говорить
с ней, а может быть, и наставить на правильный путь.
- Я поговорю с нашим делопроизводителем, - отве-тила я. - Оставьте ваш номер телефона, и я вам позже поз-воню. Конечно, у нас есть посуда для мытья, но всегда объявляются добровольные помощники. Наш бюджет не позволяет принимать на работу ещё кого-нибудь.
Матушка Фич, конечно, радовалась, думая о юной жизни, которая таким путём сможет
попасть под благотворное влияние Христа. Мы решили принять её в ближайшие дни, а
тем временем хотели подыскать ей место. Так к нам попала Фей.
Она оказалась весёлой маленькой болтушкой. Боль-шую часть времени она находилась
на кухне, но настал час, когда мы с ней были одни в кабинете, и я рассказала ей о праве Христа на её жизнь и сердце. Она прислу-шивалась к моим словам с мокрым от слёз лицом и во всём соглашалась. Когда она ушла, заглянула миссис Фич осведомиться о ходе нашей беседы.
- Я не удовлетворена. Конечно, она была тронута и проявляла готовность молиться со мной. Она, казалось, плакала, но я не верю в её возрождение. Что-то в ней ос-талось незатронутым - если вы знаете, что я имею в виду.
Хоть мы и не были "скорой помощью" и не посред-ничали в поисках работы, мы попросили девушек поин-тересоваться, не предоставится ли где возможность полу-чить работу.
Они откликнулись на эту просьбу, и Фей не долго про-была у нас. Однажды в мой кабинет зашла Эллен, помо-гающая во время обеда.
- Как вы думаете, Изабель, пойдёт Фей на низко-оплачиваемую работу, пока не найдётся лучшей? Мою мать парализовало, она даже не может повернуться в постели.
Я простая служащая бюро и не в состоянии оплачивать профессиональную санитарку. А у Фей есть небольшой опыт по уходу за больными. Я нашла бы ей комнату, обеспечила бы едой и ещё платила бы немного денег, если бы она ходила ухаживать за моей матерью.
Мы пригласили Фей в бюро, и она приняла пред-ложение. По вечерам она могла быть свободна, так как к этому времени её заменяла Эллен. Мы пригласили её на наши ужины по вторникам и на собрания. Сразу после этого мы попрощались с ней.
Мы не могли наблюдать за Фей так, как бы нам хоте-лось, потому что наша жизнь была полна забот.
Наступило лето, и я должна была взять две недели от-пуска, которые я, конечно, хотела посвятить конференции в Сосновом Бору. За несколько дней до моего отъезда
позвонила Эллен.
- Изабель, вы что-нибудь знаете о Фей?
- Нет, - сказала я озабоченно. - Пожалуйста, рас-скажи, что знаешь о ней.
- Она в больнице. Она начала как-то странно разго-варивать и вести себя, а однажды вечером она была в
каком то бессознательном состоянии, и я вынуждена была вызвать врача. Он направил её в больницу, в которой она раньше работала; теперь он говорит, что она душевнобольная. Но я не думаю. Скорее всего она разыгрывает спектакль, чтобы
выбраться отсюда. Я думаю, что для неё здесь слишком тихо. Она привыкла к свободе. Я бы хотела, чтобы вы её навестили. Её врач скорее поверит вам, чем мне. Вот его фамилия и номер телефона.
Эта новость испугала меня, но я всё же обещала на-вестить Фей. Когда Эллен повесила трубку, я позвонила врачу.
- Господин доктор, с вами говорит мисс Миллер, руководительница ванкуверского "Углового клуба" девушек. Если я не ошибаюсь, у вас на лечении есть Фей.
- Да, - был короткий ответ.
- Так вот, наш клуб беспокоится о Фей, меня попросили навестить её в больнице, если вы...
- Это бесполезно, мисс Миллер, она вас не узнает. Она никого не узнаёт. И я был

вынужден поместить её в отделение для буйных. Она как дикая.
- Но господин доктор, друзья, с которыми она жила, считают, что она разыгрывает спектакль.
Взрыв гнева с его стороны помешал мне продолжить разговор.
- Мисс Миллер, я уже годы специализируюсь по душевнобольным. Неужели вы думаете,
что я не отличил бы спектакль от психической болезни?
Он чувствовал себя очень оскорблённым.
- Господин доктор, я прошу вас простить меня. Но не могли бы вы ради друзей Фей дать мне разрешение посетить её? Моя оценка её поведения смогла бы успо-коить их.
Он вновь выразил своё неудовольствие, но согласился.
- Хорошо! Приходите в больницу в субботу в два
часа.
Я распоряжусь, чтобы вас пропустили. - И он повесил
трубку.
"Господи, пришло время. Теперь мне предстоит идти
на другое дело. Укрепи мои нервы и дай мне силы посе-тить душевнобольную", - молилась я.
Думаю, что большинство людей подсознательно чегото боятся. Многие женщины боятся
змей. Я знала здорового мужчину, который, услышав, что вблизи виде-ли крысу, задрожал от страха. Один современный из-вестный учёный признаётся, что боится насекомых. Я ничего не боюсь больше, чем душевнобольных. Я снова молилась: "Когда мне нужно было спуститься в подвал, чтобы посмотреть, не повесилась ли миссис Мэк, я про-сила Тебя укрепить мои нервы, но Ты не сделал этого. Ты, конечно, знал, что её не было в подвале, и что мне не нужно было делать это. Хочешь ли Ты помочь мне
теперь?"
В субботу вечером я должна была ехать на конфе-ренцию в Сосновый Бор. Упакованный чемодан стоял готовый к отъезду. Оставив его в клубе, я отправилась в больницу. Отделение для буйных находилось на первом этаже. В отделение преграждали вход тяжёлые запертые двери, перед которыми стоял стол, а за ним сидели две медсестры. Откуда-то из-за дверей слышалось над-рывное, на высоких тонах, пение.
Я подошла к медсёстрам:
- Можно мне увидеть вашу пациентку Фей?
Медсёстры переглянулись.
- К сожалению, нет. Это было бы нарушением
предписаний. Никто не должен видеть её.
- Но мне сказали, что мне будет дозволено, если я
приду в это время.
Они переглянулись, потом та, что помоложе, сказала:
- Слышите, как она поёт? Юный голос пел беспрерывно.
- Доктор сказал мне, что оставит распоряжение про-вести меня к ней, - протестовала я.
Эти слова подействовали мгновенно. Медсёстры пере-рыли лежащие на столе бумаги и
сказали:
- Да, здесь есть распоряжение относительно мисс Миллер.
- Это я.
-Хорошо! Проходите, пожалуйста.
Медсестра, та, что помоложе, взяла большую связку ключей и открыла дверь в коридор. Она пригласила меня войти. По одну сторону выстроились в ряд маленькие камеры. Двери везде были затворены. Сами камеры находились ниже уровня земли. Окна камер были сразу под потолком, а снаружи нижний край окон как раз сов-падал
с уровнем поверхности земли.
Моё сердце сильно билось, голова кружилась, и я чувствовала себя больной. Я не успела опомниться, как сестра отворила дверь, и я очутилась в камере. Я слы-шала, как она заперла дверь с той стороны. Стоя под окном и выглядывая в него, Фей всё ещё пела. Одета она была очень неряшливо.

Услышав щёлканье дверного затвора, она обер-нулась с видом дикого животного, готовящегося к прыж-ку на свою добычу. Некоторое время она с глупым видом смотрела на меня, потом сказала:
- Мисс Миллер!
-Да, милая Фей!
Я пошла ей навстречу, обняла её и поцеловала.
- Я только недавно узнала о твоей болезни. Мне очень захотелось навестить тебя. Ложись в кровать, дорогая, и тогда мы поговорим.
Послушно, как ягнёнок, взобралась она на своё ложе, а я села у её ног; в комнате
не было даже стула.
Я рассказывала ей об "Угловом клубе", пытаясь вер-нуть её мысли к тем спокойным дням и к Господу. На все вопросы она отвечала логично, лишь раз я заметила в ней
некое отчуждение. Рассказывая один случай, происшед-ший в клубе, я спросила:
- Ты ещё помнишь матушку Фич, Фей?
- Да, - ответила она.
Её лицо вдруг приняло хитрое, лукавое выражение.
- А вас я знаю, - вскричала она неожиданно громко.
У меня по телу пошла дрожь, но я попыталась пропус-тить её слова мимо ушей и продолжала спокойно го-ворить. Я сказала, что она должна полностью довериться Господу, и что я напишу письмо её матери. Также я ей сказала и о своих каникулах, и что, как только вернусь, сразу приду к ней.
Думаю, что я пробыла у неё не более четверти часа. Потом я громко постучала в дверь в надежде быть услы-шанной медсестрой. Наконец-то она пришла, и я оставила
Фей, всё ещё спокойно лежащую на кровати.
Вернувшись в клуб, я позвонила врачу.
- Ну, как было?
- Она меня сразу узнала и назвала по имени. Одно мгновение на том конце было тихо, потом он обратился ко мне со словами:
- Расскажите мне, пожалуйста, всё, от начала до конца.
После моего рассказа он сказал:
- Когда вы снова сможете прийти?
- Через несколько часов я уезжаю из города на каникулы. Через две недели вернусь. Можно вам ещё позвонить, господин доктор?
- Пожалуйста, - серьёзно ответил он.
Состояние Фей я оценила так же, как и Эллен.
Но я всё думала, что же было причиной, толкнувшей
Фей устроить этот спектакль. Если бы я тогда знала, как
она была больна, я бы с готовностью пожертвовала свой отпуск для присмотра за ней.
В следующем разговоре по телефону после моего возвращения врач сообщил мне, что её перевели в отделение для умалишённых, находящееся за Ванкуве-ром. Теперь ему было безразлично, пойду я к ней или нет;
он лишь заметил:
- На сей раз она не узнает вас.
Разрешение на посещение он мне дал.
Переосмысливая случившееся сейчас, почти тридцать лет спустя, столкнувшись с одержимыми бесами людьми туземных племён, я прихожу к мысли, что здесь речь тоже
шла об особого рода одержимости. Дьявол сумел внушить образованным американцам, что он всего лишь выдумка, плод фантазии, но при этом он, не узнанный людьми, чинит своё разрушительное дело. У меня есть основание двоякого рода для подобного заключения.
Во-первых, я убедилась, что достаточно лишь присут-ствия полностью посвятившего себя Господу человека в обитаемом демонами доме, чтобы вытеснить силы тьмы. Моё появление в той камере принесло с собой власть моего Учителя, поэтому на некоторое время дьявол был связан в своих действиях.
Во-вторых, то лукавое выражение на лице Фей, когда она, даже не будучи спрошенной, призналась, что знает меня, однажды я видела на лице одержимой бесами девушки-туземки. Это было незадолго до момента, когда бес вышел из неё.

Сила, побуждающая беса к признанию, была той же, как во времена хождения Иисуса по этой земле. Но в те дни, когда я работала в "Угловом клубе", я ещё ничего не знала об этом.
Знала я только, что должна навестить Фей в заведении для умалишённых. Эта мысль приводила меня в ужас. Но Бог не оставил меня и в этот раз, как тогда в больнице, я это знала.
И однажды, в послеобеденные часы, я вышла из машины перед печально известным заведением. Никогда прежде я не думала, что мне придётся побывать в нём.
Это было солидное здание в несколько этажей. У высоких входных ворот я услышала крик пациентов-мужчин, находившихся на веранде за железной решёткой. Сквозь металлические прутья они протягивали ко мне свои руки, будто бы силясь схватить меня. Это, конечно, не действовало успокаивающе на мои нервы.
Сначала меня направили в кабинет дежурного врача. . Это был молодой мужчина, и когда я подошла к его сто-лу, он воскликнул:
- Ах, да это же мисс Миллер! Я была немного удивлена.
- Изабель Миллер, студентка университета Бритиш-Колумбия, не так ли? - повторил он в то время, как мы дружески жали друг другу руки.
- Да, но как вы знаете это? - спросила я его. Он засмеялся.
- Я был курсом младше вас. Чем вы занимались с тех
пор?
Так мы некоторое время разговаривали друг с дру-гом, пока я не начала рассказывать о своей работе в "Уг-ловом клубе". Это вернуло меня к цели моего прихода к Фей. В том здании должно было быть несколько тысяч пациентов, но когда
я спросила: "Может, вы знаете
Фей?"Он
меня тут же перебил:
- Ещё бы! Я не забуду той ночи, когда её привезли, и четверо здоровых мужчин были вынуждены держать её.
- Что вы думаете о ней? Болезнь её неизлечима?
- Нет, думаю, что излечима, - задумчиво ответил он. -Этот вид нарушения психики возникает в результате распутного образа жизни, но может быть излечен при-менением современных лекарственных средств. Говорила
она раньше много? Это всегда первый признак -чрезмерная говорливость. Здесь ей придётся пробыть минимум два года, но и потом возможен рецидив.
Наш клуб очень хотел бы что-нибудь сделать для Фей. Мы, конечно, думаем, что молитва может помочь ей, но, может, вы нам ещё что-нибудь предложите?
- Да, - ответил он, - состояние девушки вызвано тем, что она поздно ложилась, одним словом, той жизнью, какую она вела. Если бы клуб смог передавать ей питательные продукты, улучшение её состояния про-двигалось бы более быстрым темпом. Кормят здесь хорошо, но ей нужно больше мяса и других продуктов, укрепляющих организм - то, чего не может дать госу-дарственное заведение.
Я обещала сделать всё, что смогу. Потом он позвонил кому-то, кто должен был показать мне палату Фей.
- Её нужно подготовить к вашему приходу, - предостерёг он меня, - вам придётся немного подождать. Меня снова подвели к коридору, запертому изнутри. Но за ним я
увидела зал, в котором сидели безобидные пациенты. Одни вязали, другие читали, кто-то играл на пианино, а за столом сидела медсестра. Напротив закры-той двери стояла скамья.
Я села на неё, ожидая приглашения. Ко мне сразу семенящим шагом приблизилась молодая женщина и спросила:
- К кому вы пришли?
- К Фей, - ответила я удивлённо.
- О да, она славная девушка, я знаю её. Это она выкрикнула громким голосом. Посмотрев на медсестру за письменным столом, она прошептала мне, прикрывшись рукой: - Она не сумасшедшее меня!
- Я принесла Фей немного шоколада. Как вы думаете, будет она его есть? - спросила я её, чтобы хоть что-то сказать.
- О да, кормят здесь хорошо! - и это снова в сторону письменного стола; потом, прикрывшись рукой, шёпотом: - Кормят ужасно, они морят нас голодом. Поэтому приносите ей много шоколада.

И так далее. Комплименты - в адрес медсестры, мне -шёпотом произнесённые жалобы.
Я уже едва владела собой, но её здесь, видимо, знали, так как через несколько минут медсестра, подняв руку, помахала ей:
- К., подойдите сюда!
- Видите, как они связывают нас! - прошептала она,
составив гримасу, но послушалась.
Наконец пришла одна сестра с ключом, и снова меня повели за одну дверь, другая медсестра привела Фей. Потом обе, к моему ужасу, покинули помещение, оставив меня одну с пациенткой.
Я едва узнала её. Она стала худой и прозрачной, как тень... Подготовка, которую провели с ней, наверное, представляла из себя успокоительный укол, который привёл её в полусонное состояние. Судя по её волосам, мокрым и прилипшим к голове, её пришлось мыть. Она стояла, качаясь, передо мной. Было видно, что она меня не узнавала. Я назвала ей своё имя, и она повторила его без единого признака, что узнала меня. Потом я дала ей шоколад. Она его жадно открыла и быстро, одну плитку за другой, затолкала в рот. Через пять минут я поняла, что разговор с ней исключён. Она меня всё ещё не узнавала и не могла следовать за моими мыслями.
Действие успокоительного укола начало ослабевать. - Я хочу назад, - вдруг сказала она и метнулась вниз в коридор. Она искала свою камеру, но не могла найти её. Я тоже не знала, где она находится, поэтому постучала в закрытую дверь
коридора, вызывая медсестру. Наконец она пришла и увела Фей в её камеру. Девушка
тем временем совсем очнулась. Дико обернувшись к сестре, она начала её ругать и проклинать. Заглянув в её камеру, я
увидела, почему её надо было искупать и сделать успокоительный укол, прежде чем привести к посе-тителю. Она жила как животное. Расстроенная от уви-денного, я вернулась домой. Вновь пережить такое я бы не хотела, но Господь дал мне силы выстоять.
В "Угловом клубе" я об этом ничего не рассказывала. Я передала им только пожелание врача. Также я им сказала, как она похудела, и попросила девушек мо-литься о ней. Ещё я написала матери Фей, и вскоре она прислала в Ванкувер сестру Фей, чтобы она посещала её и делала для неё всё необходимое.
За бедную Фей много молились и посылали ей от девушек и женского комитета пакеты
с продуктами. Но мы были не готовы к тому, что сделал Господь в Своей бесконечной милости.
Через шесть месяцев Фей выписали в полном здравии из заведения для умалишённых. Хоть мы каждый день просили Господа сотворить это чудо, я удивилась тому, что ответ последовал так быстро. Однажды днём мне позвонил кто-то незнакомый и сказал примерно следующее:
- Мисс Миллер, вы меня знаете? Я миссис Х., соседка матери Фей, из прерий. Мы с мужем приехали сюда к побережью, и когда я рассказала соседке о нашем плане, она
попросила меня привезти домой Фей. Вы знаете, что несколько дней назад её выписали? Нет? Так вот, это так. Сейчас она живёт у своей сестры, но очень бы хотела уви-деться с вами, прежде чем уедет из города, и побла-годарить вас за всё, что вы сделали для неё. Могу я привезти её сегодня после обеда? Вечером мы уезжаем. Спасибо вам. Итак, в три часа!
Я откинулась на моём стуле и, глотнув воздуха, воз-дала хвалу Господу.
Назначенного свидания я ждала с внутренним волне-нием. Я знала двух разных Фей. На какую из двух она
сегодня будет походить? На весёлую болтушку? На наркотизированное животное? Была
ли она действительно снова полностью нормальной? Третья Фей оказалась настоящей Фей, совсем другой личностью. Она добавила в весе, выглядела довольно хорошо, но
была робкой и тихой. Я её едва могла узнать. Она серьёзно поблаго-дарила меня.
Когда она пошла на кухню поприветствовать матушку Фич, я обратилась к её соседке, сказав:

- Какая она тихая. Как вы думаете, она боится меня? Женщина серьёзно посмотрела на меня.
- Фей никогда много не разговаривала. Она всегда была тихой. Теперь она совсем прежняя Фей. Её мать очень обрадуется.
Через девять лет я снова была в "Угловом клубе", будучи уже миссионеркой, супругой и матерью. Как рады были моему приезду! Это был вторник, и вечером я хотела обратиться с речью к девушкам. Днём меня по-звали к телефону.
- Изабель, вы ещё помните меня. Фей? Я чуть было не подпрыгнула от радости.
- Фей?! Ты снова в Ванкувере?
- Да, и я сейчас замужем. О Изабель, Господь был так милостив ко мне! Я бы хотела вам всё рассказать, прежде чем вы познакомитесь с моим мужем. Вы бы не пошли сегодня вечером поужинать со мной где-нибудь в городе, только мы вдвоём, а
потом я бы пошла с вами на собрание? Мой муж тоже придёт. Мне дали разрешение, так как, кроме Джона, здесь ещё один мужчина.
Мою радость понять в состоянии только тот, кто сам однажды опекал духовных детей. И никогда не понять это тому, кто не стоял у огня и не видел его разгорания, кто не вынужден был отпрянуть от палящего зноя, едва не опалив себе руки, желая вырвать ребёнка у пламени.
В тот вечер мы сидели друг против друга в маленькой ресторанной нише. Это была всё ещё прекрасная Фей. Её
спокойные слова были полны идущей из глубины сердца благодарности:
- Да, у меня хороший муж и двое детей. Никогда у меня не было больше рецидивов, я уверена, что Господь этого больше не допустит. И знаете, Изабель, я бы хотела,
чтобы мои дети выросли в общине Господа. Мы с мужем одного мнения в том, что наша семья должна быть верующей.
Это всего лишь небольшой плод урожая, собранного за год деятельности в "Угловом клубе". Вот какие воз-можности сокрыты в подобном начинании, где трудя-щиеся девушки приводятся ко Христу.
В поисках Его Он делает нас внимательными к нуждам других и помогает нам проложить пути, ведущие людей к Нему.
Тогда мы осознаём себя работниками в Его вино-граднике, и жизнь становится такой
богатой и полно-ценной.
Но я должна вернуться к моей истории. Теперь путь в Китай вновь был открыт.

Мужественно вперёд!

Это было весной 1928 года, когда в Ванкувер приехал директор китайской миссии. Меня вызвали к нему. Я ещё хорошо помню его изучающий, озабоченный взгляд.
- Девочка моя дорогая, - начал он, - вы выглядите утомлённой. Достаточно ли у вас сил поехать в Китай?
- О да, я здорова, но очень устала.
Наш дом на севере Ванкувера находился очень далеко от церкви, в которой я регулярно трудилась. Поздно вечером паром ходил очень редко, и если я, что часто
случалось, задержусь, мне каждый раз долго прихо-дилось ждать следующего рейса переправы. Я часто ложилась спать около полуночи, а в шесть часов мне надо было вставать, чтобы иметь тихий час для молитвы и общения с Господом. Потом нужно было привести в порядок дом и в девять часов быть у парома.
Сегодня я думаю, что у меня скорее всего была духовная усталость, а не физическая. Путь к победе я знала. Я читала о пережитом Гудзоном Тейлором ("Преображённая жизнь"), когда он возложил всё своё бремя на Господа. На конференции в Сосновом Бору об этом тоже говорилось, а также я была свидетелем того, как это пережили некоторые верующие. Но я не знала, что это станет и моим уделом.
Тайно я скорбела по поводу некоторых обстоятельств. Легкомысленная позиция моего
отца в предпринима-тельских делах пугала меня. Чем это кончится? Теперь я понимаю тревогу мамы и понимаю, что наше материаль-ное благополучие было

возможно только благодаря её разумному суждению и осторожности.
Я переживала и о своих неудачах в "Угловом клубе". Я определённо не обладала даром евангелистки. Хоть постоянно были случаи очищения молодых людей от грехов,
нового посвящения Господу и укрепления в Нём,
но я ждала и покаяний. Девушки из кругов пятиде-сятников требовали от меня, чтобы я просила крещения Духом.
Одна из них (её звали Пегги) была одарённой еванге-листкой. И я почувствовала искушение сравнивать себя с ней и с другими. Пегги обладала чем-то, чего не было
у меня. Был ли это дар говорить языками? Чем-то меня это отпугивало. Но Бог преданно хранил меня на путях моих.
Я попросила Пегги и ещё одну девушку, которые всегда увещевали меня, рассказать мне, что они испытывают, когда "исполняются Духом". Их красочный рассказ ни о чём новом не свидетельствовал. Часто я чувствовала то же самое, когда была одна с Иисусом, и сознание Его присутствия наполнило меня тихой радостью. Я никогда не говорила языками, но мне ка-залось, что за исключением этого, я испытала всё,
что якобы ощущали они. И это успокоило меня.
Я всегда была уверена в том, что опасно просить у Господа определённое "явление". Тогда легко подпасть под искушение думать, что "явление" освящает нас. Но это не так. Время возвышенного состояния благодаря Его присутствию, доказательства Его непрестанной заботы о нас обогащают нас, делают нашу радость полной, неомрачённой, делает нас богаче, так как через это мы познаем Иисуса. Это всё укрепляет нас в вере, но не делает святее других верующих - я убедилась в этом.
Единственным путём к освящению является покаяние в наших грехах - таких, как самоправедность, жалость к себе, самоуверенность, самовосхищение, любовь к себе и ещё много других подобных пороков. От них мы можем освободиться только на духовном пути, а не исполнением голых наставлений. Здесь дело обстоит так же, как с проказой, от которой нельзя очиститься, следуя доброму совету. Бог должен Сам уничтожить в нас грех, прежде чем мы станем свободными. Мы должны принять в свою
жизнь крест, который произведёт в нас своё разру-шительное в хорошем смысле действие. Мы должны принести на суд ко кресту свою эгоцентричную жизнь. Дух Святой распинает в нас эти грехи, если мы искренне раскаиваемся в них. Мы должны
просто принять связан-ное с этим страдание и радоваться, сознавая, что в конце этого процесса нам уготовано воскресение со Христом.
Так я, несмотря на множество услышанных молитв, всё ещё была обременена заботами, жалостью к себе и многими другими пороками, даже не зная о них.
Мистер Гибб был серьёзно обеспокоен состоянием моего здоровья. Я уже носила обручальное кольцо, а Джон Кун уже находился в Китае, служа Господу. Вернётся ли
он ради меня на родину, пожертвовав своей работой на чужбине, если я по состоянию здоровья не
смогу выехать?
Мистер Гибб проконсультировался с мистером Томсоном. Они решили, что я должна оставить работу в "Угловом клубе" и предстоящие шесть месяцев по-настоящему отдыхать, прежде чем в следующем октябре
уехать.
Мистер Гибб хотел распорядиться, чтобы китай-ская миссия это время поддерживала меня финансово, но, очевидно, он забыл сделать это. Я всё ждала и ждала, но китайская миссия ничего не присылала мне. А напоминать об этом мне не хотелось. Гудзон Тейлор в подобной ситуации, наверное, просто молился.
Я не знаю, как случилось, что мистер и миссис Вайпл узнали об этом решении. Во всяком случае, они пригла-сили меня провести пять или шесть месяцев у них в Сосновом Бору. Они писали, что я могла бы убирать комнаты и следить за порядком вокруг дома, но что прежде я должна отдохнуть месяц, завтракать в кровати и полностью расслабиться. Сбережений у меня не было, так как я считала нужным в первую очередь рассчитаться с
долгами отца. Я предвидела, что его следующее пред-приятие не принесёт ему

денег, и не ошиблась. Итак, в Сосновый Бор я приехала со своими последними трид-цатью шестью долларами. Это было всем моим состоянием.
Возможно, мой собственный опыт был причиной, почему я так охотно предлагала уютный очаг уставшим девушкам, изо дня в день вынужденным тяжело работать. Меня очень радовал приём милой радушной миссис Вайпл. Она выделила мне предназначенную для её дочери Лоис комнату. Лоис должна была вернуться в ЛосАнже-лес, чтобы продолжить учёбу в Библейском институте. С двух сторон стены комнаты не доходили до потолка. Но благоухающие высокие сосны образовали природную защиту от постороннего взгляда.
Из нескольких старых мешков из-под цемента, отбе-ленных и разрисованных, миссис Вайпл смастерила занавески. Если на конференцию в Сосновый Бор приезжало много людей и защита сосен оказывалась недостаточной, тогда можно было задвинуть шторы. Но к моему приезду лишь зелёные ветви сосен образовывали стены, и это мне очень нравилось. Проснуться утром от глубокого сна и, не имея перед собой полностью расписанной программы на день, спокойно слушать птичье пение и наблюдать за солнечными лучами, пробивающимися через зелёную стену, - это походило на жизнь с Богом в Едемском саду. Я не могу забыть это.
Я знала, что Вайпл жили верой, но в тот вечер, когда они приняли меня у себя, я и не представляла, какими они были бедными. Я просто чувствовала, что должна была дать им свои тридцать шесть долларов. Прежде чем пойти спать, я передала их миссис Вайпл со словами:
- Я бы хотела, чтобы вы приняли от меня эти деньги. Они никогда не будут платой за шесть месяцев, но я была бы счастлива знать, что хоть чем-то заплатила.
Я помню, как миссис Вайпл слегка покраснела. Казалось, что она сразу же хотела вернуть предложенные мною деньги, но я настояла на том, чтобы она не сделала этого.
Спустя годы она мне рассказала, что ей было очень тяжело брать с меня деньги. На следующее утро ей нужно было рассчитаться за молоко, а средств у неё не было. Моих денег как раз хватило, пока пришло пожертвование в шесть долларов, а потом они больше никогда не попадали в денежные затруднения. Я написала об этом, чтобы показать, как жили Вайпл. Несмотря на то, что тогда поступало мало пожертвований, они ни на минуту не задумались пригласить меня и приютить на полгода.
Вернувшись из Китая на родину, они узнали, что у них остался лишь дом в Сосновом Бору. На небольшие сбережения, используя старую мебель, найденную ими на мансарде одного знакомого, они обставили комнату для Лоис (и меня). Мебель они покрасили в зелёный цвет, и с пёстрыми занавесками комната выглядела прелестно, чему была бы рада любая молодая девушка. Я увидела, как старые вещи можно превратить в новые.
Конференция летом 1928 года была самой благо-словенной из всех, на которых я присутствовала. Глав-ным ведущим был доктор Артур Хорис из Уэльса, и Дух Божий производил Своё действие среди нас. Миссис Вайпл просила Господа, чтобы каждая молодая душа посвятила себя Господу, прежде чем закончится конференция.
Однажды вечером, после собрания, она почувство-вала побуждение зайти в комнату девушек; там она становилась на колени возле каждой кровати и молилась за каждую девушку, чтобы она посвятила себя Христу. На этом вечере были покаяния.
Конференция уже приближалась к концу, но всё ещё были девушки, не отдавшие своё сердце Господу. Поэтому учредители конференции во время последнего собрания созвали для молитвы всех руководителей молодёжных групп.
Мне не забыть той совместной молитвы. Дух Господа сошёл на нас, как во времена апостолов. Мы были так глубоко погружены в ощущение присутствия Господа и так сильно чувствовали тяжесть за нерешительные души, что я лишь тогда почувствовала себя вновь на земле, когда начался перелом.
Из нашего находящегося на возвышении поме-щения сквозь сосновые ветви мы могли

видеть собрание, проходящее под открытым небом. Души, одна за другой, поднимались и проходили вперёд в знак своего посвя-щения Господу. Последней была
девушка, надежда на покаяние которой казалась невероятной. Она и сегодня ещё служит Господу и осталась верна своей не одно десятилетие длящейся миссионерской
деятельности. Дух Божий поистине творил Своё великое дело.
После конференции я должна была вернуться в Ванкувер, чтобы приготовить всё необходимое для отъезда в Китай. Миссия всё ещё не присылала мне денег;
билет я смогла купить на подаренные братом деньги -проявление его любви ко мне. Откуда же мне ждать сле-дующего поступления? Ещё в большее замешательство меня привели слова Марьери, что она хотела бы присоединиться ко мне во время поездки в Ванкувер, где потом хотела бы побыть со мною. Я не смогла ей отказать, но у меня не было денег даже на такси, чтобы от вокзала доехать до нашего дома, не говоря уже о содержании.
Тогда мне позвонил мистер Томсон. Он просил меня явиться к нему в бюро, где для меня поступили деньги. Итак, думала я, мистер Гибб всё же не забыл выполнить своё обещание. Однако это было нечто другое, куда более чудесное. Эти пятьдесят долларов были из Китая от моего любимого Джона. Думаю, что это был остаток его банковского счёта, накопленного за время работы в институте
им. Муди. "Пусть это будет тебе от меня к твоему приданому, - писал он, -
но ты можешь использовать их, по своему усмотрению". Так первой "использовала" их Марьери. После всё пошло легче. Девушки "Углового клуба" подготовили мне хорошее приданое, к которому при-ложили деньги на покупку транспортабельной гармоники. Этот маленький инструмент сопровождал нас в горах Салвана и доставил народу лису и миссионерам много радости. Он и сейчас стоит где-то в земле лису.
Я часто молилась, чтобы Господь помог мне во время прощальной речи в "Угловом клубе". Тогда я не знала, что некоторые из тех молодых девушек позже будут поддерживать меня в своих молитвах; во время моей миссионерской деятельности я каждый день благодарила Господа за этих девушек.
Господь положил мне на сердце слово из Евреям 6, 1. Обращение моё было примерно следующего содержания:
"Мы только начали познавать нашего вечного, не-постижимого Бога. Давайте не останавливаться на дос-тигнутом простейшем знании о Христе, но будем воз-растать

в познании. Не будем останавливаться на при-нятии первоначальных истин.
Давайте,
если даст Бог,
мужественно идти вперёд".
11 октября 1928 года я села на корабль, отправляю-щийся в Китай. Мы плыли большой группой. Среди нас была Элла Дикен, маленькая американка, жившая рядом со мною в доме Рамсон института им. Муди. Она тоже была помолвлена с миссионером
китайской миссии. Позже мы жили с ней в одной комнате во время про-хождения языковой школы в Китае.
Мой отец получил разрешение ехать со мной до Виктории. Так нам не пришлось прощаться ещё в Ванкувере, где так много друзей увидели бы наши слёзы.
Около полудня наш корабль отчалил от берега. Девушки "Углового клуба" забыли об обеде и пришли в
порт. Их было так много, что один незнакомец спросил моего брата:
- Кто эта девушка, с которой так прощаются?
- Всего лишь молодая неизвестная миссионерка, в первый раз выезжающая в Китай.
-
Такого ответа спрашивающий, очевидно, не ожидал.
Бог охотно доставляет Своим детям особую радость. По трапу корабля "Емпресс Руссиа" (царица России) последним взошёл трубач и начал играть прекрасную прощальную песню "Алоха Ое". В ней поётся о рас-ставании двух любящих сердец. Эта песня полна страсти, но лишена надежды. В ней воспевается этот мир, отдающий
всё лучшее, чтобы доставить людям радость, но в итоге печально признающий свои ограниченные возможности.

Я рада, что есть и христианские песни на час рас-ставания. Только верующие могут
радостно петь: "Мы расстаёмся не навсегда".
Сквозь портовый шум лилась мелодия, которую играл трубач, а над стоящей на берегу толпой воцарилась глу-бокая тишина.
Однако... "И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие" (Марка 13,10).
Последние звуки музыки ещё долго дрожали в воздухе. Неверующие из толпы, знающие
только земную надежду, грустно подпевали "Алоха Ое".
Корабль с грохотом снялся с якоря. Бумажные ленты, ещё соединяющие стоящих у поручней с их близкими на берегу, натянулись и разорвались, когда величавый теплоход медленно отошёл от причала. Дорогие мне девичьи лица пытались скрыть волнение, некоторые плакали. Про себя я молилась, какие бы прощальные слова я могла бы оставить им навсегда.
И, низко наклонившись через бруствер, я громко крикнула провожавшим: "Мужественно вперёд!"
Небесный свет согнал с некоторых лиц слёзы земного страдания, и из этого я сделала вывод, что мои слова бы-ли услышаны. Они помахали мне в знак согласия. Потом наш корабль медленно повернулся в сторону залива Пьюджет-Саунд Тихого океана и Китая.
Но мне предстоял ещё один шаг. В городе Виктория со мной попрощался отец. Когда мы уже расстались, судо-вой радист принёс телеграмму: "Мы хотим идти вперёд. Твои девушки из "Углового клуба".
Слёзы благодарности полились из моих глаз. С тех пор прошло двадцать восемь лет.
Разве это не достаточно долгий испытательный срок? "Угловой клуб" существует и сегодня. Большинство девушек остались верны Господу. Во многих странах живут люди, благос-ловенные этими девушками.
Одна из пришедших к кораблю попрощаться бессоз-нательно искала опоры не в Господе, а во мне. Поэтому и потерпела крушение, когда была лишена своей чело-веческой опоры. Но большинство сдержали своё обе-щание.
А теперь, когда настал момент расстаться автору с читателями, мне не найти лучше
тех прощальных слов:
"Мужественно вперёд!" Вперёд в поисках и познании величия и любви нашего Бога. Он не любит кого-то больше, а кого-то меньше. Он сказал: "И взыщете Меня и найдёте, если взыщете Меня всем сердцем вашим" (Иеремия 29, 13).
"Всем сердцем вашим" - это единственное условие. Искать нужно со всей искренностью и абсолютной верностью.
"Но да просит с верою, ни мало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих" (Иакова 1, 6-8).
Но в Евреям 11,6 нам дано обетование: "ищущим Его воздаёт".
Зузанна Весли говорит: "Он так бесконечно добр, что каждый раз, когда чувствуешь
Его присутствие, де-лающее тебя счастливым, сердце наполняется радостью. Каждый шаг Ему навстречу - это шаг к более глубокой радости.
Поэтому давайте не будем ослабевать в поиске!

Жизнь с избытком
Изабелл Кун

Гнёзда над пропастью - книга о дремучем язы-честве, жизни в страхе и без надежды
с одной сто-роны и о спасительной благодати Иисуса Христа и новой жизни с другой

стороны. Лису - народ на-горного Китая, Бирмы и Таиланда. Для проповеди Евангелия к ним приехали миссионеры...
Изабель Кун рассказывает о жизни лису, о их нелёгком труде, их суевериях и о том
как преобра-жалась их жизнь с обращением к Иисусу Христу. Читатель знакомится не
только с народом - лич-ность, с её переживаниями и судьбой представляет автор.
Она пишет не по рассказам. Вместе со сво-им мужем она жила с этим народом, чтобы
словом и делом указать путь к Богу. Их жизнь - зажигатель-ный пример служения ближним, когда нет обя-занностей, но есть долг любви.